ТА И-ТА

повѣсть

Л. МИРСКІЙ

1853
1883
MOB

Передъ Марѳой Посадницей выросла толстая фигура женщины...

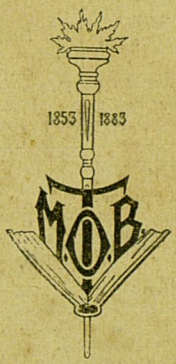
37.64.5.54

Непослушной, но милой
дочурке Вере

Т-А И-ТА

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ оригинальными рисунками И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
Петроградъ
Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузнецк. м., 12 и Тверская, 22
1916

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ ○, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія адетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

Книги отмѣченныя „въ перепл."—переплетены въ цвѣтной коленко т, съ золототисненіемъ.

Повѣсти изъ институтской и кавказской жизни.

*○ **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 5-е. Ц. въ перепл. 3 р.

*○ **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 5-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*○ **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Съ иллюстр. В. А. Табурина. Изданіе 4-е. Цѣна въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р.

Автобіографическія повѣсти.

○ **ЗА ЧТО? Съ иллюстр. И. Гурьева. Изд 3-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ЦѢЛЬ ДОСТИГНУТА Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 3 р.

Повѣсти для юношества.

○ **СЕСТРА МАРИНА.** Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. въ перепл. 3 р.

ЛѢСОВИЧКА. Съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Съ илл. В Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ папочномъ переплетѣ 60 к.

Историческія повѣсти для юношества.

○ **ГАЗАВАТЪ. Съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Съ илл. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ. Съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЖЕЛАННЫЙ ЦАРЬ. Съ илл. И. Гурьева. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.

○ **ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ.** Съ иллюстр. и снимк. съ карт. Нестерова, Новоскольцева, Брюллова и друг. Ц. въ переплетѣ 2 р. 25 к.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Повѣсти для дѣтей.

БИЧО-ДЖАНЪ. Приключенія кавказскаго мальчика. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 4-е. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ. Съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Съ илл. И. И. Гурьева. Изд. 2-е Ц. въ переплетѣ 3 р.

○ **СЧАСТЛИВЧИКЪ. Съ иллюстр. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ТАСИНО ГОРЕ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ТРИНАДЦАТАЯ. Съ рисунк. В. Спасскаго. Ц. въ перепл. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Съ илл. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 3 р.

Историческія повѣсти для дѣтей.

○ **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

○ **НА РАДОСТЬ ЦАРЕВИЧУ.** Изъ дѣтской жизни имп. Петра В. Съ рис. Е. Лебедевой. Ц. 25 к.

Сказки.

○ **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ. Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 50 к.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, Э Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

Разсказы для малютокъ.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ папочн. пер. 90 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. пер. 1 р. 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

Стихи.

○ **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юнош. съ илл. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к

СМѢШНЫЯ ШУТКИ. Шутки и прибаутки. Съ рис. Ц. 30 к.

Пьесы.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Петроградъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

ГЛАВА 1.

Съ нами крестная сила! Вѣтеръ-то, вѣтеръ какой!

— Ну и погодушка!

— Высунься-ка, поди-ка на улицу: такъ тебя и закружитъ, такъ и завертитъ.

— До святокъ еще, почитай, два мѣсяца, а стужа какая! Не приведи Богъ!

— Нынче съ утра вьюжитъ... Какъ намедни въ лавочку бѣгала, думала,—съ ногъ мятелью собьетъ. Едва-едва обратно добѣжала...

— Тише, дѣвушки, тише! Никакъ стучитъ кто-то?

— Какъ не стучать!.. Стучитъ, понятно! Она тебѣ и стучитъ, и поетъ, и свиститъ на разные голоса.

— Нынче п[illegible] изъ крѣпости палили. Сказываютъ, это значитъ, вода изъ Невы выступитъ къ ночи.

— Храни Господи! Тогда пиши пропало: зальетъ нашъ подвалъ.

— Въ первый этажъ переведутъ, не бойся; будемъ тогда въ родѣ какъ барышни-институтки. Знай, молъ, нашихъ.

— Да тише вы, сороки! Спать пора, а онѣ стрекочутъ. Небось завтра съ пѣтухами вставать, а онѣ спать не даютъ.

— Стойте, дѣвушки, помолчите! Впрямь, кто-то стучитъ.

На мигъ затихли голоса, и комната погрузилась въ полное безмолвіе.

Впрочемъ, это не комната даже, а широкій, длинный коридоръ. Около двадцати узкихъ, убогихъ, желѣзныхъ кроватей, прикрытыхъ одинаковыми нанковыми сѣрыми «солдатскими», какъ ихъ называютъ, одѣялами, убѣгаютъ двумя рядами въ темноту. Электрическая лампочка слабо освѣщаетъ переднюю часть длинной безобразной коридора-комнаты; задняя скрывается во мракѣ. Только тамъ, въ дальнемъ концѣ ея, слабо мигаетъ огонекъ лампады передъ божницей. Куцыя окна приходятся въ уровень съ землей; изъ нихъ видны лишь ноги проходящихъ по двору и саду людей.

Это—помѣщеніе для женской прислуги Н-скаго института. Это ея дортуаръ, спальня, гдѣ она ютится ночью, за исключеніемъ лишь тѣхъ дѣвушекъ, которыя спятъ наверху, въ спальняхъ для институтокъ, такъ назы-

ваемыхъ дортуарныхъ дѣвушекъ, счастливицъ, миновавшихъ угрюмый подвалъ.

Здѣсь, среди подвальной прислуги, есть и старыя и молодыя. Всѣ онѣ—«казенныя» служанки, то-есть «не помнящія», а то и вовсе не знающія родства, взятыя изъ воспитательнаго дома и поступившія сюда въ очень молодомъ возрастѣ, 16-17 лѣтъ. Большая часть ихъ проводитъ всю свою жизнь въ стѣнахъ этого казеннаго зданія. Многія изъ нихъ уже старухи. Нѣсколько десятковъ лѣтъ провели онѣ здѣсь, убирая классы, дортуары воспитанницъ, комнаты начальницы, инспектриссы, классныхъ дамъ, пріемныя, подавая обѣды и ужины институткамъ, перемывая чайную и столовую посуду, стирая бѣлье въ прачечной,—словомъ, неся на своихъ плечахъ всѣ тяжелыя обязанности горничныхъ, прачекъ, судомоекъ.

Есть между ними и бѣльевыя и гардеробныя дѣвушки, то-есть такія, которыя шьютъ бѣлье институткамъ и перешиваютъ имъ платья (новые костюмы заказываются на сторонѣ у спеціальныхъ портныхъ). Эти дѣвушки-швеи съ утра до ночи просиживаютъ, согнувшись, надъ шитьемъ. Тяжела жизнь такихъ служанокъ; за грошевое вознагражденіе, полтора-два рубля въ мѣсяцъ, онѣ должны, какъ пчелы, работать цѣлые дни. Правда, казна одѣваетъ ихъ, даетъ имъ отъ себя платье, бѣлье, обувь, все, до послѣдняго куска мыла включительно, но за это какъ много онѣ трудятся и работаютъ на казну.

Не мудрено поэтому, что мало охотницъ съ «воли» приходитъ сюда въ институтъ предлагать свои услуги въ качествѣ горничныхъ, швеекъ и прачекъ. Изъ двухъ десятковъ человѣкъ всего лишь одна единственная вольная въ Н-скомъ институтѣ. «Вольную» дѣвушку, по имени Стешу, пріѣхавшую изъ деревни два года тому назадъ, здѣсь не любитъ никто. Веселая, жизнерадостная, пѣвунья, съ румянымъ круглымъ лицомъ и искрящимися глазами, Стеша возбуждаетъ всеобщую зависть среди своихъ сослуживицъ. Да и какъ имъ не завидывать, когда она, Стеша, свободна какъ птица, можетъ уйти отсюда на другое мѣсто, въ то время, какъ всѣ остальныя должны за хлѣбъ и пріютъ, которыми онѣ пользовались въ раннемъ дѣтствѣ, отслужить казнѣ, хотя нѣсколько лѣтъ, а иныя такъ и остаются служить до сѣдыхъ волосъ, пока не исчезнутъ силы и не распахнетъ передъ ними богадѣльня своихъ гостепріимныхъ дверей...

Мятель все шумитъ, все поетъ и визжитъ за стѣною; неистовствуетъ, то грозная, то жалобная, заливающаяся то смѣхомъ, то плачемъ.

Вдругъ въ эти нестройные, наводящіе уныніе, звуки врываются другіе, совсѣмъ особые, нисколько не напоминающіе вѣтеръ и мятель. Громко и явственно раздается у дверей: «Тукъ-тукъ-тукъ»...

— Съ нами крестная сила! Снаружи это... Что такое?.. Въ такой неурочный часъ, Господи...

И самая старшая изъ служанокъ, пятидесятитрехлѣтняя Агаѳьюшка, за свой властный деспотическій нравъ прозванная институтками «Марѳой Посадницей», тяжело кряхтя, поднимается съ постели, на которой она только что принялась растирать свои истерзанныя ревматизмомъ ноги.

— А можетъ, надсмотрщица?—робко произноситъ молоденькая Акуля, недавно только поступившая сюда.

— Глупая! Какая тамъ надсмотрщица? Нешто надсмотрщица съ улицы придетъ,—накидываются на нее добрый десятокъ товарокъ.

— Стало быть депеша, либо письмо,—говоритъ хорошенькая Дунечка, бѣленькимъ ручкамъ и ослѣпительному цвѣту лица которой завидовала не одна институтка и которую старыя сѣдовласыя дѣвушки-служанки презрительно называютъ «Дуней-бѣлоручкой» за умѣнье сохранять среди самой грубой работы свою природную красоту.

Про Дуню-бѣлоручку институтки, любящія часто строить фантастическія предположенія, говорили, что она—переодѣтая аристократка, которую злые родственники, желая воспользоваться ожидающимъ ее богатымъ наслѣдствомъ, подкинули въ воспитательный домъ.

— Депеша... Какъ же... Держи карманъ шире... Тебѣ депеша отъ китайскаго императора, што ли, съ извѣщеніемъ, что онъ тебя, «бѣлоручку», замужъ за себя беретъ?—насмѣшливо протянула пожилая, съ ехидно

поджатыми губами, сорокалѣтняя дѣвушка,—Капитоша, прислуга инспектрисы, которую прозвали «шпіонкой» за ея постоянные доносы по начальству на всѣхъ и на всякаго.

Дунечка вспыхнула; остальныя захохотали.

Между тѣмъ Агаѳьюшка открыла дверь спальни и прошла въ сѣни. Черный ходъ находился тутъ же, по сосѣдству съ подвальнымъ помѣщеніемъ дѣвушекъ. Сразу потянуло струей холода. Визгъ вьюги и стонъ вѣтра ворвались въ длинную спальню-коридоръ. И передъ «Маѳоой Посадницей» выросла въ темномъ просвѣтѣ дверей закутанная въ теплый овчинный полушубокъ и платокъ широкая неуклюжая фигура женщины.

ГЛАВА II.

Что, Степанида Иванова здѣся живетъ? — настоящимъ деревенскимъ говоромъ произнесла запоздалая посѣтительница.

Агаѳьюшка такъ вся и затряслась отъ охватившаго ее негодованія.

— Да что ты, милая, никакъ ума лишилась!.. Да нешто можно въ казенное мѣсто въ такую пору являться?.. Да, не приведи Богъ, надсмотрщица явится—всѣхъ насъ подъ отвѣтъ подведешь. Ступай, ступай. Завтра поутру навѣдайся. Нечего по гостямъ ходить, на ночь глядя...—затараторила она, легонько подталкивая незнакомку обратно къ двери.

— Да я не по гостямъ, милая. Впусти, Христа ради. Мнѣ Стешѣ Ивановой передать надоть кой-что, гостинчикъ изъ деревни,—взмолилась посѣтительница.

При словѣ «гостинчикъ» немилостивая Агаѳьюшка смягчилась сразу.

— Ну, входи ужъ, коли пришла,—снисходительно разрѣшила она.—Только справляйся скорѣе. Нѣту времени съ тобой возиться. Надсмотрщица нагрянетъ, того и гляди.

— Эй, Степанида! Степа! Вставай скорѣе. Къ тебѣ изъ деревни гостья. Экъ разоспалась дѣвушка, и не разбудишь вовсе.

И, говоря это, «Марѳа Посадница» будила, безцеремонно толкая въ спину, румяную, полную дѣвушку, успѣвшую уже заснуть подъ говоръ и споры товарокъ.

Стеша просыпается не сразу. Садится на постели и протираетъ заспанные глаза.

— Стешенечка. Здравствуй, милая... Какъ живешь, родимая?.. А я къ тебѣ изъ деревни, гостинчикъ привезла,—слышитъ она знакомый голосъ у своей кровати.

Большіе сѣрые выпуклые глаза Стеши широко раскрываются отъ изумленія; она сразу узнаетъ въ толстой, закутанной фигурѣ свою давнишнюю знакомую и землячку.

— Панкратьевна! Голубушка! Вотъ нежданно-негаданно Господь принесъ!

И, соскочивъ на босу ногу съ постели, она бросается обнимать пришедшую.

Электрическая лампочка свѣтитъ тускло. Фигура и лицо Панкратьевны скрываются въ полумракѣ. Но отъ

взоровъ находящихся въ подвалѣ женщинъ не можетъ укрыться неестественная полнота запоздалой гостьи. Какъ будто она скрываетъ что-то подъ овчиннымъ полушубкомъ и теплымъ платкомъ.

Немного плачущимъ, пѣвучимъ голосомъ Панкратьевна говоритъ, обращаясь къ Стешѣ, растерянно поглядывая на окружившихъ ее дѣвушекъ, старыхъ и молодыхъ:

— Вотъ, Степанидушка, напасть-то какая: какъ померла, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, сестрица твоя Аграфена Ивановна, царствіе ей небесное, такъ мы съ ейной дочуркой Глашкой и не знали, что дѣлать. Народъ у насъ, чай, сама знаешь, бѣдный... голодать частенько приходится. Въ кажинной семьѣ кажинный ротъ на счету, всѣ ѣсть просятъ, а тутъ, накося, чужую дѣвчонку кормить надоть... Ну, прознали мы, что ты, какъ у Христа за пазухой, въ казнѣ на всемъ готовомъ живешь, такъ и рѣшили всѣмъ міромъ дѣвчонку тебѣ послать. Дѣлай съ нею, что знаешь. Корми, пои ее: ты ей родная—теткой приходишься; кровь-то не чужая,—своя. Бери ее себѣ, Глашку-то, потому некуда ее больше дѣвать.

Тутъ широкій овчинный полушубокъ мгновенно распахнулся, и сразу наполовину похудѣвшая Панкратьевна опустила на полъ передъ взорами ошеломленныхъ обитательницъ подвала маленькую четырехлѣтнюю дѣвочку съ бойкими черными глазками и вздернутымъ пуговицеобразнымъ носикомъ.

— Ахъ!—дружно, не то испуганно, не то изумленно воскликнули всѣ.

Маленькая дѣвочка среди казеннаго дортуара для институтскихъ прислугъ! Это, дѣйствительно, было что-то изъ ряда вонъ выходящее.

А сама виновница переполоха забавно таращила свои черные глазенки и безъ тѣни смущенія и страха, засунувъ палецъ въ ротъ, разглядывала тѣсно обступившихъ ее людей.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Всѣ были несказанно поражены сюрпризомъ.

«Марѳа Посадница» тяжело отдувалась, посапывая носомъ. Ехидная Капитоша тонко улыбалась, заранѣе радуясь поводу къ новому доносу и неминуемому за нимъ скандалу. Глупенькая Акуля смотрѣла на малютку широко раскрытыми глазами, улыбаясь во весь ротъ. Хорошенькая Дунечка брезгливо сжимала губы.

Горько плакала Стеша шесть мѣсяцевъ тому назадъ надъ письмомъ, пришедшимъ изъ деревни. То было печальное письмо. Оно извѣщало дѣвушку о смерти ея старшей сестры-вдовы, оставившей единственную малютку-дочку. И тогда же Стеша написала просьбу въ деревню добрымъ людямъ пріютить, пока что, ея маленькую племянницу. Письмо не дошло, или не представилась возможность исполнить ея просьбу, но малютка Глаша появилась вдругъ въ институтѣ.

Стеша, растерянная, ошеломленная неожиданностью,

раздавленная никакъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ, съ бѣлымъ, какъ ея ночная кофта, лицомъ и съ трясущимися губами вдругъ неожиданно опустилась на полъ передъ Глашей, обхватила дѣвочку руками и завыла на всю дѣвичью.

— Батюшки мои!.. Свѣты мои!.. Отецъ Никола Чудотворецъ!.. Ангелы-Архангелы!.. Серафимы-Херувимы!.. Матушка Владычица, Царица Небесная!.. Зарѣзали меня, безъ ножа зарѣзали!.. Куды я дѣнусь теперь съ дѣвчонкой, куды я голову съ нею приклоню?.. Убили вы меня, убивцы вы безжалостные... Просила я дѣвчонку у себя подержать,—нѣтъ, таки прислали горемычную сиротинку сюды... Ну что мнѣ дѣлать съ нею сейчасъ?..

Тутъ къ причитаніямъ и истеричному вою Стеши неожиданно присоединился плачъ маленькой Глашки.

— А...—взвизгнула дѣвочка.—Ма-а-м-ка, боюсь... Те-те-нь-ка,—заревѣла она благимъ матомъ и забилась въ рукахъ Стеши.

Всѣ присутствующіе бросились къ плачущимъ. Кто успокаивалъ испуганнаго ребенка, кто уговаривалъ убитую горемъ Стешу.

— Нечего, нечего тебѣ разливаться слезами, дѣвушка,—ехидно поджимая губы, зашептала Капитоша:— Вѣдь ты не наша сестра-казенная: хоть сейчасъ отсюда уйти можешь, да мѣсто на сторонѣ сыскать. Кто тебя привязалъ къ казнѣ-то.

— Да кто меня съ ребенкомъ-то на мѣсто возьметъ,— взвизгнула сквозь рыданія Стеша, еще больше пугая и такъ безудержно ревущую дѣвочку. Глаша залилась слезами пуще прежняго.

— Нѣтъ, что хочешь дѣлай, Панкратьевна, а Глашку возьми,—спустя минуту рѣшительно заявила Стеша.—Нельзя Глашкѣ въ казенномъ мѣстѣ быть. Развѣ можно это? Узнаетъ начальница—сейчасъ же меня откажетъ. Возьми: ты ее, Панкратьевна, возьми.

— Что ты? Что ты? Куда я съ ней дѣнусь,—въ отвѣтъ заговорила Панкратьевна.—Ты ужъ сама какънибудь устройся.

— Да, ты, Панкратьевна, хоть на время ее возьми. Да я, Господи Ты Боже мой, все свое жалованье на нее отдавать буду, безъ чая-сахара просижу, только возьми ты къ себѣ, Христа ради, дѣвочку, слышь, Панкратьевна? А? Хоть на время возьми...

Тутъ Стеша быстро отерла слезы, посмотрѣла заплаканными глазами въ ту сторону, гдѣ стояла Панкратьевна, и съ легкимъ крикомъ испуга отступила назадъ.

Тамъ, гдѣ находилась за минуту до этого явившаяся къ ней землячка, сейчасъ не было никого. Панкратьевна словно провалилась сквозь землю. Ея нигдѣ не оказалось. Очевидно, пользуясь общей суматохой, женщина исчезла изъ подвала такъ тихо и быстро, что никто сразу и не замѣтилъ ея исчезновенія.

Не успѣли еще и сама Стеша и остальныя дѣвушки придти въ себя отъ изумленія, какъ неожиданно въ дѣвичью пулей влетѣла молодая гардеробная Маша и, испуганно шикая, бросила товаркамъ:

— Тише, дѣвушки, надсмотрщица идетъ.

— Господи, этого еще не доставало, — шопотомъ вырвалось у Стеши.

— Дѣвчонку-то спрячь! Спрячь дѣвчонку куда-нибудь, Христа ради, не то крику будетъ не обобраться... со свѣту насъ сживетъ всѣхъ...—засуетились и заметались дѣвушки, старыя и молодыя, съ искреннимъ страхомъ поглядывая на дверь.

— Глашенька, нишкни, не то тетеньку твою загубишь. Выгонятъ тетеньку отсюда. Перестань плакать, Глашенька... На сахэрцу кусочекъ,—уговаривала, вся дрожа отъ волненія, обнимая и цѣлуя мокрое личико Глаши, ея молодая, обезумѣвшая отъ страха, тетка.

— Перестань плакать, Глашенька, и я сахарцу дамъ,—зашептала на ушко малюткѣ подоспѣвшая «Марѳа Посадница».

Магическое слово «сахаръ» сразу возымѣло свое дѣйствіе, а извлеченный изъ глубины чьего-то кармана завалявшійся кусокъ его дополнилъ впечатлѣніе. Неистовый плачъ Глаши оборвался сразу; она позволила подхватить себя на руки, быстро сдернуть съ нея неуклюжую ватную кацавейку, головной платокъ, валенки и уложить на кровать въ дальнемъ углу подвала.

Все это было закончено всего въ десять-пятнадцать секундъ, и когда надсмотрщица надъ дѣвушками-служанками, она же и бѣльевая дама, худенькая, маленькая, очень крикливая и придирчивая особа лѣтъ пятидесяти, появилась въ подвальномъ дортуарѣ,—ничего подозрительнаго или выходящаго изъ рамокъ повседневности не представилось ея чрезмѣрно внимательнымъ взорамъ.

Стеша, улегшаяся вмѣстѣ съ племянницей въ кровать, сумѣла такъ искусно прикрыть головку дѣвочки, что строгая Дарья Семеновна, «Піявка», какъ прозвали надсмотрщицу, не замѣтила ни малѣйшаго нарушенія порядка.

Когда, сдѣлавъ обычный ночной обходъ подвальнаго помѣщенія, «Піявка» исчезла, Стеша первая вскочила съ постели, пробѣжала пространство, отдѣляющее ея кровать отъ кровати «Марѳы Посадницы», и, рухнувъ передъ ней на колѣни, залепетала, ломая руки и рыдая навзрыдъ:

— Агаѳья Миколаевна, заступитесь!.. Спасите!.. На васъ вся надежда... Не погубите меня... Ради Господа Бога не откройте по начальству, что мнѣ ребенка подкинули... Вѣдь выгонятъ меня отсюда... Со свѣту сживутъ... Хоть до воскресенья-то, два денечка бы продержать здѣсь Глашку... А тамъ я со двора отпрошусь, у знакомыхъ ее гдѣ-либо пристрою пока что... Заступитесь вы только. Не дайте въ обиду. А главное, Капи-

толину Аѳанасьевну попросите, чтобы она инспектрисѣ не донесла... Вы все можете. Васъ всѣ послушаютъ... уважаютъ онѣ васъ.

Что-то надорванное, поистинѣ горькое и страдальческое было въ голосѣ и рыданіяхъ Стеши. И это надорванное и горькое непосредственно дошло до сердца «Маѳы Посадницы», далеко не черствaго отъ природы.

Жаль ли стало Агаѳьюшкѣ дѣвушку или захотѣлось ей подчеркнуть лишній разъ свое значеніе у начальства, свою власть надъ окружающ ми, но въ тотъ же мигъ она поднялась съ постели, высокая, полная, представительная, съ сѣдыми косицами волосъ, отброшенными за плечи, и заговорила, обращаясь къ успѣвшимъ уже улечься по постелямъ дѣвушкамъ:

— И то правда, милыя, грѣхъ дѣвчонку на улицу выкидывать. Пущай остается, пока что, покуда ей Степанида угла не найдетъ у добрыхъ людей. А мы, коли крестъ на вороту у насъ есть, должны покрыть Стешу и въ тайности держать дѣвочку, чтобы, упаси Богъ, начальство не увидало... Капитоша, это къ тебѣ относится. Воздержись малость, языкъ за зубами попридержи. Вѣдь нафискалишь своей барышнѣ—со свѣту сживетъ она Стешу, а Стешу сживетъ—дѣвчонкѣ не сдобровать, потому одна у нея тетка кормилица, съ голоду безъ нея помретъ дѣвчонка... Впрочемъ и недолго намъ скрытничать-то: въ воскресенье пойдетъ со двора Стеша

и уведетъ дѣвчонку. Только два дня всего. А, Капитоша, помолчишь что ли? Можно понадѣяться на тебя?—мягкимъ, несвойственнымъ ей голосомъ бросила товаркѣ Агаѳьюшка.

Тонкія губы «шпіонки» ехидно сжались. Лицемѣрно поднялись къ небу безцвѣтные глаза.

— Богъ знаетъ что! Стрампте меня зря только, Агаѳья Николаевна. Да видано ли и слыхано ли, чтобы я когда на своихъ доносила...—обиженно затянула она.

— Ну, положимъ, и видано и слыхано, — отвѣтила Агаѳья,—сплетни сводить ты куда какъ прытка, матушка. А только теперь, ежели пикнешь, такъ и знай, со свѣту тебя сживу. Небось сама знаешь, какъ ея превосходительство генеральша-начальница меня отличаетъ за примѣрную службу. Такъ ты мозгами-то и раскинь: выгодно ли али невыгодно тебѣ со мною ссориться, милая,—уже совсѣмъ инымъ тономъ заключила она.

И величавая «Посадница», какъ ни въ чемъ не бывало, стала укладываться въ свою постель.

Прошла къ себѣ, въ свой уголъ и Стеша, нѣсколько успокоенн я словами Агаѳьюшки и, осторожно раздѣвшись, тихонько улеглась на постель подлѣ малютки-племянницы.

Глаша уже спала. Золотые сны витали вокругъ ея вихрастой бѣлобрысой головки. Алый ротикъ причмокивалъ и улыбался во снѣ.

— Спи, дитятко, спи, болѣзная, спи, сиротка моя,—

произнесла шопотомъ дѣвушка и нѣжно коснулась сонаго личика губами.

Но заснуть Стеша долго не могла въ эту ночь. Горькія думы наполняли ея голову. Какъ снѣгъ на голову, свалились на нее новыя заботы, новыя непріятности, и бѣдная дѣвушка напрягала всѣ свои мысли, чтобы найти выходъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое поставила ее неумолимая судьба.

ГЛАВА III.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. Вечеръ.

Въ старшемъ, выпускномъ классѣ идетъ усиленная зубрежка. Въ послѣднемъ классѣ института царитъ цѣлый рядъ новыхъ заботъ. Выпускное отдѣленіе, это—первое преддверіе къ жизни. На выпускныхъ институтокъ смотрятъ уже какъ на взрослыхъ дѣвушекъ. И не мудрено: черезъ какіе-нибудь семь мѣсяцевъ онѣ, эти юныя дѣвушки, сейчасъ еще усердно углубляющіяся въ исторію литературы, катехизисъ, физику, отечествовѣдѣніе, геометрію, исторію и пр., и пр., выпорхнутъ на свободу.

И все-таки нѣкоторыя «синявки», классныя дамы, не хотятъ считаться со «взрослыми» барышнями, и продолжаютъ считать ихъ за дѣтей.

Такъ поступаетъ, по крайней мѣрѣ, «Скиѳка», или Августа Христіановна Брунсъ, нѣмецкая дама.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ пріѣхала она изъ далекой сзоей Саксоніи въ богатую Россію, пріѣхала уже дѣвицей въ лѣтахъ, отчаявшейся выйти замужъ, пріѣхала единственно ради заработка и въ надеждѣ добиться спокойнаго угла подъ старость. Дѣтей она никогда не любила, почти никогда не видѣла ихъ вблизи, но зато, какъ «Отче нашъ», твердо запомнила тѣ несложныя требованія, которыя предъявлялъ институтъ къ своимъ класснымъ дамамъ-педагогичкамъ: слѣдить за дѣвочками денно и нощно, всячески подавлять въ нихъ проявленія воли, сдѣлать изъ нихъ вполнѣ благовоспитанныхъ барышень, покорныхъ и безотвѣтныхъ, какъ стадо овецъ,—а для этого муштровать, муштровать и муштровать ихъ съ утра до ночи и съ ночи до утра, если это возможно.

— Балкашина!—неожиданно вскрикиваетъ «Скиѳка» и стучитъ по каѳедрѣ ключомъ отъ своей комнаты, съ которымъ она не разстается, пока дежуритъ въ классѣ.— Балкашина, ты, кажется, читаешь, вмѣсто приготовленія уроковъ? Was liest du da? Komm her! (Что ты читаешь? Подойди сюда).

Съ ближайшей скамейки поднимается дѣвушка лѣтъ семнадцати, миніатюрная, худенькая, съ прозрачно блѣднымъ лицомъ. Подруги называютъ ее «Валерьянкой» отчасти потому, что настоящее ея имя Валерія, отчасти потому, что у Вали есть несчастная слабость безпрестанно лѣчить себя и другихъ.

Балкашина, воистину, помѣшана на лѣченьѣ. Она уничтожаетъ неимовѣрное количество валерьяновыхъ, ландышевыхъ и флеръ-д'оранжевыхъ капель, нюхаетъ соли и спиртъ, которые носитъ всегда при себѣ въ граненыхъ флакончикахъ, глотаетъ магнезію для урегулированія желудка и жуетъ отвратительные леденцы гумми отъ кашля. Она постоянно кутается, боится холода, сквозняковъ и мнительна до послѣдней степени.

Сейчасъ, при окликѣ «Скиѳки», сконфуженная «Валерьянка» поднимается со своего мѣста; ея блѣдное лицо заливается румянцемъ.

— Was liest du? (Что ты читаешь?)—слышится снова неумолимый голосъ классной дамы.

— Книгу, фрейлейнъ,—невольно срывается робкій отвѣтъ.

— Das ist keine Antwort! (Это не отвѣтъ),—бубнитъ снова съ каѳедры «Скиѳка».

Ахъ, «Валерьянка» и сама понимаетъ, что это далеко не отвѣтъ. Но слово сорвалось нечаянно, противъ воли. Она молчитъ.

Лицо «Скиѳки» багровѣетъ.

— Баянъ!—кричитъ она, снова стуча по привычкѣ ключомъ о доску каѳедры и вонзая взоры своихъ узенькихъ, какъ щелочки, но всевидящихъ глазъ въ хорошенькую, поэтично растрепанную кудрявую головку дѣвчурки лѣтъ шестнадцати, которой по наружности

съ успѣхомъ можно дать всего лишь тринадцать лѣтъ.— Баянъ, посмотри, какую книгу читала твоя сосѣдка. Und sage mir sofort! (и скажи мнѣ сейчасъ).

Ника Баянъ—самая отъявленная шалунья и общая любимица не только всего класса, но и цѣлаго института; ея поклонницамъ нѣтъ счэта и числа. Помимо обворожительнаго точенаго личика съ самымъ жизнерадостнымъ, выраженіемъ, такъ и брызжущимъ изъ ея карихъ глазъ, помимо заразительнаго смѣха, звенящаго какъ колокольчикъ, Ника обладаетъ способностью поднять своей веселостью мертвыхъ изъ гроба, разсмѣшить самыхъ уравновѣшенныхъ своими шутками, проказами, своимъ неистощимымъ запасомъ тонкаго остроумія. Учится она неровно: то изъ рукъ вонъ плохо, то сбиваетъ съ мѣста лучшихъ ученицъ. Есть у нея еще удивительная способность, восхищающая весь институтъ. Прозвища у Ники нѣтъ; весь институтъ поголовно зоветъ ее по имени. Зато классныя дамы, которымъ не мало насолила за семь лѣтъ своего пребыванія въ институтѣ Ника,—сами прозвали дѣвочку «Буянкой», переиначивъ ея поэтичную фамилію, отдающую древней русской сказочной стариной.

Вотъ она встаетъ, какъ будто полная готовности услужить «Скиѳкѣ». Встаетъ съ яркой улыбкой, зажегшейся внезапно въ карихъ глазкахъ, и быстро бросаетъ взглядъ на лежащую передъ ея сосѣдкой по партѣ, Балкашиной, книгу. И тотчасъ веселая улыбка смѣня-

ется плутоватой, а карiе глазки, полные юмора, прячутся подъ сѣнью черныхъ рѣсницъ.

— О! — громко шепчетъ Ника, — о! я не могу сказать, что это за книга, фрейлейнъ Брунсъ... Это... это... неприличная книга... совсѣмъ неприличная...

Классъ фыркаетъ. Институтки въ восторгѣ, предвидя новую затѣю Ники.

— Что?

Жгучее любопытство и торжество отражаются на лицѣ «Скиѳки». Ея голосъ дрожитъ отъ нетерпѣнiя, когда она выговариваетъ вслѣдъ за тѣмъ:

— Wie so? (Какъ такъ?). Неприличная? Но какъ же она смѣетъ...

Теперь ея взглядъ буквально прострѣливаетъ насквозь бѣдную «Валерьянку», рѣжетъ ее безъ ножа; глаза прыгаютъ; ключъ барабанитъ по каѳедрѣ.

— Почему неприличная?—взываетъ «Скиѳка», повышая голосъ.

— Но... но... тамъ... тамъ изображенъ совсѣмъ раздѣтый человѣкъ... И даже безъ мяса, — дрожа отъ смѣха, лепечетъ Баянъ.

— Безъ мяса? О, это ужъ слишкомъ.

«Скиѳка» бурей срывается со своего мѣста и несется къ злополучной партѣ.

На партѣ передъ «Валерьянкой» лежитъ книга; на раскрытой страницѣ изображенъ человѣкъ, вѣрнѣе, скелетъ. Дѣйствительно, «человѣкъ безъ мяса», какъ

говорила Ника; но книга не неприличная, а медицинская—краткій курсъ анатоміи, только и всего.

«Скиѳка» смущается на мгновеніе. Потомъ стучитъ уже по адресу Вали о парту неумолимымъ ключомъ.

— Какъ ты смѣешь читать такія книги!—сердито замѣчаетъ Балкашиной «Скиѳка».

Балкашина дѣлатъ гримасу и подноситъ безкровныя руки къ вискамъ.

— У меня болѣлъ бокъ...—говоритъ она съ вымученной улыбкой.

— Но ты держишься за голову.

— Теперь заболѣла голова...

— Это не относится къ неприличной книгѣ...

Валя опускаетъ руку въ карманъ, вынимаетъ оттуда пузырекъ съ англійской солью и нюхаетъ его съ видомъ мученицы.

— У меня болѣлъ бокъ,—подтверждаетъ она упрямо, въ то время какъ нѣсколько десятковъ воспитанницъ сдержанно фыркаютъ въ платки,—и я хотѣла справиться въ анатомическомъ атласѣ, которое ребро у меня болитъ. Я взяла съ этой цѣлью медицинскую книгу; въ ней нѣтъ ничего неприличнаго... Мы по ней проходили строеніе человѣческаго тѣла, анатомію... Ахъ, Боже мой, вы напрасно только меня разстроили. Я должна опять принимать капли. Мои нервы разстроены; я больше не могу...

Глаза Валерьянки наполняются мгновенно слезами,

и съ видомъ оскорбленной невинности она ныряетъ головой подъ крышку пюпитра. Тамъ скрипитъ пробка въ пузырькѣ, булькаетъ вода, имѣющаяся всегда наготовѣ въ классномъ ящикѣ Вали. Она отсчитываетъ съ сосредоточеннымъ видомъ капли въ рюмку, и черезъ минуту противный, властно заявляющій о себѣ запахъ валерьяновыхъ капель острой струей разносится по всему классу.

— Mesdames, Валерьянка снова наглоталась валерьянки,—шепчутся съ подавленнымъ смѣхомъ воспитанницы.

Въ это время передъ Никой Баянъ на ея пюпитръ падаетъ бумажка, свернутая корабликомъ.

«Пойдемъ въ клубъ жарить сухари»—значится въ запискѣ всего одна строчка, набросанная корявыми буквами вкривь и вкось.

Ника быстро оборачивается.

На задней партѣ сидятъ четверо. Съ краю—черноглазая, пылкая и несдержанная армянка Тамара Теръ Дуярова, впрочемъ болѣе извѣстная подъ фамиліей «Шарадзе», данной ей институтками за ея ничѣмъ непреодолимую слабость задавать шарады и загадки. Настоящее дитя Востока, не въ мѣру наивная, не въ мѣру лѣнивая и вспыльчивая особа лѣтъ восемнадцати, съ некрасивымъ длинноснымъ профилемъ, похожимъ на клювъ хищной птицы, но съ прекрасными пламенными глазами, настоящими очами Востока, она имѣетъ огром-

ное достоинство: удивительное рыцарское благородство и непогрѣшимость въ дѣлахъ чести, за которое ее любитъ весь классъ. Тамара никому еще не солгала, не сказала неправды.

Подлѣ нея сидитъ высокая бѣлокурая «Невѣста Надсона», семнадцатилѣтняя Наташа Браунъ, обожающая талантливаго поэта, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ цитирующая на память его стихи, которые она знаетъ всѣ до единаго. Въ пюпитрѣ ея имѣется копилка съ ключомъ; въ копилкѣ—мѣдныя деньги. Ихъ собираетъ давно Наташа на памятникъ поэту, который мечтаетъ выстроить у себя въ имѣньѣ. На рукѣ ея выгравированы булавками и затерты чернымъ порошкомъ завѣтные иниціалы «С. Н.» (Семенъ Надсонъ). На груди она носитъ медальонъ съ портретомъ поэта. Кромѣ того, цѣлая коллекція портретовъ Надсона у нея въ классномъ ящикѣ и въ ночномъ шкапикѣ въ дортуарѣ.

Рядомъ съ Браунъ сидитъ «донна Севилья», или «кажущаяся испанка». Когда Ольгѣ Галкиной было тринадцать лѣтъ, родители ея взяли дѣвочку въ Испанію, куда отцу Ольги было дано какое-то дипломатическое порученіе въ русское консульство. Галкины прожили въ Севильѣ всего три дня, но съ тѣхъ поръ Ольга не перестаетъ бредить севильскими башнями, свидѣтельницами далекихъ вѣковъ, дивной, полной блеска, природой, боемъ быковъ и испанскими серенадами. Бѣло-

брысая, некрасивая, свѣтлоглазая, съ маленькимъ ртомъ, Ольга скорѣе похожа на финку, нежели на испанку, и прозвище «донны Севильи», данное ей подругами, менѣе всего подходитъ къ ней.

Рядомъ съ «кажущейся испанкой» сидитъ «Хризантема». Это—высокая русоволосая дѣвушка съ осиной таліей, обожающая цвѣты, преимущественно хризантемы и розы. Она засушиваетъ ихъ въ книгахъ, зарисовываетъ въ альбомы, всегда имѣетъ одинъ цвѣтокъ хризантемы въ пюпитрѣ, другой на ночномъ столикѣ въ дортуарѣ. Всѣ свои карманныя деньги Муся Сокольская употребляетъ на покупку цвѣтовъ, преимущественно хризантемъ.

Всѣ четверо киваютъ Никѣ. Это значитъ, что записка прилетѣла отъ нихъ.

Ника быстро вынимаетъ изъ кармана носовой платокъ, прикладываетъ его къ губамъ и, дѣлая страдальческое лицо, подходитъ къ каѳедрѣ.

— Фрейлейнъ Брунсъ, меня тошнитъ... Позвольте мнѣ выйти изъ класса.

— Sprechen sie deutsch! (Говорите по-нѣмецки!)—сердито роняетъ «Скиѳка» невозмутимымъ голосомъ, но при этомъ строго и подозрительно поглядываетъ на шалунью.

Ника Баянъ съ покорнымъ видомъ невинной жертвы переводитъ фразу на нѣмецкій языкъ.

— Gehen sie, aber kommen sie schnell zurück (Идите

но возвращайтесь скорѣе назадъ),—милостиво разрѣшаетъ Августа Христіановна.

Ника тѣнью скользитъ изъ класса. У дверей она пріостанавливается и, повернувшись спиной къ классной дамѣ, дѣлаетъ «умное» лицо по адресу класса. Мимика дѣвушки богата выраженіемъ. Комическій талантъ Ники извѣстенъ всему классу. И весь классъ, глядя на «умное» Никино лицо, дружно, неудержимо прыскаетъ со смѣху.

— Баянъ!—строго окликаетъ дѣвушку «Скиѳка»—опять клоунство, шутовство! Здѣсь не циркъ и не балаганы!

Ключъ стучитъ по доскѣ каѳедры. Лицо нѣмки, обычно густо-розоваго цвѣта, теперь красно, какъ піонъ.

Но Ника ее не слышитъ. Она уже въ коридорѣ... на лѣстницѣ... Быстро пробѣгаетъ она по частымъ ступенькамъ и птицей взлетаетъ въ третій этажъ. Вотъ и дверь «клуба»—комнаты, имѣющей исключительное назначеніе и отнюдь не похожей на клубъ. Единственная лампочка свѣтитъ тускло. Въ углу ярко пылаетъ печь. Ника быстро распахиваетъ ея желѣзную дверцу и нѣсколько минутъ смотритъ на огонь, присѣвъ на корточки. Потомъ вынимаетъ изъ кармана тонкіе ломтики чернаго хлѣба, густо посыпанное солью, и осторожно кладетъ ихъ на «порогѣ» печной дверцы.

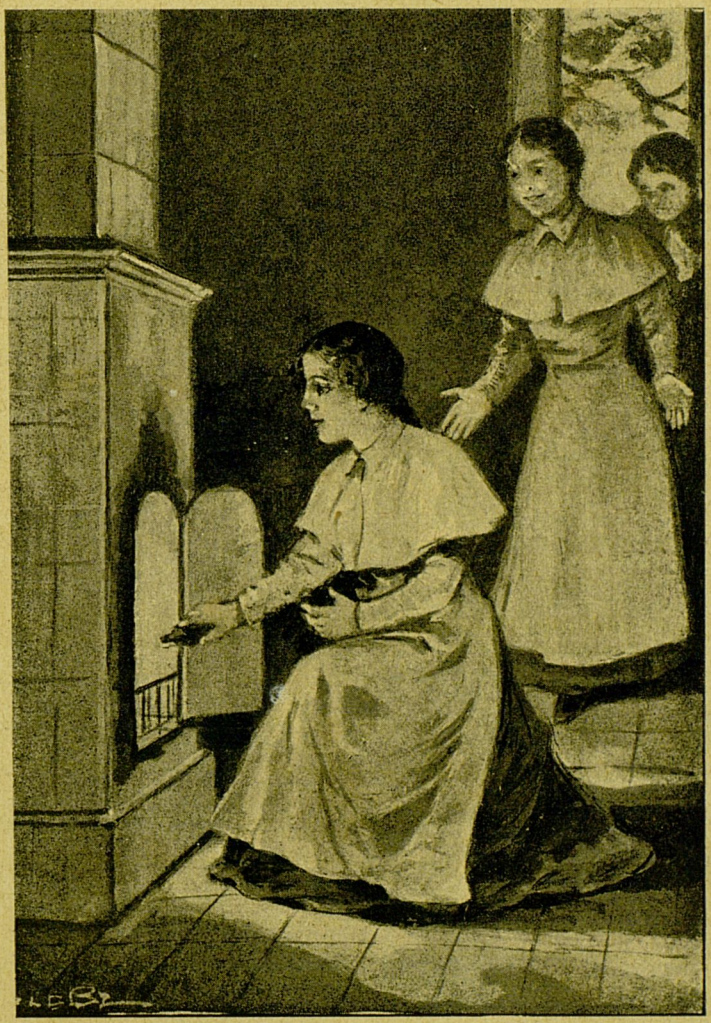
Черные, собственноручно подсушенные сухари—лю-

бимое лакомство институтокъ. За это подсушиваніе хлѣба начальство жестоко преслѣдуетъ институтокъ. Но запрещенный плодъ особенно вкусенъ, и никакія наказанія не могутъ отучить дѣвочекъ отъ соблазнительнаго занятія.

Ника такъ увлеклась своимъ дѣломъ, что не замѣтила, какъ съ имѣющагося въ «клубѣ» окна, съ его широкаго подоконника, соскакиваютъ двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ довольно полная, съ матовымъ цвѣтомъ лица, задумчивыми черными глазами и пышными черными волосами. Другая повыше; она тонка и стройна; своеобразно и энергично ея смуглое лицо, похожее на лицо цыганенка. Курчавая шапка короткихъ волосъ дополняетъ сходство съ мальчуганомъ-цыганомъ. Только большіе черные глаза нарушаютъ это сходство своимъ строгимъ, смѣлымъ выраженіемъ, вмѣстѣ съ гордыми энергичными бровями, почти сросшимися на переносицѣ, и шаловливой усмѣшкой неправильнаго, дѣтски капризнаго рта.

Не замѣченныя Никой, обѣ дѣвушки тихонько подкрадываются къ ней сзади, и вмигъ тонкія руки «мальчугана» крѣпко, ладонями внизъ, закрываютъ ей глаза.

— Ага! Попалась! Будешь сухари въ печкѣ сушить!—дѣланнымъ басомъ говоритъ «цыганенокъ», въ то время, какъ ея подруга беззвучно смѣется, оставаясь въ сторонѣ.



Ника увлеклась своимъ дѣломъ...

— Ахъ!—скорѣе изумленная, нежели испуганная, роняетъ со смѣхомъ Ника.

— Берегись, о, несчастная! Горе тебѣ! Ты заслуживаешь жесточайшей кары!—баситъ надъ ней смуглянка.

— Ха ха, ха! Угадала! Угадала! Это «Алеко»! «Алеко»!—вдругъ разражается громкимъ хохотомъ Ника и бьетъ въ ладоши.

Смуглыя руки вмигъ выпускаютъ ея глаза.

«Алеко» и есть. «Земфира» и «Алеко». Двое героевъ Пушкинской поэмы «Цыганы»: Мари Веселовская, съ ея глазами и лицомъ цыганки, и Шура Чернова—два попугайчика изъ породы «inseparables» (неразлучекъ), дружатъ уже съ младшихъ классовъ и не разстаются ни на минуту. Хотя Алеко, герой «Цыганъ» Пушкина, и не цыганъ вовсе, а русскій, попавшій въ таборъ, но тѣмъ не менѣе, Шуру Чернову, похожую на цыганенка-мальчика, прозвали этимъ именемъ, а Мари Веселовскую—«Земфирой». Онѣ вмѣстѣ готовятъ уроки, вдвоемъ гуляютъ въ часы рекреаціи, вмѣстѣ читаютъ книги. Ихъ парты рядомъ. Онѣ сосѣдки и по столовой, и по классу, и по дортуару. Онѣ обѣ ревнивы, какъ истинныя дѣти юга. И ни та, ни другая не смѣетъ дружить съ остальными подругами по классу.

Сейчасъ обѣ онѣ явились въ «клубъ», чтобы прочесть новую интересную книгу.

— Ага, цыгане, вотъ они чѣмъ занимаются! Какъ

вамъ удалось вырваться изъ класса?—улыбаясь всѣми ямочками своего розоваго лица, роняетъ Ника.

Жаръ печки горячимъ румянцемъ обжегъ щеки Никѣ; ея каріе плутоватые глазки заискрились какими-то шаловливыми искорками.

— А вотъ...—начала своимъ низкимъ грудным голосомъ Земфира и оборвалась въ тотъ же мигъ.

Неожиданно шумомъ, смѣхомъ и суетою наполнился «клубъ». Какъ вихрь, ворвались подъ его гостепріимную сѣнь пять новыхъ проказницъ: неуклюжая, необыкновенно крупная «Шарадзе»; за нею высокая и изящная «невѣста Надсона»; гибкая, тоненькая и нѣжная, сама похожая на цвѣтокъ, «Хризантема»; «донна Севилья», съ ея восторженнымъ лицомъ и разсѣянными, блуждающими бѣлесоватыми глазами, и подруга Муси Сокольской, «Золотая рыбка», или Лида Тольская, маленькая шатенка съ прозрачными веселыми сѣрыми глазами и стекляннымъ голоскомъ.

Если у Муси Сокольской слабость—цвѣты, преимущественно хризантемы, то у Лиды Тольской совсѣмъ иная слабость: она обожаетъ рыбъ. Какъ дома, такъ и здѣсь, въ институтѣ, въ ночномъ шкапчикѣ въ дортуарѣ, у нея имѣется крошечный акваріумъ, который она получила отъ своего брата въ день ея рожденія. Съ акваріумомъ большая возня: надо мѣнять каждый день воду, чистить его, кормить четырехъ золотыхъ рыбокъ и двухъ тритоновъ, имѣющихся въ немъ. Надо скры-

вать о существованіи аквaріума отъ «Скиѳки» и другой, французской, классной дамы, отъ инспектрисы и прочаго начальства. Дѣлу содержанія аквaріума Лида Тольская отдается съ восторгомъ. Золотыя рыбки и тритоны, это—ея сокровище, ея богатство. И сама она похожа на рыбку съ ея холодными глазами, спокойными движеніями и стекляннымъ голоскомъ. «Золотою рыбкой» и прозвали ее подруги.

— Сухари! сухари! Душки сухари! Прелесть сухари! — запѣла армянка, подскакивая къ печи и выхватывая оттуда горячій, какъ огонь, обгорѣлый чуть не до степени угля кусочекъ хлѣба, и тутъ же отдернула руку.

— Ай, жжется!—взвизгнула она на весь «клубъ» и закружилась по комнатѣ, дуя себѣ на пальцы.

— Какъ вы удрали отъ «Скиѳки»? Вотъ молодцы!— весело воскликнула Ника.

— Меня затошнило, какъ и тебя,—смѣясь, говоритъ «донна Севилья»;—имъ—(она мотнула головою на «Хризантему» и «Золотую рыбку»),—какъ водится, захотѣлось пить; у нашей «Шарадзе» спустился чулокъ, потому что лопнула подвязка, — какъ видишь, причины уважительныя, не правда ли?

— А «невѣста Надсона» какъ?

— А «невѣсту Надсона» увлекъ призракъ жениха,— засмѣялась «Шарадзе»—и она, проходя мимо «Скиѳки», стала невидимой, какъ призракъ или мечта.

— Глупыя шутки,—презрительно произнесла бѣлокурая Наташа и задумчиво продекламировала вполголоса:

Я не Тому молюсь, Кого едва дерзаетъ
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И передъ Кѣмъ мой умъ безсильно замолкаетъ *).

— А развѣ у тебя есть умъ? А я и не знала,— невинно роняетъ подоспѣвшая Тамара Теръ-Дуярова.

— «Шарадзе», не воображаете ли вы, что вы умны?— вступается «Золотая рыбка».

— А то глупа? Кто умнѣе — ты или я? Это еще вопросъ,—неожиданно вспыхиваетъ «Шарадзе».—Кабы умна была, шарады да загадки рѣшала бы, а то самой пустячной изъ нихъ, душа моя, не умѣешь рѣшить, несмотря на всѣ старанія.

— Задай, мы всѣ рѣшимъ сообща,—примиряющимъ тономъ предлагаетъ Ника.

— То-то, рѣшимъ...—ворчитъ «Шарадзе», забавно двигая длиннымъ носомъ.—Вотъ тебѣ, рѣшай, коли такъ: «Утромъ ходитъ въ лаптяхъ, въ полдень въ туфлякъ, вечеромъ въ башмакахъ, а ночью въ облакахъ».— Что это?

Общее молчаніе водворяется на мгновенье въ «клубѣ».

— Что это?—возвышая голосъ, повторяетъ «Ша-

*) Стихотвореніе С. Надсона.

радзе» и побѣдоноснымъ и торжествующимъ взоромъ обводитъ подругъ.

Тѣ молчатъ. «Донна Севилья» копошится у печки, аккуратно раскладывая у самой дверцы ея принесенные сюда свои и чужіе ломтики чернаго хлѣба, предназначеннаго на сухари. У остальныхъ озадаченныя, напряженныя лица.

— Не знаете? Не угадываете? Ага! Я такъ и знала,—торжествуетъ «Шарадзе» и быстро поворачивается къ Никѣ:

— Ты, душа моя, самая умная, и не можешь рѣшить?

— Благодарю за лестное мнѣніе, синьорина,—отвѣчаетъ Ника, отвѣшивая насмѣшливый реверансъ и дѣлая «умное лицо», глядя на которое всѣ присутствующія неудержимо хохочутъ.

— Ага!—торжествуетъ «Шарадзе». — Значитъ, не доросли. Это, душа моя, не шутка—загадку рѣшить.

— Ну, да ладно ужъ, ладно, не ломайся, говори что это,—нетерпѣливо требуетъ «Алеко».

«Шарадзе» еще молчитъ съ минуту. Новый торжествующій, полный значенія взглядъ, и она неожиданно выпаливаетъ съ апломбомъ:

— Это — мѣсяцъ. Мѣсяцъ небесный, душа моя, только и всего.

Эффектъ получается неожиданный. Даже все подмѣчающая Ника и насмѣшница «Алеко» Чернова за-

бываютъ напомнить Тамарѣ о томъ, что земного мѣсяца до сей поры еще не видали,—и онѣ поражены, какъ и остальныя, неистощимой фантазіей «Шарадзе». Наконецъ, «Хризантема» первая обрѣтаетъ способность говорить:

— Мѣсяцъ? Какъ странно! Но послушай, «Шарадзе», какъ же въ лаптяхъ и башмакахъ? Мѣсяцъ, и въ лаптяхъ. Странно что-то.

— А по-твоему, душа моя, онъ долженъ босикомъ ходить, что ли?—набрасывается на нее армянка.

— Я... я не знаю...—роняетъ смущенная Муся.

— И я не знаю, душа моя. Въ томъ-то и дѣло, что ни я, ни ты, и никто, душа моя, не знаетъ, какъ онъ ходитъ: въ лаптяхъ, босой или въ башмакахъ; а знали бы, такъ никакой загадки и не было бы,—съ тѣмъ же побѣдоноснымъ взглядомъ заключаетъ Тамара.

Ника Баянъ при этомъ неожиданномъ выводѣ разражается неудержимымъ смѣхомъ. Хохочутъ и всѣ остальныя.

— Нѣтъ, она обворожительно наивна, наша Тамарочка,—шепчетъ «Алеко», покатываясь на весь «клубъ».

— Ха, ха, ха!—звенитъ своимъ стекляннымъ голоскомъ «Золотая рыбка».

Даже блѣдная, всегда задумчимая «невѣста Надсона» не можетъ удержаться отъ улыбки. Неудержимое веселье захватываетъ всѣхъ находящихся въ «клубѣ» дѣвушекъ.

— Хи, хи, хи! Ха, ха, ха!—то и дѣло, вспыхиваетъ здѣсь и тамъ.

Въ самый разгаръ необузданнаго гомерическаго хохота на порогѣ вырастаетъ угловатая, нескладная фигура первоклассницы Зины Алферовой. Зину называютъ «дорогая моя» за ея постоянную привычку прибавлять эти два слова чуть ли не къ каждой фразѣ, кстати и не кстати.

— Mesdam'очки, тише, дорогія мои, тише,—лепечетъ Зина съ перекошеннымъ отъ страха лицомъ.— Дорогія мои... на черной лѣстницѣ лежитъ кто-то... Лежитъ и рыдаетъ .. наткнулась... Ахъ, Господи, дорогія мои, это такъ страшно, страшно...

И руки Зины поднимаются къ блѣдному лицу, и сама Алферова, прислонившись къ косяку двери, готовится заплакать горькими слезами.

ГЛАВА IV.

НЕДАВНЯГО смѣха какъ не бывало; мгновенно исчезла неподкупная юная радость.

Первая приходитъ въ себя Ника. Темные глазки Баянъ, еще за минуту до этого полные юмора и смѣха, сейчасъ отражаютъ неожиданное волненіе, тревогу. Она бросается къ Алферовой, трясетъ ее за руку и довольно громко кричитъ, сама не замѣчая своего крика:

— Гдѣ рыдаетъ? Кто? Ты видѣла? На лѣстницѣ? Гдѣ?

— Дорогая моя, въ «чортовомъ гротѣ»... — можетъ только безпомощно простонать ей въ отвѣтъ Зина.

Ника Баянъ, выслушавъ этотъ отвѣтъ, быстро поворачивается къ подругамъ.

— «Хризантема», собери сухари, когда они будутъ

готовы,—говоритъ она тономъ, не допускающимъ возраженій.—А ты, «Золотая рыбка», бѣги въ классъ и займи чѣмъ-нибудь «Скиѳку», чтобы она не замѣтила нашего отсутствія. Всѣ остальныя, за мною!

Никому и въ голову не приходитъ обижаться сейчасъ на повелительный тонъ Ники, и безпорядочной толпой дѣвушки спѣшатъ изъ «клуба» на черную лѣстницу.

Здѣсь, въ третьемъ этажѣ верхняя, самая послѣдняя чердачная площадка, прозванная институтками «чортовымъ гротомъ», тонетъ во мракѣ. Нѣсколько ступенекъ ведутъ отъ нея на чердакъ, къ его наглухо запертой двери.

Это мѣсто не даромъ носитъ названіе «чортова грота». Отсюда, если вѣрить давнишней институтской легендѣ, бросилась внизъ съ высоты третьяго этажа въ пролетъ лѣстницы одна изъ воспитанницъ старшаго класса, внезапно захворавшая душевнымъ разстройствомъ, и призракъ ея въ лунныя ночи будто появлялся въ окнѣ «чортова грота» и пугалъ трусливыхъ институтокъ.

Не безъ тайнаго страха поэтому вся небольшая группа вышла на темную лѣстницу, едва освѣщенную двумя лампочками, и, сбившись въ кучку, замерла въ молчаніи. Сумрачно, ни шороха, ни звука... Сбились въ тѣсную группу дѣвушки... Слушаютъ и ждутъ.

На верхнихъ ступеняхъ лѣстницы что-то, дѣйстви-

тельно, лежало, что-то большое и таинственное. Оттуда же слышатся заглушенные не то рыданія, не то стоны.

Испуганныя дѣвушки со страхомъ прислушиваются къ нимъ.

— Mesdam'очки, да что же это!—съ тоскою вырвалось изъ груди «донны Севильи».

— Молчи, душа моя, молчи! — зашипѣла на нее «Шарадзе»,—это «она» плачетъ.

— Кто «она»?.. «Шарадзе», не смѣй пугать,- взвизгнула не своимъ голосомъ Зина Алферова, присѣдая на полъ со страху.

— Ну, не «она», такъ «онъ», духъ погибшей институтки, бросившейся съ лѣстницы триста лѣтъ тому назадъ,—невозмутимо пояснила Тамара.

— Боже, какая она наивная, эта «Шарадзе»! Триста лѣтъ тому назадъ здѣсь не было ни института, ни города.., Здѣсь были одни болота... — прошептала «Алеко».

— На лѣстницѣ болота? Какъ это?

Черные, наивные глаза, единственное, но неоспоримое сокровище лица армянки, вмигъ загораются любопытствомъ.

Но ей никто не отвѣчаетъ.

— Mesdames, рыданія прекратились... Фигура шевелится... И я иду узнать, кто это такой... — заявляетъ Ника и прежде, нежели ее могутъ удержать подруги,

уже стоитъ на лѣстницѣ, въ самомъ сердце «чортова грота», на ступенькахъ, ведущихъ на чердакъ.

Выплываетъ, на счастье, луна и появляется въ маленькомъ окошкѣ, приходящемся въ уровень съ площадкой лѣстницы. Она заливаетъ своимъ млечнымъ свѣтомъ и лѣстницу съ ея темными ступенями и низенькую дверь, ведущую на чердакъ, и темную фигуру, лежащую на полу.

Тихія всхлипыванія доносятся теперь до Ники и до замершихъ въ тоскѣ ожиданія воспитанницъ. И вдругъ темная фигура зашевелилась, отбросила платокъ, прикрывавшій ея голову и часть туловища, и медленно поднялась на ноги.

— Это Стеша!—неожиданно вырвалось у Ники.—Mesdames, не бойтесь, это коридорная Стеша,—чуть повысивъ голосъ, звонкимъ шопотомъ бросаетъ она подругамъ.

Какое разочарованіе! Увы!—только «бѣльевая» Стеша! А какъ пріятно было заблуждаться! Какъ пріятно волновала мысль, что здѣсь происходитъ что-то сверхъестественное, необычайное, отъ чего закипаетъ мысль и по тѣлу пробѣгаетъ холодная дрожь! Луна... «Чортовъ гротъ», черная лѣстница... рыданія... И вдругъ—Стеша! Удивительно прозаическое явленіе!

Однако, Стеша плачетъ, а разъ плачетъ, то надо ее утѣшить. Юныя, чуткія сердечки очень чувствительны къ чужому горю. Черезъ минуту вся группа

«жаждущихъ приключеній» уже наверху. На тѣсной маленькой площадкѣ передъ чердачнымъ помѣщеніемъ онѣ окружаютъ Стешу. При свѣтѣ луны всѣмъ хорошо видно ея пухлое лицо, залитое слезами, покраснѣвшій кончикъ вздернутаго носа и припухшія отъ слезъ губы.

— Что съ вами? О чемъ вы плакали, Стеша? Кто васъ обидѣлъ?.. Неужели опять «Піявка»? — слышатся полные участія и заботы голоса.

Но вмѣсто отвѣта, Стеша снова разражается рыданіями. Она такъ сильно плачетъ, что ея сильныя плечи дрожатъ, и все ея крѣпко сложенное тѣло трепещетъ, какъ былинка подъ напоромъ бури.

— Воды, mesdames! Принесите стаканъ воды! — командуетъ Алеко.

Возвратившаяся изъ калеса «Золотая рыбка» мчится за водой по направленію дортуара и умывальной, находящихся здѣсь же, въ третьемъ этажѣ. Когда она возвращается съ наполненной до краевъ кружкой, Стеша, окруженная институтками и подкупленная общимъ участіемъ къ ея горю, роняетъ сквозь всхлипыванія и слезы:

— Барышни, не выдайте... Миленькія, не погубите. Узнаетъ «Піявка»—со свѣту сживетъ... Горе у меня, барышни, миленькія... Дочурку сестры покойной изъ деревни привезли и мнѣ подкинули... Дѣвчонкѣ пяти годковъ еще нѣтъ... Сиротка она... Вчера я ходила по

знакомымъ, просила Христомъ Богомъ взять, пріютить у нихъ ребенка. Куда ужъ! Видно, всѣ друзья лишь до чернаго дня: и слышать не хотятъ взять въ домъ дѣвчонку... А въ подвалѣ въ дѣвичьей у себя нешто можно держать? Надсмотрщица, то и дѣло, шмыгаетъ... Капитошка, шпіонка эта, того и гляди, инспектрисѣ донесетъ, пожалуется... А куда мнѣ Глашку дѣвать? На улицу, что ли, выбросить?.. Вѣдь обманомъ мнѣ ее оставила знакомая одна, землячка моя: пришла, подкинула и сама скрылась.

— Ахъ, какъ необыкновенно все это! Точно въ сказкѣ!—зашептали кругомъ восторженные голоса.

— Хороша сказка, нечего сказать! Выгонятъ на улицу Стешу съ дѣвочкой, вотъ вамъ, будетъ сказка.

Кто сказалъ это? Чьи глаза сверкнули такимъ негодованіемъ, мелькомъ обѣжавъ лица подругъ?

Это Ника Баянъ. Неожиданно, положивъ маленькую ручку на плечо Стеши, снова залившейся слезами, она заговорила со свойственной ей пылкостью;

— Стеша милая, утрите ваши слезы... Перестаньте плакать. Дѣвочка—не вещь какая-нибудь. Ее нельзя выкинуть за дверь. Послушайте, я придумаю что-нибудь... Мы посовѣтуемся съ классомъ, а потомъ рѣшимъ. Но только покажите намъ дѣвочку... Приведите ее сегодня ночью въ дортуаръ въ одиннадцать часовъ... Слышите, приведите. Мы всѣ такъ любимъ дѣтей и займемся ея судьбой... Бѣдная дѣтка... Для нея необходимо что-нибудь придумать. Ее надо пріютить у ко-

го-нибудь изъ нашихъ родныхъ... Мы попросимъ, мы устроимъ. Только дайте подумать... Такъ сразу нельзя... Да не плачьте же вы, ради Бога. Ваше дѣло далеко не потеряно, увѣряю васъ.

И тонкіе пальчики Ники бѣгло погладили бѣлобрысую Стешину голову.

Стеша упала къ ногамъ Баянъ и обняла ея колѣни.

— Барышня... ангелъ нашъ... золотенькая... Не знаю ужъ, какъ и благодарить... Вѣкъ не забуду участія вашего... — зашептала она, ловя и цѣлуя руки Ники...

Та, вспыхнувъ до ушей, проворно отдернула пальцы.

— Какъ вамъ не стыдно, Стеша. Въ ногахъ валяетесь, руки цѣлуете! Срамъ какой! Терпѣть этого не могу, — сердито проговорила Ника и, видя смущеніе проворно поднявшейся на ноги дѣвушки, добавила чрезъ мгновеніе уже болѣе милостивымъ тономъ:

— Теперь ступайте къ «ней», Стеша, а вечеромъ, когда фрейленъ Брунсъ уйдетъ къ себѣ, тайкомъ приведите къ намъ вашу малютку племянницу... Нашей дортуарной прислуги не бойтесь, мы уговоримъ Нюшу, и она не выдастъ насъ... А пока до свиданья. Помните, ждемъ ровно въ одиннадцать часовъ... Идемъ, mesdames, въ классъ. До звонка къ чаю осталось немного,—обратилась Ника къ подругамъ.

И вся гурьба дѣвочекъ съ присоединившейся къ нимъ «Хризантемой», успѣвшей за это время нажарить едва ли не цѣлый фунтъ сухарей, помчалась внизъ, во второй этажъ, гдѣ находились классы.

Тамъ оставалось все попрежнему за это время. Августа Христіановна Брунсъ сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ за столомъ каѳедры и вязала крючкомъ безконечное вязанье. Классъ готовилъ уроки. Нѣкоторыя читали «подъ сурдинку», иныя писали письма роднымъ или тихо переговаривались между собой. Возвращеніе въ классъ «кучкой», какъ это называлось на институтскомъ языкѣ, было немыслимо. Тогда «Алеко», она же Шура Чернова, не менѣе отчаянная, нежели Баянъ, первая вошла въ классъ. Остальныя оставались въ коридорѣ за колоннами. Шура приблизилась къ каѳедрѣ и произнесла съ самымъ невиннымъ видомъ:

— Фрейленъ, какая-то дама встрѣтила меня въ нижнемъ коридорѣ, когда я шла изъ лазарета, и просила вызвать васъ.

Лицо «Скиѳки» вспыхиваетъ отъ неожиданности. Даже ея клюквообразный носикъ покраснѣлъ. У нея почти нѣтъ знакомыхъ. Ее рѣдко вызываетъ кто-нибудь. И это извѣстіе такъ неожиданно, что мгновенно вытѣсняетъ всѣ прочія мысли изъ головы Августы Христіановны. Она забываетъ даже сдѣлать Черновой замѣчаніе за самовольную отлучку изъ класса. Лицо, похожее своимъ цвѣтомъ на спѣлый помидоръ, теперь

пылаетъ. Маленькіе глазки такъ и искрятся любопытствомъ.

— Дама, ты говоришь? Меня спрашиватъ дама въ нижнемъ коридорѣ?

— Дама въ черномъ платьѣ и въ шляпѣ съ сѣрымъ перомъ,—неудержимо фантазируетъ черненькій «Алеко».

— Высокая? Маленькаго роста?

— Повыше меня и пониже васъ

— Странно, — произноситъ, волнуясь, «Скиѳка», срывается съ каѳедры и исчезаетъ за дверью.

Этого только и надо черненькому «Алеко». Спустя минуту, Шура выскакиваетъ слѣдомъ за «Скиѳкой» и, стоя посреди коридора, машетъ платкомъ. Въ тотъ же мигъ изъ-за колоннъ выскакиваютъ любительницы подсушиванія сухарей и влетаютъ въ классныя двери. Еще мигъ, и Ника Баянъ на каѳедрѣ. Ея кудри трепещутъ; ея глаза искрятся и горятъ, какъ звѣзды, когда высокимъ звонкимъ голоскомъ она звенитъ на весь классъ!

— Mesdames, новость! Къ коридорной Стешѣ принесли ребенка въ дѣвичью... пятилѣтнюю племянницу изъ деревни... Дѣвочку не позволятъ держать здѣсь... Надо придумать что-нибудь... Надо помочь Стешѣ... Бѣдняжка плачетъ... рѣкою разливается... Денегъ нѣтъ, крова нѣтъ...

— И кюшать нечего, — съ искреннимъ отчаяніемъ добавляетъ Тамара, которая въ минуту особеннаго ду-

шевнаго волненія произноситъ слова съ акцентомъ къ немалому смѣху подругъ. Но сейчасъ это никому не смѣшно, никто не смѣется.

— Молчи! молчи!—дружно шикаютъ на нее со всѣхъ сторонъ одноклассницы.

— Чего молчи, когда кюшать нужно, — волнуется армянка, сверкая восточными глазами.

— Mesdames,—продолжаетъ громко Ника и стучитъ по столу забытымъ «Скиѳкой» ключомъ,—Стеша приведетъ дѣвочку нынче ровно въ одиннадцать часовъ въ дортуаръ, постараемся улечься «безъ бенефисовъ» сегодня. Пускай «Скиѳка» уползаетъ скорѣе въ свою конуру. Неправда ли, господа?

— Конечно, конечно... Бѣдная дѣвочка!.. Какъ жаль, если не удастся ее пристроить!..

— Какъ не удастся. Должно удасться.

— И устроимъ! И сдѣлаемъ!

— Внѣ всякаго сомнѣнія!

— Разумѣется!

— Понятно!

Ключъ снова стучитъ по каѳедрѣ. Крики крѣпнутъ, растутъ...

Неожиданно раздается звонокъ, призывающій къ чаю и къ вечерней молитвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ въ классъ какъ-то бокомъ вползаетъ «Скиѳка». Лицо ея багрово пылаетъ. Глаза прыгаютъ и мечутся въ узенькихъ щелкахъ вѣкъ.

— Чернова! — звучитъ ея трескучій голосъ зловѣще.—Komm herr! (подойди сюда).

Черненькій «Алеко» выступаетъ впередъ

— Стыдно такъ обманывать свою наставницу, позоръ! Гдѣ ты видѣла даму съ сѣрымъ перомъ и въ черномъ платьѣ?

Шуру Чернову душитъ смѣхъ и, лукаво опустивъ черныя рѣсницы, она шепчетъ къ полному изумленію классной дамы:

— На картинкѣ.

— Wie so? (Какъ такъ?)

«Скиѳка» такъ озадачена, что теряетъ способность задать болѣе подробный вопросъ шалуньѣ.

— Фрейлейнъ,—смиреннымъ голосомъ подхватываетъ Шура,—клянусь вамъ, я видѣла такую даму на картинкѣ... Она мнѣ показалась на васъ похожей: тѣ же глаза, тѣ же волосы, носъ...

— Словомъ, душка!—подхватываетъ шопотомъ Ника, дрожа отъ смѣха.

— И съ тѣхъ поръ она мнѣ является всюду: и въ коридорѣ, и въ классѣ... И сейчасъ, когда я возвращалась изъ лазарета, мнѣ почудилось ясно, что она подошла ко мнѣ и сказала: «Вызовите фрейлейнъ Брунсъ изъ выпускного класса».

Голосъ черненькаго «Алеко» полонъ подкупающихъ интонацій. Смиреніемъ вѣетъ отъ смуглаго «разбойничьяго», какъ его называютъ классныя дамы, лица.

Но «Скиѳку» провести трудно. Она бросаетъ въ сторону Черновой убійственный взглядъ, щуритъ и безъ того узенькіе глазки-щелки и говоритъ:

— Bitte, nur keine Grimassen! (Пожалуйста, безъ гримасъ). А чтобы тебѣ не «казалось» больше, я сбавила два балла за поведеніе. Поняла?

— Поняла...—покорно стонетъ Шура въ то время, какъ Ника подъ сурдинку дѣлаетъ ей «умное» лицо.

— Въ пары становитесь, въ пары!—внезапно разражается «Скиѳка» и, по обыкновенію, стучитъ ключомъ по столу.

Въ одно мгновеніе воспитанницы становятся по-двое и длинной вереницей выходятъ изъ класса.

— Не шаркать подошвами! Поднимать ноги!—снова кричитъ «Скиѳка».

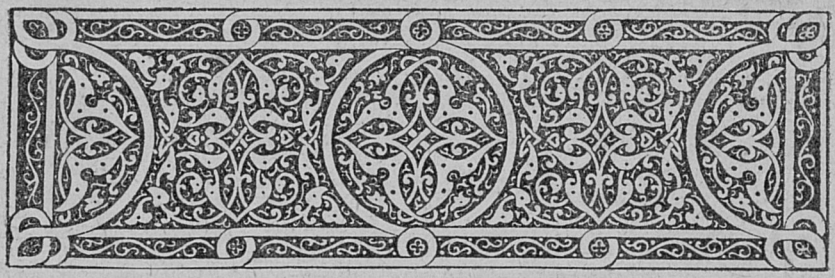
Зеленая вереница дѣвушекъ смиренно и стройно спускается внизъ.

Въ длинной, продолговатой комнатѣ столы, столы и столы; цѣлые ряды столовъ, и за ними на жесткихъ скамейкахъ безъ спинокъ около трехъ сотенъ зеленобѣлыхъ дѣвушекъ, одинаково одѣтыхъ въ тугія, крѣпкія камлотовыя платья, напоминающія своимъ цвѣтомъ болотныхъ лягушекъ, и въ бѣлыхъ передникахъ, пелеринкахъ и привязанныхъ рукавчикахъ, именуемыхъ на институтскомъ языкѣ «манжами». Подается ужинъ, состоящій изъ горячаго блюда, затѣмъ чай съ булкою. Послѣ ужина—вечерняя молитва. Дежурная по классу

читаетъ длинный рядъ молитвословій и псалмовъ. «Отче нашъ» и «Вѣрую» пѣвчія повторяютъ хоромъ. Евангеліе читаетъ Капочка Малиновская, «Камилавка», какъ ее дружно окрестили воспитанницы выпускного и другихъ классовъ. Капочка—дочь учителя. Это—удивительная дѣвушка. Она молитвенница и постница, какихъ мало. Религіозная, читающая однѣ только священныя книги и иногда, въ видѣ исключенія, произведенія классиковъ, знакомство съ которыми необходимо въ старшихъ классахъ. Она самымъ чистосердечнымъ образомъ считаетъ ересью и грѣхомъ все то, что не отвѣчаетъ требованіямъ религіи. Худенькая, нескладная, съ некрасивымъ веснущатымъ лицомъ и утинымъ носомъ, дѣвушка эта какъ-то странно измѣняется, становится почти прекрасной въ тѣ минуты, когда читаетъ псалтирь на амвонѣ скромной институтской церкви. Дьячка въ институтѣ не полагается, и обязанности его несетъ та или другая воспитанница, она же читаетъ и Евангеліе на утренней и вечерней молитвахъ. Обыкновенно роль дьячка исполняетъ Капочка. Тогда голосъ дѣвушки крѣпнетъ и растетъ, выдѣляя въ то же время какія-то удивительныя бархатныя ноты. Слова она произноситъ съ захватывающимъ выраженіемъ, и изъ суровыхъ, недѣтскихъ и даже какъ будто немолодыхъ глазъ исходятъ лучи. Капа въ душѣ своей затаила мечту несбыточную, дерзкую, но красивую: она мечтаетъ проповѣдывать Евангеліе среди оставшихся въ обшир-

номъ мірѣ язычниковъ-дикарей и пострадать за Христа, какъ страдали когда-то древнія мученицы христіанства. Ее раздражаетъ всегда одна и та же мысль: зачѣмъ женщины не могутъ быть священниками. О, съ какимъ восторгомъ она вступила бы на этотъ путь, отрекшись, какъ монахиня, отъ свѣтскаго міра. Увы, мечта такъ и остается мечтой!

Но вотъ смолкаетъ бархатный голосъ Капочки. Выпускныя пропѣли хоромъ «Спаси Господи люди Твоя», и снова ряды воспитанницъ стройными шеренгами движутся по лѣстницѣ, коридору и расплываются въ разныя стороны, каждое отдѣленіе въ свой дортуаръ.



ГЛАВА V.

КАКЪ-ТО странно безшумно улеглись сегодня выпускныя воспитанницы по своимъ постелямъ. Не только «образцовыя» (лучшія по институтскому опредѣленію), но и «отпѣтыя» (худшія) не проронили сегодня ни одного громкаго слова ни въ дортуарѣ, ни въ умывальной, прилегающей къ спальной комнатѣ. Только Эля Федорова, самымъ искреннимъ образомъ считающая себя «большимъ голосомъ» и талантомъ, но фальшивившая на каждой нотѣ, запѣла, добросовѣстно натирая себѣ руки кольдкремомъ, свою любимую и вѣчно повторяемую «Гайда, тройка... снѣгъ пушистый...». Но на нее тотчасъ же дружно зашикали со всѣхъ сторонъ и замахали руками:

— Что ты, съ ума сошла? Не раздражай «Скиоку»... Вспомни, какая сегодня ночь...

Теръ-Дуярова, подкравшись къ постели Ники Баянъ, шепнула:

— Ну что, душа моя, пойдемъ мы нынче въ «Долину вздоховъ»? Княжна и Мара ждутъ васъ тамъ навѣрное.

— Ахъ, до княжны ли нынче, Шарадзе, — засмѣялась Ника, вспыхивая и краснѣя до ушей.

— Ну, вотъ еще, а я, какъ нарочно, новую загадку вспомнила... Хотѣла Марѣ нести... Теперь не придется,— вздыхаетъ армянка.

— Хорошо, намъ загадаешь,—снисходительно разрѣшила Ника и, немного повысивъ голосъ, бросила обращаясь ко всѣмъ остальнымъ.

— Mesdames! приготовьтесь: Шарадзе новую шараду сейчасъ задастъ.

Мгновенно всѣ становятся около постели Ники, на краю которой торжественно устраивается Тамара, заранѣе смакующая прелесть своей шарады. Пылающими глазами она обводитъ сомкнувшійся вокругъ нея кругъ одноклассницъ.

— Что это, душа моя, скажи: менѣе восьми, больше шести, ходитъ туда, сюда... Очень прилично...

Въ словѣ «прилычно» Тамара произноситъ «и», какъ какъ «ы», какъ всегда, когда немного волнуется. Кто-то фыркаетъ.

— Ну?

— Mesdames, наша «Шарадзе», «душа моя», въ математику пустилась. Такъ цыфрами и сѣетъ!—хохочетъ Ника.

— А ты не смѣйся, а скажи! Смѣяться каждый можетъ, а рѣшить не каждый можетъ,—съ апломбомъ говоритъ армянка.

— Глупость какая-то,—рѣшаетъ «Золотая рыбка» и смѣется своимъ стекляннымъ смѣшкомъ.

— Сама-то ты глупость. И твой акваріумъ глупость,—неожиданно вспыхиваетъ Тамара.—А это, что задала я вамъ, не глупость, а...? Не угадываете? Такъ вотъ вамъ—трамвай.

— Какъ трамвай? Почему трамвай—звучатъ удивленные возгласы.

— Ну да, трамвай № 7, душа моя. Вѣдь по-русски говорила: поменьше восьми, побольше шести, ходитъ туда-сюда. Очень прилично. Трамвай № 7 и есть.

— Ха! ха! ха!

Всѣ хохочутъ неудержимо, всѣ, кромѣ «Камилавки», которая считаетъ и смѣхъ ересью, грѣхомъ.

— Mesdames, тише. «Скиѳка» изъ конуры своей выползетъ сейчасъ.

Дѣйствительно, легкая на поминѣ Августа Христіановна стоитъ на порогѣ своей комнаты, хлопаетъ въ ладоши и кричитъ:

— Schlafen, Kinder, schlafen! (Спать, дѣти, спать).

Въ одинъ мигъ всѣ разбѣгаются по своимъ постелямъ. Дежурная щелкаетъ выключателемъ, и лампочки гаснутъ, за исключеніемъ одной. Дортуаръ сразу погружается въ пріятную для глазъ полутьму. Теперь фрей-

лейнъ Брунсъ тѣнью скользитъ по «промежуткамъ», то-есть по дорожкамъ-интерваламъ, образовавшимся между тремя рядами кроватей.

— Сегодня улеглись безъ шума. Слава Богу!—говоритъ сама себѣ «Скиѳка», заранѣе мечтающая о теплой постели и завтрашнемъ свободномъ отъ дежурства днѣ.

Только что-то черезчуръ ужъ долго молится Малиновская, стоя на колѣняхъ въ своемъ «переулкѣ», и подозрительно шепчется влюбленная парочка—Чернова и Веселовская,—не замышляютъ ли чего-нибудь на ея счетъ? Отъ этой Черновой, какъ и отъ Баянъ, всего ожидать можно, обѣ—«буянки», обѣ—«сорви-головы» и «разбойницы», обѣ изъ «отпѣтыхъ»,—томится бѣдная фрейлейнъ Брунсъ.

— Чернова, молчать! Не шептаться!

— И ты, Баянъ, спать! — неожиданно рѣзко раздается ея окрикъ въ полутемномъ дортуарѣ.

— Ай! — взвизгиваетъ «Золотая рыбка» дѣланно-испуганнымъ голосомъ.—Кто это кричитъ? Я заснула, а меня разбудили...

— Трамвай № 7!—торжествующе поднимаетъ голосъ армянка.

— Ха, ха, ха!—забывшись, громко хохочетъ Ника.

— Баянъ! Сейчасъ же спать.

— Я сплю...—покорно соглашается Баянъ.

Смѣхъ ея смолкаетъ мгновенно. Легкій вздохъ вы-

рывается изъ груди. Два обстоятельства волнуютъ Нику: во-первыхъ, необходимо возстановить полную тишину въ дортуарѣ и дать «Скиюкѣ» убѣдиться въ общемъ спокойствіи, а во-вторыхъ... Это «во-вторыхъ» смущаетъ Нику не меньше. Тамъ, въ «Долинѣ вздоховъ», или попросту, на площадкѣ церковной лѣстницы, ждетъ ее «Сказка».

Ника Баянъ, кумиръ всего института, скрываетъ всячески отъ всего класса о томъ, что обожаетъ «Сказку». Знаетъ объ этомъ только одна «Шарадзе», знаетъ потому, что въ свою очередь «бѣгаетъ»,—какъ выражаются институтки—за подругой «Сказки», одноплеменницей Тамары, второклассницей, юной армяночкой Марой Нушидзе, съ которой княжна Заря Ратмирова, «предметъ» Ники, неразлучна.

Ника и сама не можетъ понять, что тянетъ ее, умную развитую, талантливую, бойкую и шаловливую дѣвушку, къ всегда молчаливой, странно таинственной Зарѣ, съ ея краснорыжими волосами и странными, какими-то пустыми глазами сѣро-синяго цвѣта, съ тихимъ, какъ бы надтреснутымъ голосомъ и плавными движеніями. Но тянетъ ее къ Зарѣ неудержимо, несмотря на то, что Заря больше молчитъ и никогда не смѣется... «Сеніора Серіоза» прозвали ее въ насмѣшку подруги-второклассницы. Но это молчаніе, эта серьезность «Сказки» («Сказкой» прозвала княжну Ратмирову сама Ника) и плѣняютъ экзальтированную дѣвушку. Ника Баянъ

сама, со свойственной ей откровенностью, разсказала все «Сказкѣ»: и о томъ, что ея, Никинъ, папа—командиръ кавалерійскаго полка, и о томъ, что у нея есть два брата и бабушка, которые живутъ далеко-далеко, чуть не на самой границѣ Манчжуріи, что она ѣздитъ верхомъ, какъ казакъ или туземецъ-манчжуръ, джигитуетъ, умѣетъ плясать, подражая знаменитой Айседорѣ Дунканъ, босоножкѣ, и пр., и пр. А о княжнѣ Зарѣ Ника не знаетъ ничего.

Слышала только, что родъ Ратмировыхъ захудалый и бѣдный и что сама княгиня, мать Зари, приходитъ на пріемъ къ дочери въ старенькихъ платьяхъ и стоптанныхъ башмакахъ. Но это еще больше привлекаетъ Нику къ ея «Сказкѣ». Эта молчаливая гордая бѣдность такъ подходитъ къ таинственному образу княжны.

Сейчасъ Ника думаетъ о ней, о томъ, что Заря и Нушидзе ждутъ ихъ обѣихъ въ «Долинѣ вздоховъ». Но сегодня Ника не пойдетъ въ «Долину вздоховъ», ей надо подумать и рѣшить, что дѣлать съ маленькой дѣвочкой, какъ выручить Стешу. И она думаетъ долго, напряженно... Вдругъ что-то радостное вливается ей въ грудь. Рой свѣтлыхъ, счастливыхъ мыслей проносится у нея, какъ молнія, въ головѣ. Сердце начинаетъ биться, какъ птица въ клѣткѣ, быстро и бурно... О, какое счастье. Она нашла выходъ, она знаетъ какъ помочь горю.

— «Невѣста Надсона», «невѣста Надсона!» Ты не спишь?—шопотомъ обращается она къ своей сосѣдкѣ

съ лѣвой стороны (съ правой помѣщается Оля Галкина, «донна Севилья»).

Вмѣсто отвѣта, бѣлокурая Наташа Браунъ, успѣвшая уже задремать, декламируетъ спросонья:

Мнѣ снится эта ночь и снится онъ... угрюмый,
Безъ цѣли онъ бредетъ на площади глухой,
Сжигаемый своей мучительной думой,
Страдающій своей непонятой тоской... *)

— Тише, ради Бога тише, Наташа...—молитъ Ника.—Слушай, что я придумала.

И она тутъ же наскоро сообщаетъ сосѣдкѣ явившуюся ей такъ кстати счастливую мысль.

Ахъ! Наташа Браунъ даже всплескиваетъ бѣленькими ручками отъ восторга—такой удачной кажется ей мысль Ники.

— Ника, прелесть моя, дай я тебя поцѣлую...—лепечетъ Наташа и бросается на грудь Баянъ.

Затѣмъ обѣ дѣвушки берутся за руки и босикомъ, въ однѣхъ рубашкахъ, направляются изъ дортуара въ умывальную, просторную комнату съ мѣднымъ бассейномъ-желобомъ для мытья и съ десяткомъ кранов, ввинченныхъ въ мѣдную же доску, прилаженную къ стѣнѣ. Маленькая лампочка освѣщаетъ умывальную. Въ углу ея въ выдвинутомъ ящикѣ огромнаго комода-постели спитъ дортуарная дѣвушка. Ея толстая русая коса свѣсилась на полъ. Руки закинуты за голову, ротъ полуоткрытъ.

*) Стихотвореніе Надсона.

— Нюша, Нюша! Проснитесь! Идите внизъ и пробудьте до 12 ночи у васъ въ дѣвичьей...—говоритъ шопотомъ Ника, расталкивая спящую горничную.—И если вы обѣщаете молчать о томъ, что я васъ просила уйти сегодня, то получите за это рубль, на чай.

Растерявшейся Нюшѣ остается только повиноваться. Она встаетъ, покорная, заспанная, смущенно на глазахъ барышень натягиваетъ чулки, бѣлье, платье, накидываетъ платокъ и исчезаетъ.

Теперь Ника стремительно и безшумно бросается въ въ дортуаръ на цыпочкахъ, едва касаясь земли. Здѣсь, проворная и легкая какъ серна, она обѣгаетъ постели, цѣлые три ряда постелей съ неподвижно застывшими въ нихъ, дабы обмануть бдительность «Скиѳки», воспитанницами, и срываетъ одѣяло съ каждой изъ нихъ. Въ другое время не сдобровать бы за это Никѣ, но сегодня, сейчасъ, воспитанницы выпускного класса знаютъ отлично, что означаетъ этотъ рѣзкій маневръ. И не дольше, какъ черезъ минуту, тридцать пять бѣлыхъ фигуръ въ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ и въ туфляхъ на босую ногу безшумно скользятъ за дверь.

* * *

— Mesdam'очки смотрите, какой душонокъ.

— Прелесть какая!

— Это—маленькій ангелъ!

— Очаровательный ангелокъ!

— Поцѣлуй меня, котикъ мой!

— Нѣтъ, нѣтъ, меня первую!

— И меня, и меня тоже!

Въ умывальной собрался, за малымъ развѣ исключеніемъ, почти весь выпускной классъ. Въ дортуарѣ остались только только двое: «Спящая красавица» Нета Козельская, безжизненная дѣвушка, имѣющая способность засыпать всюду, гдѣ можно и гдѣ нельзя: въ классѣ на урокахъ, въ столовой за обѣдомъ, въ часы рекреаціи въ залѣ, не считаясь съ обстоятельствами мѣста и времени; да еще Лулу Савикова, или m-lle «Комъ-иль-фо»—по прозвищу институтокъ,—первая ученица, любимица классныхъ дамъ, усердная и прилежная, но мѣшанная на приличіяхъ. Институтки одноклассницы не даромъ прозвали ее m-lle «Комъ-иль-фо» или «Комильфошкой». Лулу Савикова, искренне считая себя аристократкой, хотя она только дочь небогатаго чиновника, постоянно дѣлаетъ замѣчанія подругамъ по поводу ихъ неумѣнья держать себя.

— Fi donc, какія у тебя манеры! Это неприлично!— постоянно повторяетъ она.

Сама она чопорна, медленна, сдержанна, разсчитываетъ каждое свое движеніе и напоминаетъ собою куклу-автоматъ. Разумѣется, и нынче она не пожелала придти босою въ одной рубашкѣ въ умывальную комнату посмотрѣть племянницу Стеши и предпочла, сгорая отъ любопытства, оставаться въ постели.

Стеша, держа въ рукахъ племянницу, очутилась среди воспитанницъ...

Но зато «Валерьянка»—Валя Балкашина, удивила всѣхъ. Пренебрегая сквозняками и холодомъ, которые мерещились ей вездѣ и всюду, она появилась въ теплыхъ чулкахъ во фланелевой «собственной» юбкѣ въ кофтѣ, накинутой поверхъ казенной сорочки. Заранѣе волнуясь и нюхая соли, посасывая съ меланхолическимъ видомъ мятныя лепешки отъ тошноты (ее всегда тошнило въ минуты волненія), она одной изъ первыхъ притащилась въ умывальную, кутаясь поверхъ всего въ теплый байковый платокъ.

Ровно въ одиннадцать часовъ, словно по командѣ, безшумно раскрылась коридорная дверь, и Стеша, держа на рукахъ малютку-племянницу, очутилась среди воспитанницъ.

Глаша, ошеломленная встрѣтившимъ ее бурнымъ восторгомъ, прижалась къ груди своей молоденькой тетки и, закрывшись ручонкой, изъ-подъ ладошки разглядывала лица окружавшихъ ее воспитанницъ.

— Барышни... золотенькія... ради Господа Бога, потише... Не погубите...—шептала Стеша, и ея обычно румяное лицо теперь подернулось замѣтнымъ налетомъ блѣдности. — Потише, барышни, милыя... Услышитъ Августа Христіановна—будетъ бѣда...

— Не услышитъ, она спитъ...

— И сладко грезитъ во снѣ...

— О старой соснѣ...

— Ха-ха-ха!

— А Глашенька ваша—душенокъ. Прелесть, что за мордочка! Неправда ли, mesdames?

— Ангелъ! Прелесть! Восторгъ!

— Она, пожалуй, не красива, но что-то въ ней есть такое...

— Неправда, неправда... Она красавица, лучше Баянъ и даже Козельской.

— Ну, ужъ Козельская твоя: сурокъ, сонный кротъ и сова... Глашенька же—божество!

А «божество» въ это время съ аппетитомъ обсасывала барбарисовую карамельку, предупредительно подсунутую ей кѣмъ-то изъ воспитанницъ. Черные глазенки Глаши лукаво поблескивали, а пухлыя губки складывались въ улыбку.

— Однако-жъ, mesdames, соловья баснями не кормятъ. «Душка», «восторгъ», «божество», «прелесть»—это мы говорить можемъ, а что намъ дѣлать съ Глашей, этого, оказывается, намъ придумать не подъ силу,—первою возвысила голосъ Шура Чернова, и сросшіяся брови ея сомкнулись надъ энергичными глазами.

— Да что придумывать то барышни? Хошь лбомъ стѣну пробей, не придумать ничего,—съ отчаяніемъ произнесла Стеша,—развѣ только одно: укутаю я потеплѣе Глашку, отнесу отсюда и оставлю на улицѣ. Авось, добрые люди ее подберутъ. Все едино—ни въ подвалъ, ни въ дѣвичью намъ съ нею возвращаться нельзя. Я сказала, что увожу ее къ знакомымъ, что берутъ

они у меня дѣвчонку. Стало быть, на улицу и надо ее нести.

— Нѣтъ, нѣтъ! Что вы говорите, Стеша!.. Это невозможно!.. Это безсердечно и жестоко!.. Я придумала совсѣмъ другой исходъ и, кажется, счастливый и, кажется, хорошій... Хотите скажу?

Глаза Баянъ искрятся. Лицо улыбается всѣми своими ямочками.

— Говори же, говори, что придумала,—нетерпѣливо шепчутъ кругомъ.

— Ахъ, вы убѣдитесь, это очень просто... Совсѣмъ просто...

Легкимъ прыжкомъ Ника вскакиваетъ на край комода и, сидя «на облучкѣ», говоритъ, уже пылко, горячо:

— Вы знаете, конечно, Бисмарка, Ефима; у него есть отдѣльная комнатка. Она совсѣмъ изолирована, туда никто не ходитъ. Она подъ лѣстницей... Я нѣсколько разъ заглядывала туда, когда посылала Ефима за покупками. Онъ очень аккуратный, чистый... И въ каморкѣ у него чистота... Онъ грамотный, читаетъ газеты. Значитъ, умный, значитъ, толковый... Не даромъ же цѣлыя поколѣнія институтокъ прозвали его «Бисмаркомъ». У него двѣ слабости: любовь къ политикѣ и къ дѣтямъ. Онъ постоянно зазываетъ къ себѣ дѣтишекъ и возится съ ними. Что, если попросить его пріютить у себя до поры до времени Глашу?.. Потомъ мы устро-

имъ ее какъ-нибудь иначе, а пока... Кормить и одѣвать мы ее будемъ сами; каждый день отъ обѣда и ужина по очереди каждая изъ насъ будетъ отдавать ей свою порцію,—одна супа, другая жаркого, третья сладкаго. На карманныя деньги станемъ покупать ей платьица и сладости.

— И лѣкарства, въ случаѣ она заболѣетъ, — вставляетъ неожиданно «Валерьянка».

— Тс! Тс! Не мѣшай говорить Никѣ!.. — шикаютъ на нее подруги.

— Ну, лѣкарствъ покупать не придется. Мы будемъ имѣть ихъ даромъ изъ Валиной аптеки,—острить «Золотая рыбка».

И на нее шикаютъ тоже и машутъ руками.

— Продолжай, Ника, продолжай...—слышится кругомъ.

— Но все это надо дѣлать, mesdames, подъ полнымъ, абсолютнымъ сохраненіемъ тайны. Чтобы никто не зналъ, кромѣ Бисмарка, Стеши и насъ. Хранить свято отъ начальства нашъ секретъ. Сторожу Ефиму мы будемъ платить за уголъ... Не знаю, поняли ли вы меня...

— Поняли! Поняли! — послышались сдержанные голоса.

— Вы понимаете, mesdames, Глаша будетъ какъ бы «дочь института», наша дочка.

— Да! Да! Да!

Лица институтокъ, оживленныя и взволнованныя, обращены къ Никѣ Баянъ.

Нѣтъ, она положительно маленькій геній, эта Ника! Кто подсказалъ ей этотъ чудесный планъ? Какимъ новымъ радостнымъ значеніемъ благодаря ему наполнится теперь жизнь выпускныхъ, такая сѣрая, такая будничная, обыденная жизнь до этой минуты.

— Mesdames, мы будемъ всячески заботиться о ней, разъ она является нашей маленькой дочкой,—мечтательно говоритъ «невѣста Надсона».

— Да, да. И пусть она называетъ насъ всѣхъ мамами,—въ тонъ ей шепчетъ «Хризантема».

— Ну вотъ еще!.. Тридцать пять мамъ!.. Есть отъ чего сойти съ ума!.. Я бы хотѣла лучше быть папой,—выступаетъ съ лукавой усмѣшкой черненькій «Алеко».

— Ну вотъ и отлично! Шура Чернова будетъ папа, а я бабушка! — и, забывшись, шестнадцатилѣтняя бабушка Ника Баянъ хлопаетъ въ ладоши и хохочетъ и прыгаетъ на одномъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я буду дѣдушкой,—бухаетъ «Шарадзе» и торжествующимъ взглядомъ обводитъ подругъ.

— Только не вздумай мучить ее загадками и шарадами. Съ ума отъ нихъ можно сойти,—звенитъ своимъ стекляннымъ голоскомъ «Золотая рыбка».

— Нѣтъ, нѣтъ, я предоставлю «Хризантемѣ» разсказывать ей о цвѣтахъ, «Доннѣ Севильѣ» объ Испа-

ніи, а «невѣстѣ Надсона» читать стихи любимаго поэта,—покорно соглашается Тамара.

— Нечего сказать, блестящее воспитаніе получитъ наша дочка,—смѣется «Земфира», она же Мари Веселовская.—Mesdames,—прибавляетъ она,—разъ главныя роли уже опредѣляются, я предлагаю быть ея теткой.

— И я.

— И я тоже.

— И я,—слышатся голоса,—тетокъ можетъ быть много, это не матери.

— Mesdames, остается свободная вакансія на дядей. Желающія есть?—самымъ серьезнымъ образомъ спрашиваетъ «Донна Севилья».

— Нѣтъ, нѣтъ. Дядя долженъ быть одинъ—Бисмаркъ-Ефимъ. Это его преимущество.

— А захочетъ ли онъ еще принять къ себѣ Глашу?

— Ну, вотъ еще! Какъ онъ сможетъ не захотѣть, какъ онъ посмѣетъ не захотѣть? Вѣдь мы ему за это платить будемъ.

— Не то, не то,—и черненькій «Алеко» снова выступаетъ на сцену.—Во-первыхъ, не будемъ наивны и не станемъ думать, что облагодѣтельствуемъ Ефима предложеніемъ взять дѣвочку. Безспорно, онъ многимъ рискуетъ, если приметъ Глашу. Вѣдь его могутъ лишить мѣста за это. Безъ спроса въ сторожкѣ, какъ и всюду среди этихъ чопорныхъ стѣнъ, не можетъ по-

селиться ни одна живая душа. Но, правда, и я слышала, что Ефимъ обожаетъ дѣтей и что у него недавно умерла маленькая внучка въ деревнѣ, а потому я убѣждена, что онъ исполнитъ нашу просьбу—возьметъ Глашу.

— Только бы она не болѣла! Я подарю Ефиму мою аптечку... И научу его, какъ и посколько давать Глашѣ лѣкарствъ...—произнесла Валя.

— Ну, пошла-поѣхала! Этого еще не хватало: здоровую дѣвчушку пичкать валерьянкой и мятой!—зазвучали негодующіе голоса.

— Нѣтъ, что вы!—внезапно смущается Валя, — я только предложила бы дѣлать химическіе анализы той пищи, которую будемъ давать нашей дочкѣ... Надо же знать, сколько бѣлковыхъ веществъ входитъ въ нее.

— Душа моя, помолчи лучше,—безцеремонно обрываетъ ее «Шарадзе», въ то время, какъ всѣ остальныя кругомъ сдержанно смѣются.

Несмотря на этотъ смѣхъ и суету, Глаша, единственная причина всѣхъ этихъ горячихъ споровъ и переживаемаго волненія, умудряется заснуть на рукахъ Стеши Ея бѣлобрысая головенка прислоняется къ плечу дѣвушки, темныя рѣсницы сомкнулись, алый ротикъ пріоткрытъ...

— Mesdames, тише: она заснула. Какой душонокъ! Я сейчасъ же со Стешей иду къ Бисмарку и буду просить, молить и требовать, чтобы онъ принялъ нашу

Глашу, — взволнованно бросаетъ Баянъ и мчится въ дортуаръ одѣваться.

— И я съ тобою, и я,—настаиваетъ шопотомъ Тамара Теръ-Дуярова.

— Прихватите и насъ съ «Земфирой», — проситъ Алеко.

Чрезъ минуту, «депутація», во главѣ со Стешей, несущей сонную Глашу, крадется изъ умывальной, сопровождаемая напутствіями и пожеланіями остающихся. Среди послѣднихъ возникаютъ новые разговоры, новые горячіе споры.

— Глаша, это—невозможное имя, — возмущается поэтичная «невѣста Надсона». — Глаша... Глафира... ужасъ!

— Назовемъ ее какъ-нибудь иначе, это ни къ чему не обязываетъ...—предлагаетъ «донна Севилья».—Ахъ,— съ пафосомъ добавляетъ она, — у русскихъ нѣтъ совсѣмъ красивыхъ именъ. Это не Испанія. Если бы ее можно было назвать донной Эльвирой... донной Лаурой... донной Альфонсиной... Какъ это было бы прекрасно.

— Перестань грѣшить, Галкина! — неожиданно и сурово обрываетъ ее Капочка Малиновская. — Католическое имя для русской—это невозможно!

— Ничего тутъ нѣтъ грѣшнаго, ей Богу, — хорохорится Ольга,—откуда ты взяла?

— А произносить имя Господа Бога твоего всуе — грѣхъ и ересь сугубая,—не унимается Капочка.

— Mesdames, уймите же эту святошу—уже сердится Ольга.

— Простую смертную, грѣшницу, святошею называть—троякій грѣхъ и ересь, — бубнитъ Малиновская, награждая Галкину уничтожающимъ взглядомъ.

— Mesdames, держите меня, а то я, Богъ знаетъ, что съ нею сдѣлаю! Я не отвѣчаю за свой испанскій темпераментъ!—внезапно разражается смѣхомъ «донна Севилья».

Вдругъ «Золотая рыбка» ударяетъ себя ладонью по лбу.

— Придумала! Придумала! Это не имя, а прозвище. И какое красивое! Какое подходящее!—звенитъ ея стеклянный голосокъ.

— Ну? — срывается у всѣхъ однимъ общимъ звукомъ.

— Мы станемъ называть ее «Тайной». Неправда ли, хорошо?—и красивые глазки дѣвушки вспыхиваютъ и загораются оживленіемъ.

— Лидочка, ты—богиня мудрости, ты—сама Аѳина Паллада! Дай я тебя поцѣлую за это!.. — и Муся Сокольская, «Хризантема», съ поцѣлуями бросается на грудь подругѣ.

— «Тайна института». Это и красиво и... и... удобно. Такъ и будемъ называть ее «Тайной», — продолжала развивать свое предложеніе «Золотая рыбка», сама, очевидно, восхищаясь пришедшей ей на умъ мыслью.

— Великолѣпно! Очаровательно!—восклицаетъ «Хризантема».

— Тайна! Это адски хорошо!

— Лучше всякихъ испанскихъ именъ, пожалуй, — соглашается и «донна Севилья».

— А жаль, — смѣется Маша Лихачева, — что не испанское имя мы дали Глашѣ. Лишимъ этимъ возможности нашу донну послать прошеніе испанскому королю разрѣшить принять на себя крещеніе нашей дочки.

— Глупости говоришь, — вспыхиваетъ и смѣется Ольга.

— А развѣ ты не думаешь постоянно объ Альфонсѣ испанскомъ? А? Сознайся. Послала бы ему прошеніе и подписала бы: «Русско-испанская подданная «Донна Севилья Галкина». Неправда ли, хорошо звучитъ, mesdames?

— Олечкино прошеніе не было бы принято, — смѣются институтки.

— Но почему? Она вѣдь приложила бы къ нему гербовую марку со штемпелемъ, какъ слѣдуетъ...

— Mesdames, мы уклоняемся отъ главной темы. Нравится придуманное прозвище или нѣтъ?—и «Золотая рыбка» обѣгаетъ оживленнымъ взглядомъ лица подругъ.

— Браво! Браво! Чудесно! Безподобно! — звучатъ кругомъ голоса и сдержанные аплодисменты.

Одна Капочка недовольна, качаетъ головой и шепчетъ:

— Тайна! Не христіанское, а языческое что-то. Грѣхъ и ересь.

— Сама-то ты ересь въ квадратѣ, въ кубѣ...—смѣется Ольга Галкина.

— Mesdames, вы спать не даете! Адски спать хочется, а вы тутъ тары-бары...—и неожиданно на порогѣ умывальноі появляется комичная заспанная фигура Неты Козельской, «Спящей красавицы». Ея косы распустились, обычно большіе глаза сузились отъ свѣта, одна щека, отлежанная на подушкѣ, вся въ рубцахъ, пылаетъ, другая нормально бѣла.—Это просто нелюбезно, mesdames, будить по ночамъ,—шипитъ она сердито,—адское свинство.

Нету обступаютъ подруги. Ей поясняютъ всю суть дѣла.

Можно ли спать въ такую ночь, когда у нихъ появилась маленькая «Тайна», крошечная дочка, внучка, племянница, и когда онѣ всѣ сразу стали мамами, бабушками, тетями, дѣдушками, когда начинается новая жизнь, полная тайны, прелести, очарованія...

— Ахъ, mesdam'очки, какъ это хорошо!—внезапно оживляется и Нета, и вся ея сонливость исчезаетъ мгновенно.—Только «Комильфошкѣ» не надо говорить: Наша Савикова терпѣть не можетъ дѣтей, рожковъ, сосокъ и пеленокъ.

— Да какіе же рожки и пеленки, когда Глашѣ... то-есть, «Тайнѣ», скоро исполнится пять лѣтъ...

— Ну да, конечно... Только Лулу Савикова и пятилѣтнихъ дѣтей не терпитъ.

— Ну такъ пускай она будетъ мачехой «Тайны», если такъ, — сердито рѣшаетъ «невѣста Надсона» и декламируетъ съ ей одной свойственнымъ пафосомъ и увлеченіемъ:

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю;
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской...

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! Пять типуновъ тебѣ на языкъ и вдвое подъ языкъ... не пророчь... — замахали на «Невѣсту» подруги,—съ чего ты взяла, что у нашей Тайночки будетъ тяжелое дѣтство?.. У нея любящій отецъ, столько тетокъ, бабушка, дѣдушка, все родство налицо...

— Но разъ у нея мачеха...

— Ахъ, вздоръ!... Лулу — мачеха, но кромѣ того и мать будетъ... Мы Земфиру выберемъ; она самая серьезная и тихая,—предлагаетъ «Хризантема».

— Да, да. Выберемъ Мари въ матери Тайны, — въ забывчивости кричитъ Маша Лихачева.

Въ тотъ же мигъ распахивается дверь изъ коридора.

— Уррра, mesdames! Побѣда! Побѣда! Бисмаркъ согласенъ, «Тайна» принята! — врываясь во главѣ вер-

нувшейся депутаціи, кричитъ, забывшись, во весь голосъ Ника Баянъ.

— Взята, взята Бисмаркомъ Тайна! — вторятъ ей «Шарадзе», «Алеко» и даже всегда уравновѣшенная Земфира-Мари.

— Только, чуръ, mesdames, полнѣйшее молчаніе... «Тайна» должна оставаться тайной и...

— Was ist denn hier für eine Versammlung? (Что такое? здѣсь за сборище?) Кто вамъ позволилъ шумѣть среди ночи? — и сухая, костлявая фигура Скиоки, съ клюквообразнымъ носомъ и багровыми щеками, облаченная въ капотъ, появляется внезапно на порогѣ умывальной.

Дружное «ахъ!» вырывается изъ трехъ десятковъ грудей. Пойманы съ поличнымъ. О спасеніи нельзя и думать. Отступленіе отрѣзано, да и не послужитъ оно ни къ чему. Острые маленькіе глазки «дамы» проворно обѣгаютъ смущенныя лица.

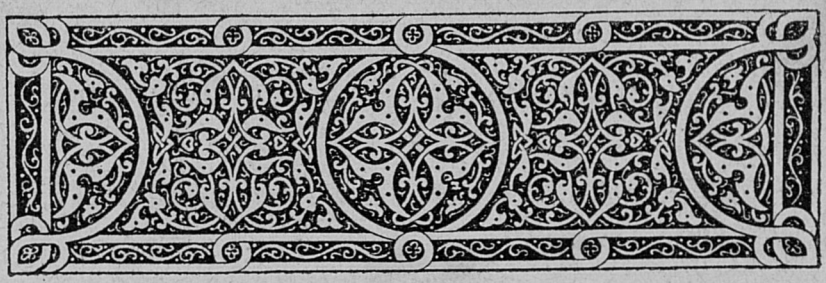
— Баянъ... Чернова... Дуярова и даже Веселовская! О, я никогда не ожидала отъ тебя, Мани Веселовской! Гдѣ вы были? Почему вы одѣты? Молчите? Ага! Заговоръ? Бунтъ? Скандалъ?.. Завтра же будетъ все извѣстно ея высокопревосходительству... А теперь всѣ спать, а вы четверо стоять у моихъ дверей, пока не прощу. Маршъ! И всему классу по одному баллу за поведеніе долой.

— Господи, помяни царя Давида и всю кротость

его, — перепуганная не на шутку, искренно шепчетъ «Камилавка».

— Малиновская, безъ уродства и шутовства! Маршъ! Молчать!

Наказанныя покорно проходятъ къ дверямъ скиѳкинаго жилища и становятся тамъ «на часы». Не наказанныя смиренно укладываются по постелямъ. Чрезъ пять минутъ, когда Скиѳка исчезаетъ за дверью, онѣ имѣютъ удовольствіе наблюдать въ полутьмѣ, какъ «часовые» Алеко Чернова съ Никой жонглируютъ сдернутыми съ себя пелеринками и манжами и свернутыми въ видѣ мячиковъ, состязаясь въ ловкости... И ни тѣни огорченія не замѣтно на ихъ оживленныхъ лицахъ.



ГЛАВА VI.

НИЖНІЙ лазаретный коридоръ постоянно освѣщенъ электрическими лампочками. Онъ помѣщается направо отъ швейцарской и ведетъ въ него большая стеклянная дверь. Между этою дверью и церковною «парадной» лѣстницей находится лѣтній выходъ въ садъ (зимній ведетъ чрезъ столовую на веранду), ведущій чрезъ куполообразную круглую комнату, называемую «мертвецкой». Въ этой комнатѣ, дѣйствительно, ставятъ гробы съ умершими воспитанницами, классными дамами и институтской прислугой, а самую комнату украшаютъ тропическими растеніями и цвѣтами. Но это только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда стѣны учебнаго заведенія посѣщаетъ жестокая, непрошенная гостья-смерть. Въ обычное же зимнее время круглая со стеклянною дверью «мертвецкая» закрыта на ключъ. Въ ней хранятся лѣтнія игры: казенный лаунъ-тенисъ и крокетъ, а также снятыя на

зиму качели и лямки отъ гигантскихъ шаговъ. Около «мертвецкой» находится небольшое окошечко, выходящее на нижнюю площадку лѣстницы. Здѣсь—комнатка Бисмарка, или институтскаго сторожа Ефима. Входъ въ нее устроенъ подъ лѣстницей. Комнатка имѣетъ всего четыре аршина въ ширину и три въ длину. Она полусвѣтлая и очень низенькая, но подкупающая чистота, господствующая въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ жилищѣ, заставляетъ забывать о его незначительности. За ситцевой занавѣской стоитъ постель, накрытая дешевенькимъ пикейнымъ одѣяломъ, въ глубинѣ—сундукъ; у правой стѣны—столъ и два стула. Въ переднемъ углу—божница. Нѣсколько небольшихъ образовъ заключены въ раму; передъ ними горитъ неугасимая лампада. За кіотомъ заткнуты пучокъ прошлогоднихъ вербъ и восковая свѣча отъ Двѣнадцати Евангелій. Въ углу стоитъ невысокій шкапчикъ-поставецъ; въ немъ лежатъ книги и газеты. Особенно много тамъ газетъ, сложенныхъ аккуратнѣйшимъ образомъ вчетверо, листъ къ листу. Но есть и книги, преимущественно божественнаго и историческаго содержанія: русская отечественная исторія, поэма въ стихахъ «Дмитрій Донской», нѣсколько разрозненныхъ нумеровъ старыхъ журналовъ, «Житія» преподобнаго Антонія Печерскаго, Сергія Радонежскаго, великомученицы Екатерины и другія.

Ефимъ-Бисмаркъ—очень религіозный человѣкъ, но имѣетъ большую склонность и къ политикѣ. На всѣ свои

свободные гроши онъ покупаетъ газеты, больше всего въ нихъ интересуясь политикой. Онъ прочитываетъ ихъ всѣ отъ строчки до строчки самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Всѣ текущія политическія дѣла онъ твердо знаетъ, какъ «Отче нашъ». Со всѣми выдающимися дѣятелями Европы онъ знакомъ по газетамъ довольно основательно. Президенты, министры-премьеры и просто министры, это—его закадычные друзья.

Семь часовъ утра. На дворѣ декабрьскій утренній сумракъ. Въ институтѣ полная тишина. Только что отзвонилъ звонокъ въ верхнихъ коридорахъ, призывающій къ утреннему туалету. Но внизу еще мало движеній; развѣ пробѣжитъ лазаретная дѣвушка по нижнему коридору, да швейцаръ Павелъ повозится у себя въ швейцарской, не успѣвъ еще надѣть своей красной ливреи, за которую институтки дали ему прозвище «Кардинала».

Но Ефимъ-Бисмаркъ давно уже поднялся въ своей сторожкѣ, сходилъ за кипяткомъ на кухню, заварилъ чай и теперь будитъ Глашу.

— Вставай, дѣвонька, пора. Не ровенъ часъ, кто еще сунется, пропали мы тогда съ тобой оба.

За ситцевой перегородкой спитъ одна Глаша. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣвочка поселилась у него въ каморкѣ, Ефимъ стелетъ себѣ постель на полу.

— Глаша, а Глашутка, вставать надо! Живѣе, дѣвонька!

Черные глазенки раскрываются сразу и смотрятъ

испуганно-удивленно. Всклокоченная головка потѣшно поворачивается вправо и влѣво. Глаша спала нынче такъ сладко. Она видѣла чудесные сны. Видѣла, что ей подарили много диковинныхъ вещей, видѣла огромную куклу, такую, о которой мечтала давно:съ черными глазками, съ розовыми щеками, съ бѣлокурыми волосами.

— Дѣдуска, а дѣдуска,—лепечетъ Глаша,—правда, сто нынце мое лозденіе?—обращается дѣвочка къ своему покровителю и другу.

— Да ужъ ладно, правда. Стеша сказывала, стало быть, правда,—ворчливо отзывался Ефимъ.

Онъ и радъ и не радъ своей новой жилицѣ. Вотъ уже второй мѣсяцъ пошелъ съ того дня, какъ поселилась въ его каморкѣ подъ лѣстницей маленькая черноглазая бѣловолосая дѣвочка. Поселилась, благодаря исключительно добротѣ его, Ефима, и сразу же, съ перваго дня своего водворенія въ каморку, забрала его властно въ свои крошечныя ручонки. Вначалѣ онъ, отставной унтеръ Ефимъ Гавриковъ, когда прибѣжавшія къ нему институтки стали упрашивать его пріютить у себя до поры до времени дѣвочку,—и слушать не хотѣлъ объ этомъ: боялся «ея высокопревосходительства госпожи начальницы», боялся эконома, завѣдующаго составомъ мужской институтской прислуги, боялся классныхъ дамъ,—словомъ, боялся всѣхъ. Онъ, этотъ пятидесятипятилѣтній старикъ съ сивыми усами и очками-консервами, за которыми странно большими казались добрые

сѣрые глаза, свыкся съ жизнью институтскаго сторожа за свои долгія двадцать лѣтъ службы, и терять мѣсто изъ-за какой-то пришлой дѣвчонки совсѣмъ не входило въ его расчеты. Но, во-первыхъ, «пришлая дѣвчонка» оказалась похожею, какъ двѣ капли воды, на его малютку-внучку Марфутку, въ которой старикъ души не чаялъ и которая годъ тому назадъ умерла въ деревнѣ подъ Лугой, а, во-вторыхъ, сама Глашутка являлась свѣтлымъ лучомъ въ бѣдной впечатлѣніями жизни старика.

Понявъ сразу, что отъ ея благонравія и соблюдаемой ею тишины будетъ зависить и дальнѣйшее благополучіе ея жизни и пребываніе здѣсь, Глаша, или «Тайна» на вычурномъ языкѣ институтокъ, вела себя образцово.

Тихо, какъ мышка, притаилась дѣвочка въ каморкѣ своего благодѣтеля, безшумно играя игрушками, доставляемыми ей сюда институтками. Никто, кромѣ посвященныхъ въ тайну, и не зналъ, что крошечная черноглазая дѣвочка скрывается въ Бисмарковомъ жилищѣ. Уходя изъ каморки, Ефимъ всегда запиралъ дѣвочку на ключъ. Подышать свѣжимъ воздухомъ онъ выпускалъ Глашу чрезъ «мертвецкую» въ тѣ часы, когда въ институтѣ бывалъ обѣдъ и когда все населеніе учебнаго заведенія находилось въ столовой. Обѣдъ и ужинъ, вмѣстѣ съ лакомствами, доставлялись въ сторожку самымъ аккуратнымъ образомъ выпускными воспитанницами, а деньги, плата за Глашино помѣщеніе, вно-

сились ими такъ же аккуратно въ размѣрѣ шести рублей, по три рубля каждыя двѣ недѣли. Отъ этихъ денегъ Ефимъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться сначала, но потомъ рѣшилъ, что онѣ пойдутъ на самое Глашу и пригодятся ей на черный день.

Первый мѣсяцъ ея пребыванія въ каморкѣ прошелъ быстро, какъ сонъ; наступилъ другой. Нынче было третье декабря, день, когда Глашѣ стукнуло пять лѣтъ. Старикъ Ефимъ припасъ дѣвочкѣ подарокъ: плитку шоколада и нитку дешевыхъ бусъ. Не успѣла Глаша, какъ слѣдуетъ, налюбоваться ими, какъ у дверей раздался троекратный стукъ,—условленный звукъ «своихъ». Глаша, бросившаяся было за ситцевую перегородку на постель, какъ всегда дѣлала это при малѣйшемъ признакѣ опасности, на этотъ разъ остановилась сіяющая посреди комнаты и устремила на дверь зажегшіеся любопытствомъ глазки. Малютка вспомнила сразу, что троекратнымъ стукомъ въ дверь могли извѣщать о своемъ приходѣ только ея баловницы тетеньки, институтки.

Дѣйствительно, изъ-за двери, предупредительно открытой Ефимомъ, выглядывали ихъ милыя, оживленныя, хорошо знакомыя дѣвочкѣ лица: «дѣдушки»-Тамары, «бабушки»-Ники, «папы»-Алеко, «мамы»-Земфиры, «тети»-«донны Севильи», или, попросту, тети Оли, какъ называла «кажущуюся испанку» Глаша, «тети» Маши Лихачевой, «тети» «Золотой рыбки» и ея подруги «тети» Муси, «тети» Эли Федоровой и «тети» Лизы Ивановой.

Прибѣжала и бѣлокурая «тетя» Наташа, которая такъ хорошо умѣла читать Глашѣ о чемъ-то такомъ, чего еще, за крайней молодостью своей, никакъ не могла понять Глаша, но что звучало такъ складно и такъ красиво.

Первая вбѣжала Шарадзе, она же и «дѣдушка» Глаши.

— Здравствуй, милая Тайна! Поздравляю тебя!

— Дорогая дѣвочка! Ненаглядная Тайна, поздравляю.

— Поздравляю Тайну, доченьку, дорогую нашу малютку! И всѣ оставшіяся наверху тети поздравляютъ и цѣлуютъ тебя.

— Милая крошка Тайна, поздравляю, поздравляю... поздравляю.

Градъ поцѣлуевъ и поздравленій сыплется на Глашу, какъ цвѣты и конфеты изъ рога изобилія, изображаемаго на картинахъ. Потомъ ее торжественно подхватываютъ на руки и несутъ. Несутъ и сажаютъ на столъ.

— Вотъ тебѣ подарочекъ отъ меня, милая Тайна.

— И отъ меня.

— И отъ меня.

— А вотъ и мой.

Глаза Тайны раскрываются широко... Крикъ восторга рвется изъ маленькой груди и замираетъ на губахъ.

Она не видитъ изящнаго, всего въ розовыхъ бантахъ и прошивкахъ платья, которое ей даютъ «мама

Земфира» и «папа Алеко», не видитъ хорошенькаго альбома, зарисованнаго хризантемами и розами, не видитъ крошечной склянки съ водою, гдѣ мечется живая золотая рыбка—приношеніе Лиды Тольской, не видитъ большой красивой банки съ помадой, которую протягиваетъ ей сама насквозь пропитанная духами Маша Лихачева... И коробочки съ перышками, резинкою, цвѣтными карандашами и картинками въ рукахъ Лизы Ивановой не видитъ Глаша. Она видитъ только одно: ея сбывшуюся, въ концѣ-концовъ, мечту, мечту маленькой дѣвочки, которую она только разъ обронила вслухъ какъ-то—прелестную куклу въ рукахъ «бабушки» Ники, завѣтную куклу, одѣтую институткой, въ зеленомъ камлотовомъ платьѣ, въ передникѣ и пелеринкѣ, какъ у заправской институтки.

Куколка, милая куколка! Дорогая, добрая, прекрасная мечта!

Глаза Глаши широко раскрыты и горятъ восторгомъ. Щеки рдѣютъ; губки раздвигаются въ блаженную улыбку, ручонки тянутся къ дивному видѣнію помимо воли дѣвочки.

— Дай, бабуська Ника, дай...—лепечетъ повелительно и радостно крошка.

Растрепанная головка качаетъ отрицательно.

— Нѣтъ, нѣтъ, раньше поцѣлуй меня за то, что я отгадала твое желаніе.

— Баянъ, не смѣй мучить ребенка!—кричитъ Ша-

Глаза Гляши широко раскрыты и горятъ восторгомъ...

радзе и топаетъ ногой въ то время, какъ Глаша звонко чмокаетъ свою шестнадцатилѣтнюю бабушку въ ея свѣжую щечку.

Тамара не принесла «настоящаго подарка», но зато припасла для общей дочки цѣлую коробку «сборныхъ конфетъ», которыми ее угощали подруги послѣ пріема родныхъ. Теръ-Дуярову никто не навѣщалъ, всѣ ея родные и знакомые жили далеко, въ Тифлисѣ, а сама она «хронически» страдала отсутствіемъ денегъ. Эти конфеты собирала она цѣлую недѣлю, имѣя «гражданское мужество» отказываться отъ нихъ въ пользу своей названной внучки. Былъ у нея заготовленъ и еще одинъ подарокъ для Глаши, но онъ былъ единогласно отвергнутъ всѣмъ классомъ: тщательно составленный и переписанный въ хорошенькую тетрадку сборникъ шарадъ, надъ которымъ просидѣла три долгіе вечера Тамара. Этотъ подарокъ, забракованный остальными за молодостью лѣтъ «Тайны», остался лежать въ пюпитрѣ армянки.

Въ крошечной сторожкѣ стало сразу весело, шумно и людно. Запахло острымъ запахомъ шипра, которымъ, пренебрегая чопорными институтскими традиціями, немилосердно душилась Маша Лихачева. Даже Ефимъ сіяетъ нынче. Поднявъ очки на лобъ, онъ смотритъ на барышень ласковыми старческими глазами. Отношеніе институтокъ къ Глашѣ трогаетъ и радуетъ старика.

— Послѣ обѣда я приду сюда. Сегодня я дежурная по сторожкѣ,—говоритъ «Золотая рыбка»,—ужъ вы заранѣе откройте, Бисмаркъ, то-есть, Ефимъ я хотѣла сказать, чтобы не пришлось ждать у дверей...—звенитъ ея стеклянный голосокъ.

— Хорошо, мамзель Тольская, открою.

— Тайночка милая...—мечтательно говоритъ «невѣста Надсона», обнимая Глашу,—взгляни на мой подарочекъ, что я тебѣ принесла.

Увы, эта книжка въ зеленомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ,—собраніе стихотвореній Надсона,—пятилѣтнюю Глашу отнюдь не интересуетъ.

— Удивительно остроумный подарокъ!—ворчитъ Маша Лихачева,—это ей понадобится лишь къ пятнадцати годамъ, тогда бы и подарила.

— Ну, а твоя банка съ помадой, подумаешь, остроумнѣе. Да? Нечего сказать, учитъ только преждевременному кокетству...—вступается за Наташу Лиза Иванова.

— Батюшки, совсѣмъ какъ «Скиѳка»! Адски добродѣтельный экземпляръ!—хохочетъ надъ Лизой Ника, успѣвшая подхватить Глашу на руки и зацѣловать ее до безконечности.

Она явно торжествуетъ: ея подарокъ имѣетъ наибольшій успѣхъ. Не даромъ студентъ электротехникъ Сережа Баянъ, братъ Ники, избѣгалъ весь городъ, выискивая такую именно куклу, какую «загадала» его изоб-

рѣтательная сестрица: съ черными глазами, бѣлокурую, со вздернутымъ носомъ и настоящими рѣсничками, словомъ, двѣ капли воды похожую на самое Глашу. Семь куколъ были отвергнуты Никой; на восьмой кое-какъ поладили братъ съ сестрой. Затѣмъ, въ тотъ же день, Ника отдала куклу въ гардеробную дѣвушкамъ-швеямъ сшить ей настоящее институтское бѣлье и платье, и вскорѣ изъ-подъ искусныхъ рукъ Марѳы Посадницы и Маши вышла маленькая институтка съ фарфоровой головкой и бѣлокурыми волосами.

За всѣ эти хлопоты, повидимому, Ника была вполнѣ вознаграждена. Блестящіе глазенки «Тайны» и ея сіяющее удовольствіемъ личико говорили сами за то, что институтская дочка въ восторгѣ отъ подарка своей бабушки.

Звонокъ къ молитвѣ неожиданно прервалъ веселую болтовню въ каморкѣ.

— Бѣжимъ скорѣе! «Четырехмѣстная карета» уже выкатилась изъ своего сарая. Прощайте, Бисмаркъ. Прощай, маленькая Тайна! До завтра! — зазвенѣли веселые голоса.

— А я увижу васъ еще сегодня. Я принесу обѣдъ. А пока до свиданья, Ефимъ. До свиданья, Тайна...—и «Золотая рыбка» первая выскакиваетъ за дверь.

Разсѣянная Шарадзе въ забывчивости «ныряетъ» передъ Ефимомъ; то-есть, по-просту, отвѣшиваетъ ему реверансъ.

Старикъ сконфуженъ.

— Прощайте, барышни...—лепечетъ онъ смущенно въ то время, такъ остальныя, толкаясь въ дверяхъ, выскакиваютъ съ смѣхомъ за порогъ каморки.

Звонокъ заливается оглушительно въ верхнемъ дортуарномъ коридорѣ.

— Бѣжимъ прямо въ залу... Все равно не успѣемъ проскочить въ классы, попадемся навстрѣчу «Четырехмѣстной каретѣ»... — замѣтила тихо «Донна Севилья».

— Mesdam'очки, чуръ! Если встрѣтимъ Ханжу,— передники на голову и спасаться бѣгствомъ. По крайней мѣрѣ, лицъ не увидитъ...

— Ну, разумѣется.

— Mesdames, хорошо какъ! Удалось «Тайночку» порадовать. Теперь бы въ залу пробраться безъ послѣдствій...

— Все спокойно пока... Тихо, гладко и безмятежно... «Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный...» — неожиданно запѣваетъ арію Фауста на весь коридоръ Эля Федорова, неимовѣрно фальшивя на каждой нотѣ.

— Федорова, ты въ своемъ умѣ? Эля! Молчи! Мол...

Увы, слишкомъ позднее предупрежденіе. Изъ-за стеклянной двери, ведущей на вторую половину нижняго коридора, какъ разъ навстрѣчу институткамъ выкатывается инспектриса института, Юлія Павловна Ганду-

рина. Это—маленькое кривобокое существо въ черной наколкѣ, съ морщинистымъ лицомъ и тонкой осиной таліей. Она—бичъ воспитанницъ. Она постоянно и повсюду ловитъ и выслѣживаетъ дѣвочекъ, выговаривая имъ за малѣйшую провинность, и постоянно грозитъ небесною карою и взысканіемъ «свыше», за что и получила прозвище «Ханжи». Въ церкви и на молитвахъ, въ то время, какъ она, лицемѣрно поднявъ глаза къ небу, изображаетъ всѣмъ существомъ своимъ олицетворенную молитву и смиреніе, — маленькіе пронырливые глазки успѣваютъ одновременно зрить и горнія высоты, и юныхъ проказницъ, нарушающихъ въ данный моментъ институтскія традиціи.

— Это — Ханжа!.. Бѣжимъ... Спасемся... — сорвалось съ устъ Шарадзе, и она первая помчалась впередъ, минуя инспектрису, съ накинутымъ на голову бѣлымъ фартукомъ.

— Теръ-Дуярова, куда?

Скрипучій голосъ Юліи Павловны, словно гвоздь, прибиваетъ къ мѣсту армянку, и бѣдняжка Тамара какъ бы обращается мгновенно въ неподвижный столбъ.

— Баянъ!.. Чернова!.. Тольская!.. Галкина!.. Лихачева!.. Иванова!.. Ну, конечно, всѣ отпѣтыя шалуньи...—произноситъ инспектриса, презрительно оттопыривая нижнюю губу.—Очень жаль, что такая хорошая ученица, какъ Мари Веселовская, за одно съ вами, и

Сокольская тоже... Вообще дружба Черновой съ Веселовской и Сокольской съ Тольской не приведетъ къ добру...

Юлія Павловна разсчитывала продолжать нотацію, но вдругъ остановилась на полуфразѣ.

— Кто это такъ надушился? Кто посмѣлъ? Лихачева, вы?—сказала она, грозно сдвигая брови.

Красная, какъ кумачъ, Маша выступила впередъ.

— Что это такое? — грозно накинулась на нее «Ханжа».

— Это... это... шипръ.

Эффектъ получился неожиданный.

Маша растерялась, и трепещущія губы дѣвушки произнесли то, чего отъ нея и не требовалось вовсе. Вопросъ инспектрисы отнюдь не относился къ названію духовъ, онъ просто выражалъ высшую степень негодованія.

— Ага, шипръ! Вы осмѣливаетесь еще и дерзить, мало того, что отравляете воздухъ этою дрянью!

— Это шипръ... — уже ни къ селу, ни къ городу подтверждаетъ окончательно растерявшаяся Лихачева въ то время, какъ другія трясутся отъ усилія сдержать обуревающій ихъ смѣхъ.

— Прекрасно. Вы отправитесь сегодня же въ лазаретъ и возьмете ванну... Слышите ли?—Ванну, чтобы избавиться отъ этого ужаснаго запаха...—повышаетъ голосъ инспектриса.

— Но... но... это невозможно...—лепечетъ смущенная Маша—я впиталась въ него...

— Что такое? — грозно поднимаются брови инспектрисы, и ея маленькіе глазки сверкаютъ.

— Что?

— То есть, онъ... то-есть, шипръ впитался въ меня...—поправляется еще болѣе некстати Маша.

— О, это безподобно! — насмѣшливо улыбается инспектриса.—Это великолѣпно! Молодая дѣвушка, вступающая черезъ полгода въ свѣтъ, впитываетъ въ себя не основы религіи, не правила добродѣтели, а какіе-то скверные духи...

— Они не скверные, m-elle. Увѣряю васъ; они стоятъ семьдесятъ копеекъ лотъ.

Послѣдняя фраза въ конецъ погубила бѣдную «Фабрику Ралле». Съ жестомъ, полнымъ презрѣнія, съ саркастической улыбкой на тонкихъ губахъ, инспектриса махнула рукой.

— Вамъ будетъ сбавлено два балла по поведенію за шипръ и два за дерзкій отвѣтъ, — проскандировала она зловѣщимъ голосомъ и тотчасъ же обратилась къ другимъ воспитанницамъ, отвернувшись отъ въ конецъ смущенной Маши:

— Теперь я желала-бы знать, гдѣ вы были?

Что было отвѣтить на такой вопросъ? Все, что угодно, только не правду. Сказать правду—значило бы погубить «Тайну», Ефима и Стешу. А этого ни подъ какимъ видомъ

дѣлать было нельзя. И Ника Баянъ, заранѣе возмущаясь неизбѣжною ложью, выступила впередъ.

— Мы были около сторожки Ефима, m-elle. Намъ надо было сторожа... — признесли покорно ея розовыя губки.

— Зачѣмъ? Чтобы послать его за какою-нибудь дрянью, въ родѣ чайной колбасы или дешевыхъ леденцовъ? — Съ новой презрительной улыбкой допытывалась Гандурина.

Легкое замѣшательство задержало отвѣтъ Ники. Отвѣчать, что онѣ, дѣйствительно, хотѣли послать за покупкой Ефима, конечно, было нельзя. Сторожамъ и дѣвушкамъ-прислугамъ было строго-на-строго запрещено ходить за сладкой провизіей и другими покупками для институтокъ. Все это должно было пріобрѣтаться при благосклонномъ участіи классныхъ дамъ, подъ ихъ неизмѣннымъ контролемъ. Каждый нарушившій это правило со стороны сторожа или прислуги неизбѣжно платился наказаніемъ или же вовсе лишался мѣста.

И, зная это прекрасно, Ника избрала совершенно иной планъ дѣйствія, болѣе сложный и утонченный, не грозившій никому, кромѣ ея самой... Вся раскраснѣвшаяся, съ потупленными глазами и дрожащими отъ смѣха губками, она сдѣлала шагъ впередъ.

— M-elle, — тихимъ, кроткимъ и печальнымъ голосомъ произнесла шалунья, — я... я... виновата во всемъ одна. Ефимъ не знаетъ даже, что я была здѣсь... И

моихъ подругъ я уговорила пойти со мною... Такой ранній часъ... Такъ темно и тихо... Такая жуткая мертвецкая... Мнѣ было страшно одной...

— Но зачѣмъ же вы пришли сюда? — чуть ли не взвизгнула Юлія Павловна, снѣдаемая любопытствомъ.

Ника замираетъ на мгновеніе въ молчаніи. Всѣ ждутъ ея отвѣта; больше всѣхъ инспектриса Гандурина. И вотъ съ дрогнувшихъ губокъ Ники срывается никѣмъ не предвидѣнный отвѣтъ:

— Я... я... хотѣла поговорить съ «нимъ».

— Что? Что вы сказали?

Пальцы Юліи Павловны остро впиваются въ руку дѣвушки. Ея глаза, прыгающіе отъ любопытства, какъ двѣ стрѣлы, пронзаютъ Нику. Если бы эти стрѣлы имѣли возможность убивать, то хорошенькая Ника Баянъ, навѣрное, уже лежала бы у ногъ инспектрисы, пронзенная ими на смерть. Но лицо самой Ники внезапно пріобрѣтаетъ ея обычное задорное веселое выраженіе.

— Ну, что-жъ такого, m-elle...—говоритъ она, тряхнувъ плечами — ну, что-жъ такого? Я хотѣла поговорить съ Ефимомъ...

О, этого еще не доставало! Институтки трясутся отъ усилія удержать смѣхъ. Лица ихъ красны, черты искажены... Гандурина до того растерялась отъ этого неожиданнаго признанія Ники, что положительно теряетъ даръ слова.

И только послѣ продолжительнаго молчанія, она поднимаетъ палецъ къ небу и торжественно говоритъ:

— Баянъ, я уважаю вашего отца и жалѣю его, потому что, воистину, горькое испытаніе имѣть такую дочь... Вы интересуетесь разговоромъ съ простымъ сторожемъ! Ужасъ! Ужасъ!.. Я не хочу наказывать васъ за это, Баянъ, такъ какъ вы были чистосердечны и покаялись мнѣ во всемъ откровенно, но... я требую, чтобы вы выбросили вашу дурь изъ головы, а для этой цѣли молились бы ночью. Молитесь, кладите по десяти поклоновъ утромъ и вечеромъ, читайте по двѣ главы Евангелія ежедневно, и, можетъ быть, Господь милосердный избавитъ васъ отъ навожденія и просвѣтитъ вашъ умъ... А затѣмъ я требую, я беру съ васъ честное слово, что вы не будете искать больше случая увидѣть Ефима и караулить его здѣсь. Вы должны дать мнѣ это слово, Баянъ, — торжественно заключила свою рѣчь инспектриса.

— Я даю вамъ его, m-elle. Я постараюсь исполнить все то, что вы говорите, и надѣюсь, что ваши совѣты спасутъ меня...—исполненнымъ смиренія и покорнымъ тономъ шепчетъ Баянъ.

Юлія Павловна растрогана и польщена. Обаяніе этой очаровательной дѣвушки-ребенка дѣйствуетъ и на нее. Никто еще съ нею не говорилъ такъ чистосердечно. И потомъ, не такъ уже, въ сущности, грѣшна эта дѣвочка съ поэтичной головкой, съ глазами, какъ двѣ да-

лекія небесныя звѣзды, что чувствуетъ потребность поговорить съ «постороннимъ» человѣкомъ. И костлявая рука инспектриссы протягивается къ юному свѣжему личику, а скрипучій голосъ бубнитъ протяжно:

— Вы дали мнѣ слово, и я вамъ вѣрю. Вы всегда держите ваше слово, Баянъ. А теперь ступайте всѣ въ залу на молитву и чтобы я васъ никогда не видала здѣсь.

Съ этими словами Гандурина исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, за колоннами нижней площадки, а семь юныхъ дѣвушекъ птицами взвились во второй этажъ по лѣстницѣ, дрожа и задыхаясь отъ смѣха.

— Вотъ такъ ловко придумала!

— Ай да Никушка! Ай да молодецъ!

— Умереть отъ хохота можно!

— Нѣтъ, вѣдь выдумать надо: хотѣла поговорить съ Ефимомъ!

— Ха, ха, ха!

Подруги хохочутъ неистово, не будучи въ силахъ сдерживать смѣхъ, но сама Ника грустна. Въ поэтично растрепанной головкѣ проносятся сбивчиво тревожныя мысли:

«Ложь, невольная хотя, но все-таки ложь. И бѣдный добрый Ефимъ точно явился посмѣшищемъ... И Ханжа тоже... Некрасиво это въ сущности, но что же дѣлать? Былъ единственный выходъ спасти троихъ людей, другого выбора не было, пришлось пойти на сдѣлку съ соб-

ственной совѣстью съ ея, Никинымъ, «рыцарствомъ», за которое ее такъ любитъ ея институтъ».

И успокоенная отчасти, она послѣдовала за подругами, бочкомъ проскользнувшими въ залъ, гдѣ уже собрались всѣ классы, въ ожиданіи общей молитвы.

ГЛАВА VII.

На дворѣ трещитъ декабрьскій морозецъ. Бѣлыя снѣжинки-мухи крутятся за окнами.

Одиннадцать часовъ утра. Въ классѣ выпускныхъ сидитъ учитель словесности, высокій некрасивый, съ худымъ болѣзненнымъ лицомъ и глубоко запавшими глазами. Его фамилія Осколкинъ, но есть и прозвище, какъ это водится въ институтѣ: за постоянное прибавленіе фразы «благодарю васъ» послѣ каждаго отвѣта, его такъ и прозвали институтки «Благодарю-васъ».

Онъ подробно и красочно объясняетъ воспитанницамъ значеніе Пушкина, разбираетъ повѣсти Бѣлкина, говоритъ о романахъ и поэмахъ великаго поэта. Мелькаютъ названія: «Арапъ Петра Великаго», «Капитанская дочка», «Полтава», «Цыгане», «Евгеній Онѣгинъ».

У окна за столикомъ, низко склонивъ голову съ близорукими глазами, сидитъ надъ изящной полоской

англійскихъ кружевъ вторая французская классная дама, Анна Мироновна Оль, прозванная институтками «Четырехмѣстной каретой». Анна Мироновна не въ мѣру полна, не въ мѣру мала и очень добродушна. Но прозвище «Четырехмѣстной кареты» она заслужила отнюдь не за свою толстенькую шарообразную фигуру; нѣтъ, это прозвище имѣло гораздо болѣе глубокій смыслъ. У добродушной и снисходительной, много спускающей съ рукъ институткамъ Анны Мироновны есть «пунктикъ»: она постоянно повторяетъ воспитанницамъ, что для каждой благовоспитанной дѣвушки необходимо соблюдать четыре правила, а именно: прилежаніе, любовь къ занятіямъ, вѣру въ успѣхъ и почтеніе къ педагогическому начальству. За это ее и прозвали «Четырехмѣстной каретой». Сейчасъ «Четырехмѣстная карета» такъ углубилась въ тщательное обметываніе кружковъ англійской прошивки, наметанной на длинную полосу батиста, что и не видитъ того, что происходитъ въ классѣ. А происходитъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное.

Передъ Никой Баянъ лежитъ тонко разрисованная красками художественная программа. Въ ней малиновымъ шрифтомъ по голубому полю значится:

„Музыкально-вокально-танцовальный вечеръ, имѣющій быть въ пользу бѣдной сиротки въ выпускномъ 1-мъ классѣ Н-скаго института“.

Затѣмъ слѣдовали нумера исполненія:

Арію Татьяны изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ исполнитъ госпожа Козельская.

Маршъ „Шествіе гномовъ“, изъ оперы „Кольцо Нибелунговъ“ Вагнера исполнятъ въ четыре руки госпожи Тольская и Сокольская

„Мечты королевы“, стихотвореніе Надсона, прочтетъ госпожа Браунъ.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“, стихотвореніе въ прозѣ Тургенева, продекламируетъ госпожа Веселовская.

Цыганскіе романсы подъ гитару исполнитъ госпожа Чернова.

И въ заключеніе „Танцы—фантази“ исполнитъ босоножка госпожа Ника Баянъ.

Программа обѣщала быть крайне интересной. Ее составили наканунѣ шесть заговорщицъ во главѣ съ Никой: Наташа Браунъ, «Золотая Рыбка», «Хризантема» и «Алеко» съ «Земфирой». Составили по необходимости: наступила зима, а у Глаши, то-есть у «Тайны», дочери института—ничего не было: ни теплаго платья, ни сапогъ, ни галошъ, ни пальто. А малютка рвалась на прогулку. Рѣшили сообща устроить вечеръ, первый платный вечеръ въ институтѣ, въ пользу бѣдной сиротки, якобы проживающей въ деревенской глуши.

Смѣлыя Никины мечты полетѣли далеко. Было условлено просить начальницу назначить день, дать залу, разрѣшить пригласить родныхъ, братьевъ, кузеновъ,

устроить послѣ вечера танцы. Ахъ, все это было такъ заманчиво и интересно! А главное, обѣщало извѣстную сумму денегъ въ пользу Глаши. Входные билеты были назначены по гривеннику. Сумма крохотная, въ сущности, доступная каждому; она бы не стѣснила никого, а для маленькой «Тайны» составила бы весьма и весьма многое.

Все это вихремъ проносится въ кудрявой головкѣ Ники, пока она съ сосредоточеннымъ видомъ беретъ въ руки карандашъ и самымъ тщательнымъ образомъ высчитываетъ, сколько можетъ принести денегъ этотъ вечеръ.

Вдругъ на крышку тируара (пюпитра, на институтскомъ языкѣ) падаетъ скомканная бумажка.

Ника вздрагиваетъ и оборачивается назадъ.

Съ послѣдней парты, приподнявшись надъ скамьею, ей киваетъ головой и машетъ руками возбужденная и красная, какъ макъ, Шарадзе.

— Читай скорѣе! Читай скорѣе!—говоритъ ея разгорѣвшійся взоръ.

Баянъ развертываетъ бумажку и читаетъ:

«У Тайны порвались чулки, я замѣтила. Нѣтъ также и зубной щетки. Когда нынче Золотая Рыбка понесетъ обѣдъ, пошли съ нею деньги Ефиму, хоть сколько-нибудь.

Дѣдушка Тайны Тамара Дуярова».

Едва успѣваетъ Ника дочитать послѣднюю фразу,

какъ худощавое лицо Осколкина обращается въ ея сторону.

— Госпожа Баянъ,—звучитъ его спокойный, всегда немного ироническій голосъ,—соблаговолите повторить то, о чемъ я только что говорилъ.

Ахъ!

Ника мучительно краснѣетъ. Менѣе всего любитъ она попадать въ смѣшное и глупое положеніе. Она слишкомъ горда и самолюбива и знаетъ себѣ цѣну, эта юная, щедро одаренная природой Ника.

— Я не слышала, извиняюсь, я была занята другимъ,—говоритъ она совсѣмъ откровенно и просто.

Но учитель, повидимому, далеко не удовлетворяется такимъ отвѣтомъ.

— Вы, госпожа Баянъ, такъ сказать, блистали своимъ отсутствіемъ,—иронизируетъ Осколкинъ,—и это непохвально: такая добросовѣстная ученица и вдругъ... Благодарю васъ,—неожиданно обрываетъ онъ самого себя и чертитъ что-то въ своей книжкѣ.

«Четырехмѣстная карета» волнуется. Отбрасываетъ изящную вышивку, и близорукіе глаза приковываются къ Никѣ.

— Будьте внимательны, Баянъ,—взываетъ она рѣзкимъ голосомъ и тономъ по-французски.

— Госпожа Теръ-Дуярова, не пожелаете ли вы исправить ошибку вашей предшественницы...—обращается къ Тамарѣ неумолимый Осколкинъ.

«У — у! Противный! Все высмотритъ, все замѣтитъ!» — волнуется Ника, проворно пряча злополучную программу вечера въ тируаръ.

Тамара еще менѣе «присутствовала» на урокѣ, нежели Ника. Вся малиновая, обливаясь потомъ, поднимается она со своего мѣста.

— Вы говорили... вы говорили про... про Пушкина... — выпучивъ глаза, выжимаетъ изъ себя она съ трудомъ.

— Совершенно вѣрно... Совершенно вѣрно, госпожа Дуярова, — продолжаетъ ея мучитель, — но о какомъ же изъ его произведеній я говорилъ сейчасъ?

Глаза Осколкина неумолимы. Этотъ худой, болѣзненнаго вида человѣкъ,—поэтъ и художникъ въ душѣ, какихъ мало. Онъ искренно любитъ свой предметъ и не прощаетъ невниманія къ великимъ классикамъ, которымъ свято поклоняется, какъ апостоламъ и носителямъ истиннаго искусства.

Заранѣе раздраженный предчувствіемъ нежелательнаго отвѣта, онъ недоброжелательно поглядываетъ на Тамару, и два красныя пятна ярко вспыхиваютъ у него на щекахъ.

— Ну-съ, госпожа Теръ-Дуярова, я жду...

Онъ ждетъ...

Бѣдная Тамара. Она мѣняется въ лицѣ со скоростью движенія секундной стрѣлки. Ахъ, скорѣе бы спасительный звонокъ! У ея сосѣдки, Ольги Галкиной, имѣ-

ются черные часики подъ пелеринкой. Глазами, полными безнадежности, несчастная Шарадзе какъ бы спрашиваетъ подругу:

— Сколько минутъ остается до звонка?

Понявъ эту богатую мимику, донна Севилья растопыриваетъ подъ партой пальцы обѣихъ рукъ.

Это значитъ: осталось еще десять минутъ.

Кончено! Все пропало!..

Шарадзе смотритъ на учителя, выпучивъ глаза; учитель—на Шарадзе.

«Суфлерши» работаютъ во всю. По заднимъ партамъ, подобно ропоту вечерняго прибоя, несется смутный шопотъ подсказки.

— «Капитанская дочка»... «Капитанская дочка»... Ну-же, Шарадзе, говори.

Что произошло съ бѣдняжкой Тамарой вслѣдъ за этимъ, она и сама долго послѣ этого не могла дать себѣ отчета. Вѣдь сколько разъ читала она «Капитанскую дочку», сочувствовала Гриневу, восторгалась смѣлостью его невѣсты Марьи Ивановны, и вдругъ... Самъ нечистый впутался, должно быть, въ это дѣло, но, вмѣсто тщательнаго подсказываемаго «суфлершами» названія «Капитанской дочки», изъ устъ растерявшейся Тамары вырвалось совсѣмъ неожиданно:

— «Генеральская дочка»...

Раздался дружный смѣхъ всего класса.

Убійственный, исполненный самаго недвусмыслен-

наго сожалѣнія взглядъ со стороны Осколкина наградилъ растерявшуюся до слезъ дѣвушку. За нимъ послѣдовали другіе, полные презрительной жалости взоры, затѣмъ короткое, но полное значенія «благодарю васъ», и въ клѣточкѣ класснаго журнала, противъ фамиліи Теръ-Дуяровой, водворилась жирная двойка.

— Я бы поставилъ вамъ значительно меньше, госпожа Теръ-Дуярова,—съиронизировалъ учитель,—но въ виду того, что вы повысили на цѣлые три чина безсмертную «Капитанскую дочку», рука не осмѣлилась поставить вамъ ноль...

— О, несносный, онъ еще смѣется...—чуть не плача, прошептала Тамара.—Да чѣмъ же я виновата, что такъ не кстати подвернулся языкъ? Не воображаетъ ли онъ и на самомъ дѣлѣ, что я не знаю «Капитанской дочки»?

Осколкинъ былъ смущенъ не менѣе дѣвушки: такой отвѣтъ въ первомъ выпускномъ классѣ! Онъ долго не можетъ успокоиться. Его вознаграждаетъ отчасти красивая декламація Черновой, сильнымъ грудным голосомъ скандирующей прекрасныя выразительныя строки «Полтавы»:

«Богатъ и славенъ Кочубей,
Его поля необозримы...

Звонокъ къ окончанію класса оглушительно звонитъ въ коридорѣ. «Благодарю васъ» наскоро расписывается въ классномъ журналѣ, кланяется присѣвшимъ ему въ

одномъ общемъ поклонѣ институткамъ и быстро исчезаетъ изъ класса.

— Въ пары! Въ пары!—высокимъ тонкимъ голосомъ, совсѣмъ не подходящимъ къ ея полной комплекціи, взываетъ m-lle Оль.

Воспитанницы становятся въ пары. Всѣ болѣе или менѣе оживлены. Наступилъ часъ обѣда, съ нетерпѣніемъ ожидавшійся проголодавшимися институтками.

За послѣднимъ столомъ выпускного класса особенно оживленно. Здѣсь строятъ планы предстоящаго вечера. Выбираютъ депутацію, кому идти къ начальницѣ просить разрѣшенія на устройство вечера.

— Ты пойдешь. Ты должна идти, Никушка. Ты ея любимица. Для тебя она сдѣлаетъ все,—безапелляціонно рѣшаетъ «донна Севилья».

Наташа Браунъ, «Хризантема» и Шарадзе поддерживаютъ Ольгу. По лицу Ники скользитъ довольная улыбка, она знаетъ симпатію къ ней начальницы и сама платитъ самой горячей и неподкупной привязанностью «maman», какъ называютъ Марію Александровну Вайновскую, начальницу Н-скаго института, ея питомицы.

Ну, да, конечно, она пойдетъ къ «генеральшѣ», чтобы лишній разъ увидѣть эту высокую, стройную фигуру, это прекрасное, полное задушевности, лицо и эти глаза, строгіе и ласковые въ одно и то же время. Пойдетъ и прихватитъ съ собою энергичнаго черненъ-

каго «Алеко», Мари Веселовскую, какъ «образцовую», и еще кого-нибудь.

— Сегодня же пойдемъ, въ большую перемѣну, — рѣшаютъ дѣвушки.

— Mesdames, что за гадость! Ѣсть невозможно! — и стеклянный голосъ «Золотой Рыбки» звучитъ плохо скрытымъ отвращеніемъ съ дальняго конца стола.

— Хризантема! Муська! Разбойница ты этакая! Что ты дала мнѣ въ лимонадной бутылкѣ?

Лида Тольская, только что энергично дѣйствовавшая подъ столомъ надъ переливаніемъ супа изъ своей тарелки въ бутылку отъ лимонада, которую должна была вмѣстѣ со вторымъ и третьимъ блюдомъ отнести послѣ обѣда въ каморку «Бисмарка» для «Тайны», дѣлаетъ отчаянное лицо. Она только что попробовала содержимое бутылки, отливъ его немного на ложку, и теперь ее начинаетъ мутить отъ отвратительной приторно-соленой жидкости.

«Хризантема» смущается. У нея совсѣмъ испуганное и растроенное лицо.

— Что такое? Я ничего не понимаю. Ты просила дать бутылку съ лимонадомъ; я и дала... Оставила тебѣ половину. Хотѣла подѣлиться съ тобой... У меня со вчерашняго пріема сохранена. А ты туда супу налила? Несчастная!

— Ахъ, Боже мой! Такъ вотъ почему такая гадость!

— Супъ съ лимонадомъ! Недурное сочетаніе! Ха, ха, ха! Бѣдная Тайна! Хорошенькимъ супцемъ ее намѣревались угостить.

«Шарадзе», «донна Севилья», Ника и «Алеко» неудержимо хохочутъ.

Теперь наступаетъ очередь «Золотой Рыбкѣ» смущаться и краснѣть. Но Лида Тольская не такова, чтобы легко смущаться.

— Ха, ха, ха! Непростительная разсѣянность, — звенитъ смѣхомъ ея стеклянный голосокъ.

И тутъ же подъ сурдинку она продолжаетъ свою работу подъ столомъ. Опорожнивъ бутылку, она снова наполняетъ ее супомъ, уже безъ примѣси лимонада на этотъ разъ.

За вторымъ блюдомъ Ника Баянъ великодушно отказывается отъ своей порціи антрекота въ пользу «Тайны», и жирный кусокъ говядины, положенный между двумя ломтиками хлѣба, исчезаетъ между страницами задачника Малинина и Буренина при ближайшемъ и благосклонномъ участіи той же «Золотой Рыбки».

Съ третьимъ, сладкимъ блюдомъ, исторія выходитъ много сложнѣе. На третье блюдо подаютъ бламанже. Ознакомившись съ меню обѣда еще по-утру, «Золотая Рыбка» захватила изъ класса кружку для питья, которая могла съ успѣхомъ помѣститься въ глубокомъ институтскомъ карманѣ. Въ нее-то и перекладывается съ тарелки бламанже.

— Ну, вотъ... У нашей Тайночки будетъ нынче прекрасный обѣдъ,—со вздохомъ облегченія вырывается изъ груди Лиды Тольской.

— Только, ради Бога, не попадись Ханжѣ. Она всегда по нижнему коридору въ большую перемѣну странствуетъ...—предупреждаютъ Лиду подруги.

— Ну, вотъ еще! Да что я о двухъ головахъ, что ли?

— Mesdam'очки, новая шарада, слушайте, — стуча вилкой по столу, возвышаетъ голосъ Тамара,—что это: пять братьевъ разныхъ возрастовъ, ходятъ почти всегда голые, но въ шляпахъ и всегда вмѣстѣ. А если одѣты, то въ одно платье. Любятъ все трогать.

— Знаю, знаю: пальцы, — хохочетъ «Хризантема».

— А ты зачѣмъ говоришь? Ты знаешь; другая не знаетъ. Всю обѣдню испортила.

Тамара искренно злится. Она не любитъ, когда отгадываетъ кто-нибудь ея шарады и загадки. А когда злится Тамара, то незамѣтно начинаетъ говорить съ акцентомъ. Слово «обѣдню» она произноситъ «обэдну». И это выходитъ забавно и смѣшно. Институтки смѣются на этотъ разъ не сдержанно и громко.

Близорукіе глаза «Четырехмѣстной кареты» замѣчаютъ чрезвычайное оживленіе, господствующее за послѣднимъ столомъ. Насторожившееся ухо слышитъ веселые взрывы смѣха. M-elle безпокоится и, вставъ изъ-за стола, направляется туда.

— Mesdames, тише. «Карета» катится. Тссс!

Слава Богу, конецъ обѣда: звонокъ къ молитвѣ.

Съ бутылкой изъ-подъ лимонада и съ кружечкой бламанже въ карманѣ, съ задачникомъ Малинина и Буренина, чудесно укрывшимъ въ себѣ завернутый въ бумагу антрекотъ, «Золотая Рыбка» бочкомъ, между столами, прокрадывается къ выходу, пока весь институтъ стоитъ на молитвѣ. Вотъ она уже почти достигла двери... Вотъ незамѣтно очутилась возлѣ нея.

— Ахъ!

Передъ испуганной дѣвушкой, словно изъ-подъ земли, вырастаетъ инспектриса.

— Куда?

«Золотая Рыбка» блѣднѣетъ. Задачникъ падаетъ у нея изъ рукъ на полъ и—о, ужасъ,—раскрывается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ обернутый въ жирную просаленную бумагу злополучный антрекотъ.

— Боже мой! Все пропало!—въ искреннемъ отчаяніи лепечетъ бѣдная Лида.

Маленькіе глазки «Ханжи» остро впиваются въ поблѣднѣвшее личико молоденькой дѣвушки.

— Это еще что за новости? Куда вы несли этотъ ужасъ?..

— Это... это... не ужасъ... Это антрекотъ... Я не могла съѣсть его за обѣдомъ...—лепечетъ Тольская,—я оставила «на послѣ», у меня нѣтъ аппетита въ двѣнадцать часовъ, онъ появляется къ двумъ...

— Кто появляется къ двумъ?—сурово сдвигая брови, спрашиваетъ инспектриса.

— Аппетитъ... —покорно и жалобно срывается у «Золотой Рыбки».

Кругомъ не въ силахъ удержать смѣха. Одноклассницы и «чужестранки», воспитанницы другихъ классовъ, толпятся кругомъ. Напрасно классныя дамы выходятъ изъ себя, силясь удержать на мѣстѣ институтокъ, ихъ такъ и тянетъ къ своеобразной группѣ у дверей.

Окинувъ своимъ всевидящимъ окомъ тщедушную, хрупкую фигуру «Золотой Рыбки», Гандурина замѣчаетъ странно оттопырившійся Лидинъ карманъ... Еще минута, и костлявые пальцы инспектрисы протягиваются къ нему.

— Это еще что такое? Бутылка? Вы спрятали вино? Пиво? Что? —и она съ торжествующимъ смѣшкомъ злорадства извлекаетъ изъ кармана Тольской злосчастную бутылку съ бульономъ.

Въ первое мгновенье инспектриса молчитъ, пораженная сюрпризомъ, но чрезъ минуту обрѣтаетъ даръ слова и разражается цѣлой тирадой.

— Такъ и есть—желтый цвѣтъ—вино! И какъ тонко придумано: слить его въ бутылку отъ лимонада. Нечего сказать, хорошъ примѣръ для остальныхъ! Молодая дѣвица, «выпивающая» за обѣдомъ, какъ кучеръ или кухонный мужикъ!... Мнѣ жаль вашихъ родителей,

Тольская. Вы окончательно погибли. Надо много молитвы, много раскаянія, чтобы Господь, Отецъ нашъ Небесный...

— Ахъ, Господи, — истерически вскрикиваетъ Лида и, не выдержавъ, закрываетъ руками лицо и разражается громкимъ рыданьемъ,—зачѣмъ раскаяніе, когда... когда это не вино... а супъ... бульонъ, самый обыкновенный бульонъ...

— Супъ? Бульонъ, вы говорите? А это что? — И быстрые пальцы инспектрисы снова погружаются на дно Лидинаго кармана.—А это что? — Ахъ! — Въ тотъ же мигъ Гандурина отдергиваетъ пальцы, и все лицо ея выражаетъ послѣднюю степень брезгливости и отвращенія. Рука ея попала въ холодную, студенистую, подвижную массу бламанже, находившагося на днѣ Лидиной кружки, и она приняла эту массу за лягушку.

Слезы Тольской стихаютъ мгновенно. Злорадная улыбка искажаетъ миловидное личико.

— Не трогайте, m-elle, — проситъ она, глядя на строгое лицо инспектрисы.

— Ля-гу-ш-ка!

Это ужъ черезчуръ. Чаша терпѣнія переполнилась сразу. Юлія Павловна вся такъ и закипаетъ негодованіемъ.

— M-elle Оль, — зоветъ Гандурина классную даму перваго класса, — полюбуйтесь на этотъ экземплярчикъ,

на вашу милѣйшую воспитанницу. Не угодно ли взглянуть на нее... И это называется—барышня! Выпускная институтка! Благовоспитанная дѣвица! Пьетъ вино за обѣдомъ, прячетъ въ карманъ лягушку!.. Ступайте, въ наказанье, впереди класса. Вы наказаны... Какой стыдъ! Вы, большая, заслуживаете наказанія, какъ какая-нибудь седьмушка. Стыдъ и позоръ!..

И слегка подтолкнувъ впередъ Лиду, возмущенная Гандурина, брезгливо поджимая губы, двумя пальцами беретъ въ одну руку задачникъ съ антрекотомъ, все еще благополучно находящимся среди его страницъ, въ другую—бутылку съ супомъ и торжественно, какъ трофеи побѣды, несетъ ихъ къ ближайшему столу.

— Все будетъ передано maman,—шипитъ она, сопровождая слова свои убійственнымъ взглядомъ.

— Что такое? Что у васъ въ карманѣ?—волнуясь, сильно побагровѣвъ пристаетъ къ «Золотой Рыбкѣ» добродушная Анна Мироновна.

— Ахъ, оставьте меня. Изъ-за васъ всѣхъ Таїна осталась безъ обѣда,—снова разражается истерическимъ плачемъ бѣдняжка Тольская.

— Но откуда у васъ лягушка въ карманѣ?—не унимается «Четырехмѣстная карета».

— Какая лягушка—крокодилъ! Нильскій крокодилъ у меня въ карманѣ!—рвется громкій истерическій вопль изъ груди маленькой дѣвушки, и она плачетъ еще несдержаннѣе еще громче.

Задачникъ падаетъ у нея изъ рукъ на полъ...

Теперь уже никто не смѣется. Всѣ испуганы и поражены... Всегда сдержанная, скупая на слезы, веселая, здоровенькая Лида Тольская рыдаетъ неудержимо. Кругомъ нея волнуются, суетятся, утѣшаютъ. M-elle Оль, взволнованная не менѣе самой Лиды, мечется, щуря свои близорукіе глаза, требуетъ воды, капель...

Валерьянка, Валя Балкашина, извлекаетъ изъ кармана разбавленный водою бромъ, имѣющійся у нея всегда наготовѣ, и англійскую соль.

— Вотъ, возьми, Лида, прими... нюхай...—шепчетъ она взволнованно.

— Душка, не обращай вниманія на Ханжу,—шепчетъ съ другой стороны «Хризантема», вѣрная подруга «Золотой Рыбки», Муся Сокольская.

— Ангелъ! Дуся! Мученица! Святая!...—лепечутъ седьмушки и шестушки, обожательницы Лиды, пробираясь мимо столовъ «первыхъ» къ выходу изъ столовой. Съ восторгомъ и сочувствіемъ смотрятъ онѣ на Лиду, съ ненавистью и затаенной злобой—на инспектрису.

— Перестань плакать, Лида,—неожиданно звучитъ низкій грудной голосъ «Алеко»—Черновой. И смуглая сильная рука дѣвушки ложится на плечо трепещущей въ слезахъ «Золотой Рыбки». — Право же, не стоитъ тратить слезы по такимъ пустякамъ. Мало ли, сколько большого серьезнаго горя ожидаетъ всѣхъ насъ въ жизни. А мы заранѣе, убиваясь по мелочамъ, тратимъ

богатый запасъ силъ души. Перестань же, не стоитъ, Лида, право не стоитъ... Надо умѣть побѣждать себя. Надо умѣть хранить душевныя силы для будущей борьбы...

Что-то убѣдительное, искреннее звучитъ въ голосѣ энергичной дѣвушки. Что-то такое, что невольно передается рыдающей Тольской и словно гипнотизируетъ ее. Слезы Лиды прекращаются, рыданія переходятъ въ тихія, рѣдкія всхлипыванія.

— Да... да... я сама знаю... Глупо, что реву, какъ дѣвчонка...—лепечетъ она.

— Успокоились?—язвительно вопрошаетъ «Ханжа», снова приближаясь къ дѣвушкѣ.—Истерика вышла неудачно... Напрасно старались. У воспитанной барышни не можетъ быть и не должно быть никакихъ истерикъ. Жалѣя maman, а не васъ, конечно, я ничего не передамъ ей на этотъ разъ, но... въ слѣдующее воскресенье въ наказаніе за всѣ ваши дерзкія выходки вы останетесь безъ пріема родныхъ, — замѣчаетъ Гандурина и, наградивъ Тольскую негодующимъ взглядомъ, исчезаетъ изъ столовой.

Общій вздохъ облегченія вырывается у всѣхъ тридцати пяти дѣвушекъ. Даже Анна Мироновна Оль облегченно вздыхаетъ. Она снисходительна и мягка къ своимъ юнымъ воспитанницамъ и, гдѣ можетъ, «покрываетъ» ихъ, и съ инспектрисой у нея, вслѣдствіе этого, «хроническіе» нелады.

Между тѣмъ выпускныя поднимаются въ классы. Капочка Малиновская шепчетъ по дорогѣ, шедшей съ нею въ парѣ и все еще продолжавшей всхлипывать, какъ не утѣшившійся послѣ перенесеннаго наказанія ребенокъ, Тольской:

— А все это потому произошло, что даромъ Божіимъ пренебрегаешь... Хлѣбъ, пищу Господню, въ учебники суешь кое-какъ... Грѣхъ это... Взыщется за все... ересь... Вотъ и...

— Ахъ, молчи, пожалуйста! И безъ тебя тошно.

Дѣйствительно тошно... И не одной Лидѣ Тольской, но и всѣмъ остальнымъ. Благодаря не удавшейся экскурсіи «Золотой Рыбки» въ сторожку Ефима, маленькая «Тайна» осталась безъ обѣда. Неужели же ей придется довольствоваться сегодня жидкими невкусными щами и кашей, которыя получаетъ изъ казенной кухни Ефимъ? Вѣдь маленькая «Тайна» не привыкла къ такой грубой пищѣ. Ежедневно ей носили обѣдъ съ институтскаго стола. Бѣдняжка, она, навѣрное, голодна сейчасъ, ей хочется кушать, она ждетъ своей обычной обѣденной порціи. Что имъ дѣлать теперь? Какъ помочь малюткѣ?

Всѣ эти мысли волнуютъ не одну впечатлительную дѣвичью головку: онѣ не даютъ покоя никому изъ выпускныхъ. Все остальное отошло на второй планъ.

Депутація къ начальницѣ не состоялась: ее отложили до болѣе благополучнаго случая. Всѣ грустны и встревожены. Всѣ ждутъ исхода и не находятъ его.

ГЛАВА VIII.

Т—а и—та объѣлась. У Т—а и—ты заболѣлъ животикъ. Бисмаркъ просилъ кого-нибудь придти къ нему...»

Эту лаконическую записку, нацарапанную карандашомъ, принесла лазаретная дѣвушка Даша, случайно встрѣтившая Ольгу Галкину въ коридорѣ, и вручила ее Никѣ Баянъ.

Былъ вечеръ. Воспитанницы готовили уроки къ слѣдующему дню.

— Mesdames,—встревоженная полученнымъ извѣстіемъ, крикнула, вбѣгая на каѳедру, Ника,—mesdames, нужно кому-нибудь идти въ сторожку. Т—а и—та больна. Вотъ записка.

— Т—а и—та? Кто это такой?—спросила Балкашина.

— Неужели не догадываетесь,—сердито отвѣтила Ника...

— А! Т—а, это—Тайна, а и—та—это института!—хлопая въ ладоши воскликнула Шарадзе, довольная своей находчивостью.—Значитъ, это наша Тайна больна?

— Да, да, да! И Севилья изъ предосторожности написала «Т—а и—та», чтобы никто не догадался... Тайна больна,—продолжала Ника.—Надо ее сейчасъ навѣстить... Мы пойдемъ къ ней на этотъ разъ только двое: я и Валя Балкашина. Она кое-что смыслитъ въ лѣченьѣ. Такъ будетъ безопаснѣе. Да и двое мы не потревожимъ малютку. Ахъ, подумать страшно, чѣмъ и какъ она больна. Пойдемъ скорѣе къ ней, Валя!

Худенькая дѣвушка безсильно киваетъ головой, потомъ, приподнявъ крышку пюпитра, долго копошится у себя въ ящикѣ. Слышится звонъ склянокъ... Бульканье капель, какой-то шорохъ...

— Ну что, Валерьяночка, идемъ?

— Конечно, Ника, конечно...

— Только возвращайтесь скорѣе, mesdames. Не мучайте,—слышатся вокругъ нихъ взволнованные голоса остальныхъ воспитанницъ.—А то мы тутъ, Богъ знаетъ, что будемъ думать о болѣзни Тайны. Мучиться, волноваться.

— Да поцѣлуйте ее отъ тети!

— Отъ дѣдушки!

— Отъ мамы!

— Отъ тети!

— И отъ меня!

— И отъ меня!

— Ото всѣхъ, ото всѣхъ поцѣлуемъ, не безпокойтесь,—спѣшатъ Ника и Валя завѣрить въ одинъ голосъ подругъ.

— Отъ меня увольте, пожалуйста, не надо,—брезгливо тянетъ Лулу Савикова.

— Ахъ, пожалуйста, не трудись. Очень нужны Тайночкѣ твои препротивные поцѣлуи!..—неожиданно вспыхиваетъ Баянъ.

— Какое выраженіе. Fi donc! Стыдитесь, Баянъ,—жеманно поджимая губки, цѣдитъ Лулу, и все ея худенькое продолговатое лицо изображаетъ пренебреженіе и брезгливость.

— Ну, ужъ молчите, м-elle Комильфо, не до выраженій тутъ, когда Тайночка больна,—сердится пылкая Шарадзе.

— Какое мнѣ дѣло до нея...—пожимаетъ снова Лулу плечами.

— Конечно, тебѣ нѣтъ дѣла до Тайны... Ты ея мачеха, ты ее не любишь нисколько...—горячится «Золотая Рыбка», и глаза ея загораются и сверкаютъ, какъ угольки.—И за это тебя ненавижу, да, ненавижу,—прибавляетъ она совсѣмъ уже сердито.

— Какая у васъ грубая манера, Тольская,—презрительно бросаетъ Лулу.

— Зато есть сердце,—вступается за подругу «Хризантема»,—а у тебя, вмѣсто сердца, кусокъ приличія и больше ничего.

— Да не ссорьтесь вы, mesdam'очки! Брань и ссоры—ересь и грѣхъ, противные Богу,—стонетъ со страдальческимъ лицомъ Капа Малиновская.

— Mesdames, довольно. Мы идемъ.

И Ника Баянъ съ Валей Балкашиной, взявшись подъ руку, исчезаютъ изъ класса.

Въ среднемъ классномъ коридорѣ все тихо и пустынно въ этотъ вечерній часъ. Двери всѣхъ отдѣленій закрыты плотно. Институтки всѣхъ классовъ погружены въ приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню. Только за колоннами на площадкѣ лѣстницы, у перилъ, мелькаетъ какая-то сѣрая фигура.

— Это Стеша... Бѣжимъ къ ней... Отъ нея узнаемъ все. Очевидно, она насъ здѣсь поджидала,—срывается съ губъ Баянъ, и она стрѣлою мчится на лѣстницу.

— Стеша! Милая! Голубушка! Что съ Тайночкой? Говорите, говорите скорѣе, не мучьте...—лепечутъ чрезъ минуту, перебивая одна другую, Ника и Валя.

Глаза у Стеши заплаканы. Кончикъ вздернутаго носа покраснѣлъ и распухъ отъ слезъ.

— Барышни... Милыя барышни... Мамзель Баянъ... Мамзель Балкашина... Несчастье съ Глашуткой нашей... Ужъ такое несчастье!.. Ужъ какъ и сказать, не знаю!..—всхлипнула Стеша, утирая передникомъ лицо.

— Ну же! Ну! Какое несчастье? Говорите скорѣе.

— Отравилась Глашутка наша,—чуть слышно лепечетъ Стеша.

— Отравилась! Господи! Что еще! Какимъ образомъ?

Но Стеша молчитъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова, и только тихо, жалобно плачетъ.

Ника Баянъ съ выраженіемъ ужаса смотритъ на Валю. А у той разлились зрачки, и глаза округлились съ испуга.

— Господи! Отравилась! Этого еще недоставало? Скорѣе, скорѣе къ ней!

Снова схватились за руки и мчатся по лѣстницѣ внизъ. И кажется, теперь никакая сила не сможетъ ихъ остановить.

Уже за нѣсколько саженей до сторожки дѣвушки поражены тихими, жалобными стонами, несущимися оттуда.

Не теряя ни минуты, онѣ мчатся къ сторожкѣ.

— Отворите, Ефимъ, это мы! Отворите!—стучитъ Баянъ у двери въ каморку.

Въ тотъ же мигъ поворачивается ключъ въ замкѣ, щелкаетъ задвижка, и дѣвушки входятъ въ каморку.

Ихъ встрѣчаетъ испуганный, взволнованный Ефимъ. Очки сползли у него на кончикъ носа. Старые близорукіе глаза бѣгаютъ изъ стороны въ сторону.

— Голубчикъ Бисмаркъ, что случилось?

— Да плохо, барышни. Дюже плохо... Думаю ее къ ночи въ больницу везти... Какъ поулягутся всѣ, проскочимъ какъ-нибудь заднимъ ходомъ,—говоритъ онъ тихимъ убитымъ голосомъ.

— Въ больницу? Ни за что!

Этотъ крикъ вырывается такъ непроизвольно и громко изъ груди Баянъ, что и старикъ Ефимъ и Валя Балкашина шикаютъ и машутъ руками.

— А какъ же быть-то иначе? А коли помретъ Глашутка-то? Куды я съ мертвымъ-то тѣломъ дѣнусь?— снова глухо произноситъ Ефимъ.

Жестомъ отчаянія отвѣчаетъ ему Ника и проходитъ за ситцевую занавѣску. Тамъ, раскидавшись на постели, въ жару мечется Глаша. Глаза ея странно блестятъ. Личико вытянулось и заострилось за нѣсколько часовъ страданій. Ручонки судорожно дрожатъ, конвульсивными движеніями пощипывая край одѣяла.

Съ невыразимой нѣжностью склоняется надъ пышущимъ жаромъ личикомъ Ника Баянъ.

— Дѣтка моя... Тайночка милая. Ты узнаешь свою бабушку Нику?

Глаза Глаши широко раскрыты. Запекшіяся губки тоже... Изъ тяжело дышащей груди вырываются звуки, похожіе на свистъ. Она какъ будто видитъ и не видитъ склоненное надъ нею съ трогательной заботой юное личико.

А Ефимъ говоритъ въ это время Валѣ:

— Ужъ такая напасть, такой грѣхъ, не приведи Господи. Взялъ я это газету послѣ обѣда... Дай, почитаю, думаю... Что тамъ у сербовъ дѣлается, да что господинъ король Фердинандъ у братушекъ нашихъ болгаръ. Опять же императоръ Вильгельмъ заинтересовалъ меня своей политикой... А эта проказница, прости Господи, банку-то, что ей нынче съ помадою барышня Лихачева подарила, утащила за занавѣску, помаду-то всю выцарапала изъ банки, на булку намазала, ровно масло какое, да и съѣла... Ну, какъ тутъ не отравиться да не помереть... Часа не прошло, какъ начались колики да рвота. Плачетъ, стонетъ, мечется, того и гляди, весь институтъ переполошитъ. Ужъ я и такъ и этакъ... Понятно, въ толкъ не беретъ. Куда ей бѣдняжкѣ...

— Господи! Господи!—вздыхаетъ съ отчаяніемъ Валя.—Какъ страдаетъ бѣдняжка Тайна!.. Постараюсь, хоть какъ-нибудь, успокоить ее...—и, проворно вынимая изъ кармана пузырекъ съ каплями, Валя требуетъ воды и рюмку и, отсчитавъ ровно десять капель, подноситъ рюмку къ запекшемуся ротику Глаши.

Но той не проглотить лѣкарства. Она закидываетъ голову назадъ. Бѣлая пѣна выступаетъ у дѣвочки на губахъ. Изъ маленькой грудки вырывается хрипъ.

— Она умираетъ!—съ ужасомъ шепчетъ Ника.

— Эхъ, барышни, говорю я: въ больницу ее надоть... Не то и себя и меня, старика, погубите.

И сѣдѣющая, остриженная коротко по-солдатски голова Ефима съ сокрушеніемъ покачивается изъ стороны въ сторону.

Всѣ трое стоятъ безмолвно и смотрятъ въ измѣнившееся личико больной. Первая приходитъ въ себя Ника.

— Навѣрное, все произошло оттого, что она проголодалась... Мы виноваты во всемъ, мы не сумѣли доставить ей нынче обѣдъ. И она... она набросилась съ голоду на эту гадость—помаду...—съ большимъ трудомъ произноситъ, волнуясь, Ника.

—Ну, ужъ неправду изволите говорить, барышня, сыта она у меня завсегда бываетъ...—вступается Ефимъ.—И щи, и кашу вмѣстѣ хлебаемъ. Ужъ такая, стало быть, проказница она: что ни увидитъ, все въ ротъ тащитъ, не догляди только.

Глухой стонъ срывается съ запекшихся губокъ больной. Обѣ дѣвушки кидаются къ Глашѣ и склоняются надъ ней.

— Тайночка... милая Тайночка, тебѣ очень больно, да?

Въ отвѣтъ звучитъ новый стонъ, и конвульсивныя движенія крохотныхъ ножекъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о непосильныхъ страданіяхъ ребенка.

— Въ больницу бы...—снова робко заикнулся Ефимъ.

— Нѣтъ!—рѣзко и властно срывается съ устъ

Ники.—Не пущу я Тайночку нашу ни за что въ больницу. А доктора привести сюда надо, непремѣнно сюда,—неожиданно прибавляетъ она.

— Да какъ же его достать-то?

— Я ужъ знаю, какъ. Нашла выходъ. Слава Богу!

Лицо Ники внезапно принимаетъ выраженіе рѣшимости. Замѣтная черточка намѣчается между бровей.

— Валя, останься здѣсь и жди моего возвращенія. Ручаюсь, что черезъ часъ здѣсь будетъ докторъ и спасетъ нашу крошку,—обращается она увѣреннымъ тономъ къ Балкашиной и, бросивъ тревожный взглядъ на больную малютку, выскальзываетъ за дверь быстро и неслышно...

* * *

Теперь Ника быстро шагаетъ съ опущенной на грудь головою по нижнему коридору, поднимается во второй этажъ, вступаетъ въ классный коридоръ, минуетъ стеклянную дверь своего выпускного класса и останавливается у порога второго.

За стеклянной дверью усиленно занимаются ихъ сосѣдки второклассницы. Никѣ видны отлично поэтичное, полное таинственнаго обаянія личико княжны Зари Ратмировой и смуглое лицо красавицы грузинки Мары Нушидзе. Онѣ обѣ склонились надъ однимъ учебникомъ и не видятъ стоящей у дверей Ники... Но и она

не смотритъ на нихъ. Ея глаза прикованы къ каѳедрѣ. За нею, положивъ локти на столъ и склонивъ надъ книгой голову, сидитъ молодая еще дѣвушка, лѣтъ 28-ми, въ синемъ форменномъ платьѣ, какія обыкновенно носятъ классныя дамы. Это—«Спартанка», классная дама второго класса, здоровая, прямая, честная натура, съ добрымъ отзывчивымъ сердцемъ, нормально строгая, всею душою любящая свое дѣло, дѣло преподаванія и воспитанія, и, еще болѣе него, своихъ воспитанницъ. Ника, какъ и весь институтъ, безгранично любитъ эту милую Зою Львовну и вѣритъ ей и въ нее.

И сейчасъ, пораженная болѣзнью «Тайны», дѣвушка всей душой тянется къ доброй «Спартанкѣ». Такъ называютъ Зою Львовну за ея простой образъ жизни, ровное настроеніе и вѣчную бодрость. Ника знаетъ, инстинктивно чувствуетъ, что только, одна она, эта самая «Спартанка», можетъ спасти ихъ Глашу. И ея глаза, исполненные смутной тревоги, стараются обратить на себя взглядъ классной дамы.

Послѣдняя замѣчаетъ, наконецъ, Нику у дверей, быстро встаетъ, сходитъ съ каѳедры и идетъ къ ней.

— Ника Баянъ, что съ вами? Вы такъ блѣдны.

Голосъ «Спартанки» полонъ тревоги. Смертельно блѣдное личико всеобщей любимицы института безпокоитъ ее. Ника бываетъ такъ рѣдко встревоженной и несчастной; ея удѣлъ—смѣхъ и радость, и это знаетъ весь институтъ.

Вмѣсто отвѣта Баянъ хватаетъ руку Зои Львовны и увлекаетъ ее подальше отъ дверей класса, въ темноту лѣстничной площадки. Здѣсь она останавливается и внезапно быстрымъ и легкимъ движеніемъ опускается на колѣни передъ своей спутницей.

— Милая Зоя Львовна, ангелъ нашъ! Спасите жизнь одной маленькой дѣвочкѣ... Она умираетъ...— рвутся заглушенные въ шопотѣ звуки встревоженнаго юнаго голоска.

— Ника! Голубчикъ! Да встаньте же! Встаньте, что съ вами?—невольно волнуется и сама Зоя Львовна.

— Не встану, пока вы не дадите мнѣ честное слово, что не скажете никому того, что сейчасъ услышите отъ меня,—смѣло и твердо продолжаетъ первоклассница.

— Если это не вредное, не гадкое что-нибудь, то даю вамъ честное слово—не скажу.

— Зоя Львовна, могу я сдѣлать что-нибудь вредное и гадкое?—быстро поднимаясь съ колѣнъ, спрашиваетъ Ника.

Молодая наставница Зоя Львовна смотритъ съ минуту пристально въ честные глаза Ники и на вопросъ послѣдней, можетъ ли она сдѣлать что-нибудь дурное, твердо отвѣчаетъ.

— Нѣтъ.

— Благодарю васъ,—тихо роняетъ Ника. Я—ненавижу ложь больше всего на свѣтѣ. А пришлось бы

вамъ сказать неправду, если бы я услышала отъ васъ другія слова.

И тутъ же, держа обѣ руки Зои Львовны въ своихъ, она скоро, коротко разсказала ей всю исторію «Таїны»-Глаши, съ самаго дня водворенія ея въ гостепріимной сторожкѣ до послѣдняго рокового случая со съѣденной нынче «отравой».

Едва давъ докончить Никѣ исповѣдь, Зоя Львовна заговорила, волнуясь:

— Бѣдная дѣвочка! Несчастная малютка! Теперь я понимаю, почему вы обратились ко мнѣ. Вы вспомнили, что у меня есть братъ-докторъ, отзывчивый, чуткій, который прилетитъ по первому моему зову сюда. Вы не ошиблись, дорогое дитя, Митя пріѣдетъ тотчасъ же... Но если онъ найдетъ необходимымъ перевести дѣвочку въ больницу, вы должны будете уступить...

— Конечно...—роняетъ глухимъ голосомъ Ника. Только пригласите его поскорѣе, ради Господа Бога...

— А теперь, разъ вы посвятили меня въ вашу тайну и пріобщили къ числу заговорщиковъ, то ведите меня къ вашей больной пріемной дочкѣ. Тамъ я напишу письмо брату, которое и пошлю съ Ефимомъ,— со скрытой улыбкой, всѣми силами стараясь сохранить спокойствіе, произнесла Зоя Львовна.

* * *

О, какой мучительный, полный тревоги, часъ ожиданій! Стоны и судороги Глаши, хрипъ и бредъ дѣвочки то и дѣло заставляли вздрагивать юныхъ дѣвушекъ, въ молчаливой тоскѣ ожиданія замершихъ у ея постели. Согрѣвающій компрессъ, положенный на маленькій, истерзанный страданіемъ животикъ, ничуть не помогъ больной. Не помогли и успокоительныя капли, которыя вливала ей въ ротикъ чрезъ каждыя четверть часа Валя.

Ефимъ, испуганный было неожиданнымъ появленіемъ въ его сторожкѣ классной дамы, сразу успокоился послѣ перваго же слова Зои Львовны и помчался за докторомъ, жившимъ въ одной изъ ближайшихъ улицъ. Въ его отсутствіе «Спартанка» отсылала не разъ обѣихъ воспитанницъ наверхъ въ классы, но ни Ника, ни Валя не трогались съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не гоните насъ,—трогательно молили обѣ дѣвушки,—мы не въ состояніи уйти до пріѣзда доктора отсюда.

— А если Анна Мироновна замѣтитъ ваше исчезновеніе изъ класса?

— Ахъ, не все ли равно, когда наша Тайночка можетъ каждую минуту умереть.

— Но зачѣмъ такія безпросвѣтныя мысли, мои дѣвочки!

— Вы вѣдь видите сами, что съ нею... Ужъ скорѣе бы пріѣхалъ докторъ.

Долго и внимательно выслушивалъ малютку молодой врачъ...

На глазахъ присутствующихъ все замѣтнѣе измѣнялось личико Глаши, все лихорадочнѣе и горячечнѣе становились ея уходившіе съ каждымъ мгновеніемъ глубже и глубже въ орбиты глаза, и все сильнѣе хрипѣла маленькая грудка, все чаще и чаще поводили судороги тѣльце ребенка. Глаша попрежнему находилась безъ сознанія. Бѣлокурая головка металась по подушкѣ. Глаза стали огромными на осунувшемся и исхудаломъ до неузнаваемости личикѣ.

— Она умретъ... Умретъ непремѣнно... — прошептала чуть слышно Ника и закрыла руками исказившееся страданіемъ лицо.

Какъ разъ въ эту минуту тихо постучали у двери. Стройный, высокій брюнетъ, какъ двѣ капли воды похожій на Зою Львовну, наклоняясь на порогѣ для того, чтобы не стукнуться о притолоку низкой двери, входилъ въ каморку. За нимъ на почтительномъ разстояніи слѣдовалъ Ефимъ.

— Здравствуй, Дмитрій!

— Добрый вечеръ, Зоя.

Братъ и сестра поздоровались. Потомъ «Спартанка» представила брата обѣимъ дѣвушкамъ.

Всѣ четверо снова подошли къ постели Глаши. Долго и внимательно осматривалъ больную малютку молодой врачъ. Выстукивалъ, выслушивалъ, измѣрялъ температуру, затѣмъ на клочкѣ бумажки написалъ рецептъ. Наконецъ, повернувшись къ институткамъ,

не помнившимъ себя отъ волненія, произнесъ спокойно:

— Не надо отчаиваться раньше времени. Положеніе серьезное, не скрою. Но... постараюсь сдѣлать все, чтобы уцѣлѣла ваша любимица. А что она любимица ваша, не надо и говорить: вижу по глазамъ,—съ доброй улыбкой, желая успокоить дѣвушекъ, произнесъ докторъ.

— Милый, добрый, хорошій, золотенькій, спасите ее!

Непроизвольно и непосредственно вырвался этотъ глухой вопль изъ груди Ники въ то время, какъ глаза ея, обычно веселые и шаловливо-дерзкіе, теперь полные мольбы и страха, вперились въ лицо молодого доктора.

— Я постараюсь сдѣлать все, что отъ меня зависитъ,—повторилъ онъ.—А теперь совѣтую вамъ уйти отсюда. Мы съ сестрою и съ этимъ почтеннымъ старцемъ, — онъ указалъ на Ефима, — поухаживаемъ за вашей маленькой больной. Завтра утромъ понавѣдайтесь, авось, дѣвочкѣ будетъ легче, Богъ дастъ.

И онъ протянулъ поочередно руку Никѣ и Валѣ.

Глаза встревоженной Ники снова съ надеждой и робостью остановились на лицѣ доктора, потомъ обратились къ Зоѣ Львовнѣ.

Та словно угадала значеніе этого взгляда.

— Успокойтесь, Никушка,—произнесла добрая «Спартанка»,—не волнуйтесь, ради Бога, и ступайте учить

уроки... Я смѣнюсь съ дежурства и пробуду здѣсь всю ночь. За вашей Тайной будетъ недурной уходъ, я васъ увѣряю, а пока...

Ника не дала ей кончить... Съ легкимъ крикомъ она упала на грудь Зои Львовны и обвила ея шею руками:

— Вы великодушны! Вы золото! Не даромъ же мы всѣ такъ любимъ васъ, — шептала она, покрывая градомъ поцѣлуевъ лицо, глаза и губы наставницы. Затѣмъ, взглянувъ еще разъ на больную Глашу, Ника выбѣжала изъ сторожки.

Расцѣловавъ въ свою очередь «Спартанку», Валя Балкашина послѣдовала за ней.

О, то была ужасная ночь!

Никто не ложился нынче спать въ выпускномъ дортуарѣ. Всѣ, по уходѣ Анны Мироновны, собрались въ умывальной, дрожа отъ холода и волненія, въ однѣхъ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ, босикомъ. «Золотая Рыбка» не находила себѣ мѣста отъ угрызеній совѣсти. Не попадись она на глаза инспектрисѣ съ этимъ злосчастнымъ обѣдомъ, навѣрное бы Тайнѣ и на умъ не пришло съѣсть такой ужасный неудобоваримый бутербротъ. Но еще больше волновалась Маша Лихачева. Эта самымъ чистосердечнымъ образомъ считала себя убійцей малютки Глаши.

— Если бы не моя противная помада, она бы не умирала сейчасъ! — ударяя себя въ грудь рукою, съ

отчаяніемъ восклицала Маша, несмотря на всѣ протесты подругъ.

— Каяться надо.. Каяться и молиться... На паперть церковную пойти... Сотню поклоновъ положить на каменныхъ плитахъ... Дать обѣтъ какой-нибудь посерьезнѣе милосердному Богу, чтобы Онъ смилостивился, чтобы спасъ Глашу,—забубнилъ голосъ Капочки Малиновской у нея надъ ухомъ.

— Веди меня на паперть, Капочка, веди!

И Маша съ послѣдней отчаянной надеждой впилась глазами въ невзрачную «Камилавку», ища въ ней поддержки и спасенія.

Послѣдняя, словно чувствуя себя сейчасъ госпожей положенія, взяла за руку Машу и, не произнося ни слова, повела дрожащую отъ холода и страха дѣвушку на темную паперть находящейся тутъ же въ третьемъ этажѣ институтской церкви.

— Становись на колѣни!—придя туда, скомандовала Капочка, и первая опустилась на холодныя каменныя плиты пола.

А кругомъ дѣвушекъ царили непроницаемый мракъ и полная тишина, способствовавшіе молитвенному настроенію, охватившему сейчасъ обѣихъ. Голосъ Капочки зазвучалъ глубоко и проникновенно, и съ захватывающимъ чувствомъ произносилъ слова молитвы. А Маша, словно загипнотизированная имъ, повторяла отъ слова до слова священныя слова, произносимыя подругой.

Вдругъ тонкая струйка пряного аромата духовъ излюбленнаго Машей Лихачевой шипра донеслась до носа Капочки. И она, какъ ужаленная, быстро вскакиваетъ съ колѣнъ, вся возмущенная, негодующая, злая.

— На паломничество, на молитву пришла, а сама этой мерзостью богопротивною насквозь пропитана,—зашипѣла Капочка.—Не смѣй душиться... Грѣхъ и ересь это... Молись и постись!—повелительнымъ тономъ обратилась она къ Машѣ.

— Да... да... Конечно, я не буду душиться больше. Только и ты, Капочка, и ты молись вмѣстѣ со мною... Я боюсь, что моя грѣшная молитва не дойдетъ до Бога. А ты—святая.

— Молчи! Молчи! Грѣхъ и ересь называть святымъ человѣка!—съ искреннимъ страхомъ срывалось съ губъ Малиновской.

И обѣ дѣвушки, горячо зашептали молитвы, отбивая положенное число земныхъ поклоновъ. Горячія головки то и дѣло припадали къ холодному полу паперти, и нехитрыя, полныя непоколебимой дѣтской вѣры молитвы, непосредственныя и чистыя, понеслись къ далекимъ небесамъ.

А въ умывальной выпускныхъ царило въ это же самое время совсѣмъ иное настроеніе. Всѣ собравшіяся здѣсь институтки съ напряженнымъ вниманіемъ ждали Стешу, которая должна была по уговору подъ утро

принести вѣсти изъ сторожки. Чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ докучной мысли о возможной Глашиной смерти, дѣвушки просили «донну Севилью» разсказать что-нибудь изъ ея испанскаго путешествія.

Ольга Галкина чрезвычайно довольна была просьбой. Испанія, особенно Севилья, это—ея конекъ.

— И вотъ, mesdam'очки,—воодушевляясь, внезапно начинаетъ разсказчица,—вообразите себѣ ажурныя, высокія стройныя зданія, словно кружевныя, отразившія на себѣ эпоху мавританскаго владычества... А вокругъ сады... Ползучія розы и гранатовыя деревья... Ахъ! Это такая красота! Всѣ испанки—красавицы; всѣ испанцы — рыцари! А ихъ музыка... Ихъ серенады! А бой быковъ!.. Восторгъ!

— А тебѣ пѣли серенады?—неожиданно огорошиваетъ «Шарадзе» вопросомъ Ольгу.

Та мгновенно вспыхиваетъ и краснѣетъ. Неудержимо тянетъ прихвастнуть успѣхомъ передъ подругами и въ то же время не хочется лгать: а вдругъ не повѣрятъ. Изведутъ насмѣшками, засмѣютъ!..

— Да, пѣли. .—словно борясь съ собою, съ зажмуренными на мигъ глазами, говоритъ она.

— А вотъ и не правда! Не пѣли, потому что тебѣ тогда было двѣнадцать всего лѣтъ. А поются серенады только въ честь взрослыхъ!

Шарадзе безжалостно хохочетъ, сверкая ослѣпительными зубами. Потомъ машетъ рукою.

— Mesdames, бросьте, не слушайте, она все сочиняетъ. Лучше разгадайте шараду. Что это будетъ: стоитъ гора, на горѣ—сакля, около сакли—виноградникъ. У воротъ сакли—скамейка и на скамейкѣ—дѣвушка. Ну? Ни за что не отгадаете!

— Гдѣ ужъ намъ!—иронизируетъ обиженная «донна Севилья».

— Я такъ и знала, я такъ и знала,—торжествуетъ Шарадзе.—А это, между тѣмъ, такъ просто разгадать: паспортъ... вотъ и все.

— Какой паспортъ?—недоумѣваютъ подруги.

— Самый обыкновенный: видъ на жительство. Корова, сакля, дѣвушка, виноградникъ—все это видъ на жительство, а видъ на жительство это вѣдь паспортъ. Ха, ха, ха!.. Не остроумно развѣ?

— Удивительно остроумно!—шипитъ Ольга Галкина.

— Mesdames, смотрите ночь-то какая!—шепчетъ въ восторгѣ «Хризантема», поднимая штору и впиваясь глазами въ круглую полную луну.

— До Рождества меньше мѣсяца осталось... Всѣ разъѣдутся, а мы останемся... И что за глупый обычай, въ сущности, оставлять на каникулы и праздники выпускныхъ воспитанницъ. Скучно-то какъ будетъ!

— Не весело, конечно, что и говорить.

— Кто-то идетъ, mesdam'очки...

— Въ ушахъ у тебя ходитъ кто-то... Не пугай понапрасну, и такъ тяжело.

— Оля, милая, разскажи про бой быковъ въ Испаніи, все-таки убьемъ время.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. И такъ нервы натянуты а ты—съ быками!

— У Балкашиной валерьянка съ собой. Прими.

— Mesdames, если наша Тайна умретъ, душа ея, чистая, святая, поднимется на крыльяхъ ангеловъ къ престолу Бога,—словно серебристый ручеекъ, звенитъ своимъ хрустальнымъ голоскомъ «Золотая Рыбка».

— Типунъ тебѣ на языкъ. Вотъ выдумала тоже! Умретъ! Она не смѣетъ умереть! Она должна жить!—горячо и страстно вырывается у Ники.

— Тише, mesdames, тише. Идутъ...

На этотъ разъ никто не протестуетъ. Въ коридорѣ ясно слышатся приближающіеся шаги. Кто-то словно крадется, осторожно шурша накрахмаленнымъ платьемъ.

— Стеша... Она это. Но почему не утромъ? Почему сейчасъ? Значитъ... Значитъ, все кончено...

И тридцать слишкомъ паръ глазъ устремляются съ тревожнымъ и жаднымъ любопытствомъ навстрѣчу приближающейся Стешѣ.

— Что, Стеша, что? Умерла?.. Не мучьте, ради Бога. Скончалась?—бросаясь навстрѣчу служанкѣ, кричатъ институтки.

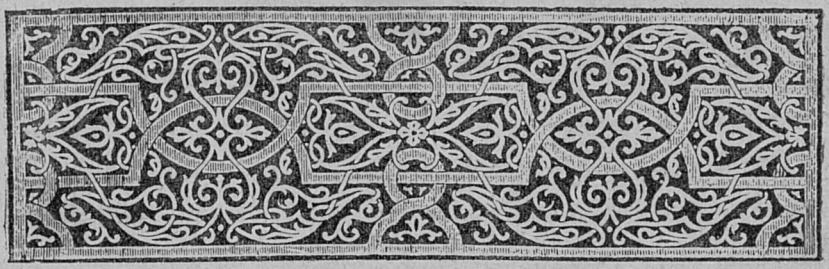
— Жива... Живехонька... Лучше ей, милыя барышни. Много лучше...

— О, какой восторгъ! Какая радость!

Сколько разнородныхъ впечатлѣній пережито въ этотъ яркій, короткій мигъ. Цѣлуютъ Стешу, какъ вѣстницу радости, вѣстницу счастья.

Спасена Тайна! Милая, маленькая Глаша-Тайночка—спасена!..

И три десятка дѣвушекъ бросаются въ объятья одна другой и радостно цѣлуются, какъ въ Свѣтлый Праздникъ...



ГЛАВА IX.

МЕДЛЕННО, незамѣтно подползли Рождественскіе праздники. Весь институтъ разъѣхался на каникулярныя двѣ недѣли, остались только выпускныя воспитанницы да кое-кто изъ младшихъ классовъ, изъ тѣхъ, кому дальность разстоянія не позволяла уѣзжать далеко на такое короткое время.

Рождественскія каникулы, это—время относительной свободы для институтокъ. Встаютъ на праздникахъ воспитанницы безъ звонковъ, а кому когда заблагоразсудится. Ходятъ, одѣтыя не по формѣ, со спущенными за спиной косами, въ собственныхъ «ботинкахъ» и чулкахъ. Классныя дамы какъ-то добрѣе и снисходительнѣе въ это время, мало взыскиваютъ съ провинившихся, еще меньше слѣдятъ за своимъ маленькимъ народомъ. Жизнь, словомъ, выходитъ изъ своего русла,

и менѣе всего чувствуется пресловутая казенщина въ праздничное время.

Елка для маленькихъ вышла на диво красивой въ этомъ году. Сами выпускныя украшали ее цвѣтными картонажами, разноцвѣтными цѣпями, пестрыми фонариками и золотымъ дождемъ. На второй день праздника было рѣшено устроить музыкально-вокально-танцовальный вечеръ «въ пользу бѣдной сиротки». Какой сиротки—никто, кромѣ первыхъ, не зналъ.

Въ сочельникъ утромъ депутація выпускныхъ направилась къ «maman» отнести программу.

Генеральша Марья Александровна Вайновская, красивая, стройная пятидесятилѣтняя женщина, съ сѣдымъ начесомъ пышныхъ волосъ и съ юношески молодыми глазами, внимательнымъ, зоркимъ «всевидящимъ» окомъ просмотрѣла программу и издала тихое «гм» на строкахъ, указывавшихъ, что на вечерѣ предполагаются, между прочимъ, танцы босоножки и цыганскіе романсы.

— Но... но, mes enfants, босыя ноги?.. Это не совсѣмъ удобно, какъ будто...—произнесла она, краснѣя всѣмъ своимъ удивительно моложавымъ, безъ намека на морщины, лицомъ.

Ника Баянъ, старая и неизмѣнная любимица начальницы, очаровательно смущаясь, выступила немного впередъ.

— Но, maman, я надѣну что-нибудь, если нужно.

Я не буду плясать босая... Это говорится только—босоножка.

Добрые голубые глаза генеральши внимательно смотрятъ на дѣвушку.

— Конечно, mon enfant, конечно. Все должно быть корректно. Я надѣюсь на тебя.

Потомъ они безпокойно обращаются къ смуглому личику и энергично сомкнутымъ бровямъ Шуры Черновой.

— А какіе цыганскіе романсы ты будешь пѣть на вечерѣ, дитя?

Шура усмѣхается. Сросшіяся брови чуть замѣтно вздрагиваютъ надъ пламенными глазами.

— О, maman,—говоритъ она, не колеблясь,—я буду пѣть самыя красивыя, самыя поэтичныя пѣсни о поляхъ, о лѣсѣ, о степяхъ и кострахъ, привлекающихъ взоры среди вольныхъ степей своими огненными точками. Я заставлю слушателей понять всю красоту дивныхъ бессарабскихъ ночей, гдѣ кочуютъ бродячія племена смуглыхъ людей, гдѣ варятъ они, среди дыма костровъ, свою убогую и скудную пищу, гдѣ слагаютъ свои звонкія прекрасныя пѣсни, тѣ пѣсни, о которыхъ писалъ когда-то нашъ безсмертный поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Начальница смотритъ на разгорѣвшееся личико смуглаго «Алеко» и благосклонно треплетъ Шуру по щекѣ.

— Хорошо. Я разрѣшаю этотъ вечеръ въ пользу сиротки.

Потомъ она вынимаетъ изъ портмонэ десятирублевую бумажку и передаетъ ее «депутаціи».

— Отъ меня... Маленькая лепта для бѣдной сиротки...

— О, maman, вы—ангелъ!

Ника присѣдаетъ первая, за нею остальныя.

Депутація возвращается наверхъ въ классы, очарованная въ конецъ любезностью Вайновской.

— Она прелесть! Восторгъ! Душка! Красавица! Добрая, великодушная...—шепчетъ Ника, и ей вторятъ остальныя.

— Но вы не сказали, по крайней мѣрѣ, въ пользу какой сиротки устраивается вечеръ?—допытываются у депутатокъ остальныя старшеклассницы.

— О, нѣтъ, конечно; maman знаетъ только, что это—племянница Стеши, круглая сиротка, которая живетъ въ деревнѣ, только и всего,—отвѣчаетъ за всѣхъ благоразумная и тихая Мари Веселовская.

— Опять-таки пришлось солгать. И кому же, нашему ангелу,—тоскливо срывается съ губъ Ники.

— Попробуй сказать правду, и въ тотъ же часъ и сторожъ Ефимъ, и всѣ мы будемъ исключены.

— Конечно! Конечно!—раздается отовсюду.—И потомъ умалчиваніе, въ сущности, не есть настоящая ложь. Скверно и это, но...

— Mesdames, идемъ зажигать елку у нашей Тайны.

— Сегодня Скиѳка дежуритъ. Берегитесь, дѣти мои.

— Вотъ вздоръ! Теперь праздники, и, слава Богу, мы имѣемъ большую свободу. Оставьте вашу трусость и идемъ.

Въ маленькой сторожкѣ на столѣ горитъ крошечная елка. Выпускныя сами украсили ее, зажгли разноцвѣтные фонарики, разложили подъ ней подарки и лакомства.

Глаша, уже давно оправившаяся послѣ своей недолгой, но смертельно опасной болѣзни, вся сіяющая прыгаетъ вокругъ наряднаго деревца. Въ глазахъ ея такъ и искрится безмятежная дѣтская радость.

— Бабуська Ника, дѣдуська Саладзе, мама Мали, папа Сула, смотлите, смотлите—баланчикъ...—хлопая въ ладоши и прыгая на одномъ мѣстѣ, какъ козочка, указываетъ она на пушистаго бѣлаго барашка, подвѣшеннаго къ одной изъ зеленыхъ вѣтвей елки.

— Радость наша! Тайночка! Ты не забудешь насъ, когда мы уѣдемъ изъ института?—говоритъ Ника, и градъ поцѣлуевъ сыплется на лицо Глаши.

Глаза крошки приковываются къ лицу Ники, которая держитъ ее сейчасъ на колѣняхъ, и Глаша прижимается крѣпко къ ней своей бѣлобрысой головенкой. Больше всѣхъ своихъ случайныхъ «тетей» и «родственницъ» Глаша любитъ эту тонкую изящную дѣвушку съ открытымъ смѣлымъ личикомъ и бойкими лукавыми

глазами, и старается подражать ей уже и льнетъ къ ней всегда со своими ласками чаще, нежели ко всѣмъ другимъ.

И сейчасъ ей какъ будто страшно разстаться съ этой хорошенькой молоденькой «бабушкой», которую Глаша теперь любитъ крѣпче дяди Ефима и тети Стеши. Ея личико туманится при одномъ напоминаніи о разлукѣ, и безпомощная гримаса коверкаетъ ротикъ.

— Не пущу, бабуська Ника! Останься со мною! Не пущу!—съ отчаяніемъ лепечетъ малютка, и она готова расплакаться на груди Ники.

— Нечего сказать, хороша! Когда еще выпускъ, а она за столько времени терзаетъ ребенка! Педагогическій пріемъ тоже!—ворчитъ донна Севилья, сердито блестя глазами на Нику.

— Не плачь, моя прелесть! Не плачь!—такъ вся и встрепенулась Ника.—Слушай лучше, что тебѣ «бабушка» разскажетъ. Слушай, Таиночка: у насъ послѣзавтра литературно-музыкальный благотворительный вечеръ. Ты конечно не понимаешь, что это значитъ, ну да все равно: будутъ читать... Ну, сказки, что ли... Пѣть, играть на роялѣ... Потомъ танцовать, кружиться подъ музыку. Соберется много гостей... И...

— Хоцу туда!—неожиданно перебиваетъ разсказчицу Глаша.

— Дѣточка моя, тебѣ нельзя...

— Хоцу!

Это своеобразное «хоцу» звучитъ какъ повелѣніе.

Многочисленныя «родственницы» и «тетушки» успѣли себѣ на голову избаловать свою общую любимицу. Глаша не знаетъ отказа ни въ чемъ. Естественно поэтому, что первымъ движеніемъ ея души является вполнѣ законное, по ея дѣтскому мнѣнію, желаніе попасть туда, гдѣ будетъ пѣніе, музыка, танцы.

— Хочу! Хочу! Хочу!—твердитъ она уже сердито и бьетъ каблучкомъ по полу сторожки.

Вѣдь она не знала до сихъ поръ отказа, не вѣдала предѣла своимъ желаніямъ ни въ чемъ.

— Маленькая моя, золотко мое, невозможно это,—пробуетъ урезонить свою расходившуюся «внучку» «дѣдушка» Шарадзе.—Хочешь, я тебѣ скорѣе загадку загадаю?

— Не хочу!—отталкиваетъ сердито, чуть не плача, крошечными ручонками Тамару дѣвочка.

— Ну, я спою тебѣ что-нибудь.—И Эля Федорова затягиваетъ вполголоса любимую пѣсенку Глаши, фальшивя на каждой нотѣ:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печальный свѣтъ она.

— Довольно, Эля, довольно! Сто сорокъ грѣховъ тебѣ отпустится, если ты замолчишь сейчасъ,—шикаютъ и машутъ на нее руками подруги.

— На цвѣточекъ, Тайночка. Возьми, смотри, какой

онъ хорошенькій, пушистый...—говоритъ Муся Сокольская и самоотверженно отдаетъ плачущей Глашѣ отколотый ею отъ лифа прелестный цвѣтокъ хризантемы.

Лида Тольская протягиваетъ ей барбарисовую карамельку и попутно обѣщаетъ подарить ей самую крупную, самую лучшую золотую рыбку, какая только найдется у нея въ акваріумѣ. Но Глаша не унимается и капризничаетъ попрежнему.

— Ну, ну, полно, внученька, полно, родная,— смущенно утѣшаетъ ее встревоженный Ефимъ.—Полно при барышняхъ-то распускать нюни. Еще, не ровенъ часъ, услышатъ въ коридорѣ, да сюда пожалуютъ.

Ничего не помогаетъ, Глаша уже реветъ благимъ матомъ.

— Эхъ, баловница. На голову себѣ ее избаловали, барышни...—безнадежно машетъ рукою Ефимъ.

Вдругъ Ника вскакиваетъ порывисто съ мѣста и, схвативъ обѣ ручонки раскапризничавшейся Глаши въ свои, говоритъ ей съ большой убѣдительностью, съ большимъ подъемомъ:

— О, ты будешь на вечерѣ, Глаша, будешь непремѣнно, только не плачь.

— Что такое? Что ты придумала, Никушка? Говори скорѣе, что?—тѣснятся вокругъ Баянъ оживленныя любопытствомъ лица.

Но Ника молчитъ. На ея лицѣ выраженіе чего-то таинственнаго, чего-то лукаваго, а каріе глаза шаловливо поблескиваютъ.

— Да, да, mesdames! Я сдѣлаю такъ, что наша Тайна будетъ на этомъ вечерѣ. И это такъ же вѣрно, какъ зовутъ меня Никой Баянъ,—говоритъ она весело и возбужденно.—Наверху, въ дортуарѣ я вамъ изложу мой планъ подробнѣе.

— Дорогая моя, ты—героиня!—восторженно шепчетъ Зина Алферова, поклоняющаяся Никѣ, какъ маленькому божеству.—Я сразу почувствовала, что ты придумаешь что-нибудь особенное.

— А я предчувствую, что и влетитъ же намъ за это «особенное» тоже особенно, дорогая моя,—въ тонъ Зинѣ говоритъ со смѣхомъ смугленькій «Алеко».

И вся группа «заговорщицъ», поцѣловавъ быстро утѣшившуюся Глашу, мчится изъ гостепріимной сторожки въ дортуаръ.

* * *

Наконецъ-то онъ наступилъ, этотъ давно ожидаемый «благотворительный» вечеръ. Въ концѣ зала наскоро устроили эстраду, украсили ее тропическими растеніями и покрыли краснымъ сукномъ. За нѣсколько дней до вечера были разосланы пригласительные билеты почетному опекуну института, всему начальству, родственникамъ и близкимъ классныхъ дамъ, воспитанницъ и учительницъ. Съѣхался кое-кто и изъ отпущенныхъ на рождественскіе праздники институтокъ, кто изъ любопытства, кто изъ желанія щегольнуть нарядным «собственнымъ» туалетомъ. И постепенно «средній» класс-

ный коридоръ наполнился разноцвѣтными вечерними костюмами пріѣхавшихъ на вечеръ большихъ и маленькихъ воспитанницъ и ихъ родственницъ, матерей, сестеръ.

Среди этого цвѣтника скромными пятнами выдѣлялись синіе вицъ-мундиры попечителя, инспектора, учителей, эконома, изящные смокинги и сюртуки статскихъ гостей и блестящіе мундиры военныхъ. Тамъ и сямъ пестро мелькаютъ мундиры студентовъ, юнкеровъ и кадетъ—братьевъ и кузеновъ воспитанницъ, а между ними расшитые золотомъ мундиры пажей.

Въ залѣ блѣдный худощавый таперъ бойко наигрывалъ на роялѣ «на съѣздъ» веселые мотивы модныхъ танцевъ.

На площадкѣ лѣстницы средняго этажа за небольшимъ столикомъ примостилась Зина Алферова, продававшая входные билеты. При ней находилась Неточка Козельская. На этотъ разъ вѣчная сонливость и апатія покинули молодую дѣвушку. Она оживилась. Краска неподдѣльнаго румянца юности бросилась на матовыя щеки Неточки, и «спящая красавица» казалась въ дѣйствительности красавицей.

— Пожалуйста, мнѣ два билета. Для брата и для меня,—прозвучалъ сочный баритонъ надъ склоненной головкой Неты.

Она быстро подняла глаза, и взглядъ ея встрѣтился съ открытыми молодыми глазами одѣтаго въ форму сту-

дента-электротехника юноши. За нимъ шелъ румяный толстенькій кадетикъ лѣтъ пятнадцати.

— Это братья Ники Баянъ,—успѣла шепнуть Нетѣ Зина, когда студентъ и кадетикъ еще поднимались по лѣстницѣ.

— Не можете ли вы вызвать Баянъ, m-elle?—какъ бы въ подтвержденіе ея словъ, обратился къ Зинѣ Алферовой студентъ.

— Нета, ступай ты, я не могу, дорогая моя, оставить кассу.

Нета быстрой, далеко не соотвѣтствующей ея обычной медлительности, походкой направляется въ дортуаръ. Тамъ суматоха. Мечутся по длинной комнатѣ неодѣтыя растерянныя фигуры. Пахнетъ пудрой, духами, паленымъ волосомъ. Маша Лихачева взяла на себя роль парикмахера. Вооружившись горячими щипцами, она въ одно мгновеніе преображаетъ тщательно причесанныя гладенькія головки въ живописно растрепанныя или завитыя бараномъ, немилосердно распространяя вокругъ себя запахъ гари.

Сейчасъ она причесываетъ «Хризантему». Распустивъ роскошныя бѣлокурыя косы послѣдней, Маша навиваетъ ихъ нѣжныя пряди на раскаленные щипцы и сооружаетъ изъ нихъ какую-то сложную прическу. Нѣсколько человѣкъ со шпильками и косоплетками въ рукахъ уже ждутъ своей очереди.

— Ника! Баянъ! Гдѣ Баянъ, mesdames?—растерянно

кричитъ Козельская.—Ея братья пріѣхали. Зовутъ ее внизъ.

— Да что ты съ неба что ли свалилась? Ника давно уже въ «музыкальномъ» классѣ. Ее тамъ сама Зоя Львовна одѣваетъ и причесываетъ,—слышатся озабоченные голоса.—А что, у васъ большой сборъ въ кассѣ?

— Ахъ, mesdames,—говоритъ возбужденно Неточка, и ея красивое лицо статуи снова зажигается жизнью,—баронъ Гольдеръ цѣлые пятьдесятъ рублей за билетъ выложилъ!.. Мы съ Зиной такъ и ахнули... Зина та совсѣмъ растерялась, вскочила со стула, отвѣсила реверансъ да какъ брякнетъ: «дорогая моя, мерси». Это почетнаго-то попечителя дорогой моей назвала! Какъ вамъ нравиться? А?

— Ха-ха-ха!—смѣются кругомъ.

— Маша! Лихачиха! Что у тебя было насыпано въ кругленькой коробкѣ?—съ блуждающими глазами накидывается на миловиднаго парикмахера «Золотая рыбка».

— Что было? Порошокъ зубной былъ. А что? —растерянно бросаетъ ошалѣвшій отъ работы парикмахеръ.

— Ну, вотъ...—безнадежно разводитъ руками Лида,—это порошокъ, а я имъ щеки напудрила. Онъ розовый и пахло отъ него такъ вкусно. Думала—пудра. А теперь щиплетъ, Богъ знаетъ какъ.

— Смой, если щиплетъ—пустяки!

— Я уже два раза мыла. И такъ уже какъ сапогъ лакированный, блеститъ вся моя физіономія.

— Вымой въ третій разъ. Не бѣда...

— Mesdam'очки,—стонетъ Теръ-Дуярова,—нѣтъ ли какого средства отъ узкихъ сапогъ?—и она, съ видомъ мученицы, прихрамывая и хватаясь за встрѣчные предметы, бродитъ по дортуару.

— Носи широкіе, только и всего,—подаетъ совѣтъ кто-то изъ товарокъ.

Фрейлейнъ Брунсъ выходитъ изъ комнаты. Лицо у нея праздничное. Поверхъ затрапезнаго синяго мундира-платья приколотъ къ груди кружевной бантъ, и черненькая бархотка словно невзначай запуталась въ волосахъ.

— Еще неготовы?—замѣчаетъ она по-нѣмецки.— Но вѣдь уже поздно. Всѣ гости, должно быть, уже собрались.

Она желаетъ еще что-то сказать, но обрываетъ фразу и багрово краснѣетъ: ей попадается на глаза художественно причесанная, вся въ бараньихъ завитушкахъ голова «донны Севильи».

— Галкина! Was ist den das für Frisur! (Что это за завивка).

— Но вѣдь у насъ праздники,—пробуетъ оправдаться «кажущаяся испанка», благоразумно прикрывая, однако, прическу руками.

— Убрать эти завитушки! Убрать сію минуту! Это—голова овцы, а не благовоспитанной институтки. Размыть водой, напомадить помадой... Сдѣлай, что хо-

чешь, но чтобы я не видѣла больше этихъ вихровъ!..—заявляетъ рѣшительнымъ тономъ «Скиѳка» и, совершенно уничтоживъ бѣдную Ольгу, держитъ путь дальше.

— Теръ-Дуярова, это что за походка? Какъ ты ходишь?—обращается она къ идущей ей навстрѣчу армянкѣ.

— У меня мозоли, фрейлейнъ Брунсъ.

— Фи... У благовоспитанной дѣвицы не должно быть мозолей. Носите Богъ знаетъ какую обувь, а потомъ страдаете... А что съ вами, Лихачева?—неожиданно останавливаясь передъ импровизированнымъ парикмахеромъ, восклицаетъ Брунсъ.—У тебя весь носъ въ пудрѣ. И ты...

Черненькая Маша роняетъ отъ неожиданности щипцы и попутно обжигаетъ лобъ «Хризантемы».

— Ай!

Добрая половина пышной бѣлокурой пряди волосъ остается на раскаленномъ желѣзѣ. Невольныя слезы брызжутъ изъ глазъ Муси Сокольской.

— Такъ и сгорѣть недолго... Пугаете только...—ворчитъ Лихачева и дуетъ на обоженный лобъ своей жертвы.—Ничего, душка моя, мы это колечкомъ закроемъ...—утѣшаетъ она пострадавшую.

— Что колечкомъ? Нельзя колечкомъ!..—волнуется Августа Христіановна и, спохватившись, вспомнивъ сразу, разражается цѣлымъ потокомъ негодованія.—Отъ

тебя духами за версту пахнетъ... Голова кружится отъ нихъ... Чтобы не было этого... Ужасъ какой!

А въ умывальной комнатѣ Валя Балкашина, затянутая въ рюмочку, съ дико вытаращенными глазами, пьетъ валеріановыя капли и нюхаетъ соль.

— Меня тошнитъ...—признается она съ тоскою.

Брунсъ насильно распускаетъ на ней шнуровку.

Въ восемь часовъ звенитъ звонокъ, приглашающій въ залу. Всѣ гости уже тамъ. Всѣ мѣста—давно заняты. Некуда яблоку упасть, какъ говорится.

Съ удовлетвореннымъ видомъ Зина Алферова, подсчитавъ кассу, идетъ въ залъ. Хотя билеты продавались всего по двугривенному, но многіе приглашенные ради сиротки платили за нихъ впятеро высшую цѣну, а многіе и того больше. Словомъ, въ кассѣ набралось около трехсотъ рублей. Сумма, не только достаточная на обмундированіе Глаши, но и на воспитаніе ея, по крайней мѣрѣ, на первые годы воспитанія, въ какомъ-нибудь заведеніи для малолѣтнихъ.

Между тѣмъ, вечеръ уже начался. На эстрадѣ появилась Нета Козельская. «Спящая красавица» далеко не оправдывала сейчасъ даннаго ей подругами прозвища. Блѣдное личико прекрасной статуи теперь еще больше нежели во время бойкой торговли билетами разрумянилось и оживилось...

Я вамъ пишу, чего же болѣ,
Что я могу еще сказать...

— стройно выводилъ молодой красивый голосъ Козельской арію Татьяны.

— Какая прелестная дѣвушка! Какой богатый, очаровательный голосъ!—шептали почетные гости въ первомъ ряду.

Теперь, конечно, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать,

— пѣла дальше Неточка, и ея голубые, обычно сонные и неподвижные глаза разгорались сейчасъ, какъ звѣзды. А богатый переливами, красиво дрожащій голосъ разливался по всѣмъ уголкамъ огромнаго зала, привлекая вниманіе слушателей.

Но вотъ она кончила. Послышались аплодисменты. Изъ перваго ряда ей улыбалось обаятельно доброе лицо начальницы. Одобрительно кивалъ, аплодируя, баронъ Гольдеръ, почетный опекунъ.

Смущенная и довольная сошла Нета съ эстрады. На смѣну Чайковскому зазвучали мятежные, полные затаенной силы, звуки вагнеровскаго марша. Волнуясь, похолодѣвшими пальцами исторгали ихъ изъ клавишъ пѣвучаго рояля «Золотая рыбка» и «Хризантема», двѣ лучшія «музыкантши» института.

Съ чувствомъ и съ тонкимъ пониманіемъ исполняли онѣ знаменитый отрывокъ изъ оперы «Кольцо Нибелунговъ». Блѣдная отъ волненія «Золотая рыбка» и пылающая румянцемъ «Хризантема» тщательно сыграли въ четыре руки вагнеровскій маршъ.

И вотъ, во время ихъ игры, подъ звуки марша, тихо отворилась дверь большой залы, и на порогѣ ея появилась Валя Балкашина и Тамара Теръ-Дуярова, которыя бережно вели за руки маленькую, одѣтую въ розовое платьице, малютку-дѣвочку лѣтъ пяти. Ея бѣлокурые волосы были тщательно завиты и причесаны, а черные глазенки безъ тѣни смущенія и страха поглядывали на всѣхъ.

Отдѣленіе пріѣхавшихъ сегодня на благотворительный вечеръ въ институтъ младшихъ седьмушекъ и шестушекъ, удивительно миловидныхъ въ ихъ «собственныхъ» платьяхъ, съ любопытствомъ и восторгомъ смотрѣли на розовую дѣвочку.

— Mesdames, какой душонокъ! Смотрите!

— Тсс! Не мѣшайте слушать!..—послышалось шиканье старшихъ отдѣленій.

Наступая на ноги сидящимъ зрительницамъ и таща за руку свою крошечную спутницу, Тамара съ трудомъ пробралась на свое мѣсто, находящееся среди выпускныхъ.

— Тайночка! Тайночка! Милая Тайночка!—зашептали сидящія по сосѣдству институтки старшеклассницы, и нѣсколько рукъ протянулось къ кудрявой головкѣ дѣвочки.

Та дружески кивала направо и налѣво, узнавъ своихъ друзей и чувствуя себя полной госпожей положенія.

Когда «дѣдушка Шарадзе» и «тетя» Валя пришли

одѣвать Глашу въ новое нарядное, подаренное ей въ день рожденія розовое платье, стали причесывать ее и обувать въ розовую же новенькую обувь, малютка запрыгала отъ восторга.

— На вецелъ я иду, дѣдуска! Видись, какъ вазно!— хлопая въ ладоши, радовалась дѣвочка.

Это Ника Баянъ придумала свести на вечеръ всеобщую маленькую любимицу. Весь выпускной классъ одобрилъ ея изобрѣтательность.

Но выдать, кто она — опасно. А потому рѣшено было говорить всѣмъ и каждому, что маленькая дѣвочка—дальняя родственница Ники, княжна Таита Уленская, и пріѣхала она вмѣстѣ съ братьями Ники на этотъ вечеръ. Кромѣ выпускныхъ, участвовала въ заговорѣ и Зоя Львовна, поневолѣ сдѣлавшаяся участницей ихъ тайны. Лукавая улыбка не сходила съ губъ молодой наставницы, когда она поглядывала на курносое личико и бѣлобрысую, тщательно завитую головку мнимой княжны.

Музыкально-вокальное отдѣленіе вечера продолжалось. На красной эстрадѣ, среди тропическихъ растеній, появилась стройная тонкая фигурка «невѣсты Надсона».

Бѣлокурая пышная головка, мечтательные глаза, весь поэтичный обликъ молодой задумчивой дѣвушки, какъ нельзя лучше гармонировали съ мастерской декламаціей Наташи Браунъ, декламаціей, посвященной ея

любимому поэту. Захватывающе, проникновенно звучитъ ея милый голосъ. И мелодичныя, полныя прелести и поэзіи строки Надсона получали въ ея передачѣ какую-то особенную пѣвучесть, плавность и гибкость.

Шуменъ праздникъ: не счесть приглашенныхъ гостей.
Море звуковъ и море огней.
Ихъ цвѣтною каймой, какъ гирляндой обвитъ
Прудъ, и спитъ, и какъ будто не спитъ...

Все дальше и дальше уводитъ за собою слушателей въ далекій и чуждый міръ средневѣковья блѣдная голубоглазая Наташа. И отъ низкаго грудного голоса ея и отъ подернутыхъ трогательной печалью глазъ словно вѣетъ какой-то далекой сказкой. И когда уносится, какъ на крыльяхъ, ея красивый нѣжный голосъ въ міръ этой сказки и мечты, пробуждаются, встаютъ невольно передъ слушателями далекія картины и образы поэмы: Прекрасная, тихая, грустная королева... Толпа нарядныхъ льстецовъ, рыцарей и придворныхъ, окружающихъ ея тронъ... Развѣвающіяся перья беретовъ... звонкія шпоры... А тамъ, въ нишахъ стараго соннаго сада, ждетъ юноша-пажъ, такъ трогательно и нѣжно, такъ преданно и вѣрно поклоняющійся своей королевѣ. Но это мечта, увы!.. Одна только свѣтлая, прозрачная мечта. Нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ. Никто не любитъ печальную королеву за ея душу, за ея сердце. Всѣ видятъ въ ней только могущественную властительницу, и каждый ста-

рается угодить ей лестью... И невольно тоскуетъ и мечется бѣдная одинокая душа...

Сбросить прочь бы скорѣй этотъ пышный нарядъ,
Потушить бы огни, и одной,
Безъ докучливой свиты, уйти въ этотъ садъ,
Убѣжать въ этотъ сумракъ ночной...

Наташа едва успѣваетъ закончить чтеніе подъ бурные взрывы аплодисментовъ.

Не меньшій успѣхъ выпадаетъ на долю и второй декламаторши, Маріи Веселовской. Несравненное тургеневское стихотвореніе въ прозѣ: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы» производитъ огромное впечатлѣніе на слушателей. Сама чтица, со скромно причесанной гладкой головкой, увѣнчанной тяжелой короной черныхъ косъ, серьезнымъ вдумчивымъ лицомъ и большими честными, открытыми глазами привлекаетъ къ себѣ невольныя симпатіи. Ей аплодируютъ не меньше, нежели Наташѣ.

— Прекрасно! Прекрасно! Съ удовольствіемъ слушаю,—говоритъ почетный попечитель, склоняясь въ сторону кресла начальницы.

— Онѣ очень милы,—съ довольной улыбкой отвѣчаетъ Марья Алексѣевна, но въ то же время волнуется. Сейчасъ на афишѣ послѣдуютъ «неспокойные» нумера программы: цыганскіе романсы и пляска-фантазія à la знаменитая танцовщица-босоножка Айседора Дунканъ. Правда, сама maman тщательно выбрала репер-

туаръ пѣсенъ и приказала Никѣ танцовать въ обыкновенномъ платьѣ и обуви, а не въ костюмѣ балерины, т. е. коротенькой туникѣ и трико. Все-таки начальница нѣсколько смущена предстоящимъ исполненіемъ.

Вотъ на эстрадѣ въ пестромъ нарядѣ цыганки, задрапированная, какъ тогой, краснымъ платкомъ, въ яркой юбкѣ и кофтѣ, съ гитарой, перекинутой на алой лентѣ черезъ плечо, появляется Шура Чернова. Ея смуглое лицо подернуто румянцемъ. Яркіе черные глаза такъ и сыплютъ искрами изъ-подъ густо сросшихся бровей. Увѣренно, безъ малѣйшаго смущенія, садится она на стулъ и беретъ первые аккорды.

Струны жалобно и красиво стонутъ подъ ея тонкими, но сильными пальцами, а четкій звонкій, съ гортаннымъ отзвукомъ, голосъ выводитъ на цыганскій ладъ слова извѣстной пѣсни:

Очи черныя, очи жгучія...

Гитара звенитъ... Струны ея то жалобно плачутъ, то смѣются неудержимымъ смѣхомъ... А черные глаза Шурочки искрятся и сіяютъ, какъ два черные алмаза.

— Цыганка, настоящая цыганка,—тихимъ шопотомъ проносится по рядамъ гостей.

— Ей бы мальчишкой-цыганенкомъ одѣться, еще больше подошло бы,—говоритъ «Хризантема» своей подругѣ, «Золотой рыбкѣ», которая сидитъ тутъ же рядомъ.

— Фи! Это было бы неприлично,—поджимая губки, чуть слышно роняетъ сосѣдка Сокольской съ правой стороны, Лулу Савикова.

— Ну, ужъ ты молчи, пожалуйста, комильфошка. Тебя послушать—все неприлично выходитъ: и спать, и ѣсть, и сморкаться, и причесываться,—вступается «Золотая рыбка».

А на эстрадѣ одинъ романсъ смѣняется другимъ. Шуру замучили повтореніями. Публика не устаетъ аплодировать послѣ каждой спѣтой вещицы.

Счастливая и довольная, подъ громъ аплодисментовъ, уходитъ съ эстрады смугленькій «Алеко».

Съ минуту эстрада пуста... Гдѣ-то за спущеннымъ позади нея желтымъ занавѣсомъ, сшитымъ и разрисованнымъ всевозможными рисунками и цвѣтами, раздаются звуки меланхолическаго вальса. Это играетъ лучшая музыкантша Н-скаго института Декомбъ.

Тихо колеблется на задней стѣнѣ эстрады яркій пестрый занавѣсъ съ нарисованными самими институтками чудовищно огромными цвѣтами лотосовъ и головами драконовъ, перевитыми гирляндами змѣй, и изъ приподнявшагося угла его появляется вынырнувшая фигура Ники. На ней длинное коричневое платье, родъ халатика, плотно облегающаго станъ, нѣчто похожее на скромный, почти убогій нарядъ героини оперы Тома—Миньоны. Веревкой, вмѣсто пояса, опоясанъ ея станъ. А каштановые кудри, съ ихъ червоннымъ отливомъ, бѣ-

гутъ и струятся по плечамъ и спинѣ пышными мягкими волнами.

— Какая прелесть!—говоритъ кто-то изъ гостей начальницѣ, склонясь къ креслу генеральши.

— Душка! Ангелъ! Само очарованіе!—пробѣгаетъ по рядамъ, гдѣ сидитъ младшее отдѣленіе институтокъ, оставшихся на рождественскія каникулы, и въ ихъ числѣ «Сказка», она же княжна Заря Ратмирова, мать которой не имѣла возможности взять дѣвочку на Рождество.

Заря, вмѣстѣ съ другими институтками, впивается въ лицо Ники... Многія изъ младшихъ воспитанницъ поклонницы Ники. Ее въ институтѣ всѣ любятъ, иныя обожаютъ. Какъ и въ старое время, процвѣтаетъ въ институтскихъ стѣнахъ пресловутое «обожаніе», хотя надъ нимъ и смѣются болѣе благоразумныя воспитанницы, считая его безспорно уродливымъ явленіемъ. Выражается оно такъ же несложно, какъ и встарь. «Обожательницы» бѣгаютъ за своими «предметами» въ перемѣну между двумя уроками, подносятъ конфеты, цвѣты, пишутъ вензель «обожаемой» всюду, гдѣ можно и гдѣ нельзя, гуляютъ послѣ обѣда съ нею по коридору, а въ большую перемѣну ожидаютъ ея появленіе у дверей.

Никины поклонницы нерѣдко и раньше видѣли Нику танцующей. Часто въ институтской умывальной вечеромъ, пока не гасилась лампа въ дортуарѣ, сбросивъ неуклюжее камлотовое платье и прюнелевую обувь, хорошенькая, жизнерадостная Ника Баянъ носилась въ ей

самой придуманномъ танцѣ-фантазіи. Желаніе, а можетъ быть, даже потребность предаться пляскѣ рождались въ ней неожиданно, внезапно. И она начинала свой фантастической танецъ, приводя въ восторгъ его исполненіемъ не только поклонницъ, но и прибѣгающихъ сюда «чужестранокъ», то-есть воспитанницъ чужихъ отдѣленій, которыя толпились у дверей и любопытными, восторженными глазами слѣдили за юной танцовщицей. Репутація неподражаемой плясуньи, первой по танцамъ, пластикѣ и граціи, прочно и непоколебимо установилась за Никой. Но ничего выученнаго не было въ пляскѣ Баянъ. Про нее можно было смѣло сказать, что плясала она точно такъ, какъ поютъ жаворонки въ воздушномъ морѣ, какъ цвѣтутъ душистые полевые цвѣты на пестрыхъ лугахъ, т. е. повинуясь лишь внутренней силѣ и желанію пляски.

И сейчасъ вдохновенно и легко носилась она по эстрадѣ подъ игру невидимой музыкантши, пристроившейся съ ея инструментомъ за занавѣсомъ. Въ коричневой скромной одеждѣ, съ роскошными кудрями, съ блестящими, какъ два сверкающіе драгоцѣнные камня, глазами, возбуждая всеобщій восторгъ, носилась она, словно быстрая птица, словно воздушая бабочка или сказочный эльфъ. Кто научилъ ее этимъ позамъ, этимъ движеніямъ? Никто. Учитель танцевъ на всѣ обращенные къ нему вопросы по этому поводу только безпомощно разводилъ руками и повторялъ:

— Не я. Не я. Моего тутъ ровно ничего нѣтъ. Это врожденное. М-lle Баянъ одной себѣ обязана этой граціей, этимъ умѣньемъ...

Теперь Ника, какъ вихрь, носилась по красному сукну все быстрѣе и быстрѣе. Вотъ она мчится на самый край эстрады, вся изогнувшись змѣею, съ разгорѣвшимся личикомъ, съ пылающими глазами. Несется подъ звуки музыки, вся — воплощенное вдохновенье, юность, стремительность и красота. И вдругъ останавливается, какъ вкопанная, заломивъ кверху руки, поднявъ къ потолку восторженное лицо. Ея губы улыбаются, глаза блестятъ.

— Она дѣйствительно прекрасна,—замѣчаетъ по-французски кто-то изъ почетныхъ гостей.

Этотъ голосъ, дошедшій до ушей Баянъ и заставившій вспыхнуть отъ удовольствія и радости дѣвушку, покрывается другимъ голосомъ.

Маленькая Глаша вскакиваетъ со стула, на которомъ сидѣла такъ тихо и покорно въ продолженіе цѣлаго часа, и кричитъ на всю залу звонкимъ дѣтскимъ баскомъ:

— Бабуська Ника, сто ты все плясись? Иди луцсе къ намъ. Мнѣ скуцно безъ тебя...

ГЛАВА X.

КТО это? Что это? Откуда этотъ ребенокъ?—появляется фрейлейнъ Брунсъ и, вся красная отъ волненія, налетаетъ на растерявшуюся, перекон-фуженную Шарадзе.

— Это... Это..—лепечетъ взволнованная армянка, не будучи въ силахъ произнести что-нибудь.

— Отвѣчайте, откуда это дитя?

Сидящая рядомъ съ Глашей Валя Балкашина съ видомъ мученицы хватается за флакончикъ съ нюхательными солями. Какъ разъ во-время подоспѣваетъ «Золотая рыбка», за нею «Хризантема» и др.

— Ахъ, фрейлейнъ...—звенитъ стеклянный голосокъ Лиды Тольской.—Боже мой, вѣдь мы же предупреждали васъ, что къ Никѣ Баянъ сегодня пріѣдетъ изъ имѣнія ея маленькая кузина—княжна... княжна... княжна...

Тутъ Тольская запнулась и поблѣднѣла.

— Какая княжна?—спрашиваетъ фрейлейнъ Брунсъ.

— Княжна... княжна Тайна Ин... то есть я хотѣла сказать—Таита, княжна Таита Уленская,—какъ-то радостно прибавила она, вспомнивъ таинственныя буквы въ запискѣ «донны Севильи»: «Т-а-и-та».

— Таита?—съ удивленіемъ переспрашиваетъ Брунсъ.

— Да... у нея странное имя... И въ святцахъ его нѣтъ... Таита.

— Но... но... но, зачѣмъ кричитъ на всю залу ваша княжна?—сердито поблескивая глазами, не унимается фрейлейнъ Брунсъ, хотя явно замѣтно, что она уже нѣсколько сдалась.

— Да вѣдь она маленькая, ничего не понимаетъ...—подоспѣвъ, горячо говоритъ Эля Федорова, и злымъ взглядомъ впивается въ Августу Христіановну.—Всѣ дѣти въ ея возрастѣ кричатъ.

Кто-то фыркаетъ. Толпа институтокъ постепенно сгущается вокругъ спорящихъ.

— Но,—протестуетъ фрейлейнъ Брунсъ,—но это неприлично такъ кричать.

— Фрейлейнъ, но вѣдь этой дѣвочкѣ только пять лѣтъ,—пытается защитить Глашу Эля.

— Какъ васъ зовутъ, дѣвочка,—неожиданно обращается фрейлейнъ Брунсъ къ Глашѣ, какъ бы инстинктомъ почуя нѣчто странное въ появленіи здѣсь этой подозрительной княжны.

— Кто это? Что это?—спрашиваетъ фрейлейнъ Брунсъ...

Глаша видитъ передъ собой чужого человѣка, сердитое красное лицо, недоброжелательные глаза, злую, странную улыбку и робко жмется къ Тамарѣ.

— Меня зовутъ Глася,—шепчетъ она, глядя исподлобья на сердитое красное лицо.

— Wie? Какъ?

— Глася...

— Она ошиблась. Ее зовутъ Зизи, а не Глаша,— совершенно некстати выпаливаетъ Тамара.

— Не Зизи, а Таита,—поправляетъ Тольская.

О, какой уничтожающій взглядъ! Августа Христіановна обдаетъ имъ съ головы до ногъ всю фигуру Тамары, потомъ переводитъ глаза на Глашу.

— Дѣвочка пяти лѣтъ, не знающая своего имени!.. Это что-нибудь да не такъ.

— Mein Kind (мое дитя),—притворно сладко и нѣжно обращается она снова къ Глашѣ и даже проводитъ костлявыми пальцами по ея головкѣ,—ты только сейчасъ пріѣхала сюда или уже давно тутъ? А? Скажи, не бойся, моя крошка!

Нѣжный голосъ и улыбка Брунсъ подкупаютъ Глашу.

— Не, я не пліѣхала. Я отъ дѣдуськи плисла... Бабуську Нику смотлѣла... Голаздъ холосо плясетъ бабуська Ника...—болтаетъ она непринужденно.

— Что-о?

Глаза Августы Христіановны выкатываются отъ неожиданности. Княжна, говорящая совершенно по-де-

ревенски... «Гораздъ»... «Не»... О, ужасъ какой! Смутная догадка появляется въ головѣ нѣмки. Подавивъ въ себѣ все возрастающее волненіе, она обращается опять къ ребенку:

— Дѣточка, поїдемъ въ сторонку. Я тебѣ конфетку дамъ... Здѣсь тебѣ неудобно, жарко...

— Ладно...—слышится довольный голосокъ.

О, это «ладно»!.. Оно погубило все дѣло. Маленькая аристократка—и «ладно»! Такъ княжны не говорятъ! Это не можетъ быть княжна. Да и лицо у этой дѣвочки простое. Въ немъ нѣтъ ни капли «аристократичности».

Лицо Августы Христіановны багровѣетъ. Торжествующимъ взоромъ обводитъ она сузившійся вокругъ нихъ кружокъ выпускныхъ.

Еще минута, и она готова кинуться къ начальницѣ, къ инспектрисѣ. Зачѣмъ? Почему?—она и сама не отдаетъ себѣ отчета. Знаетъ и чувствуетъ только одно: эта маленькая смѣшная дѣвочка въ розовомъ платьѣ не княжна вовсе, не то, за кого ее выдаютъ. Здѣсь кроется какая-то тайна, какой-то заговоръ, какія-то новыя глупыя проказы, которыя необходимо разоблачить. Не даромъ же у воспитанницъ такія растерянныя, испуганныя лица. О, это надо вывести на чистую воду, надо во что бы то ни стало. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, да...

Августа Христіановна смотритъ мгновенье на бѣлобрысую, завитую барашкомъ головку. Смотритъ въ

упоръ на курносое бойкое личико и черные, смѣло поднятые на нее глазенки и спрашиваетъ, кладя одну руку на плечо Глаши, а другою гладя ея свѣтлые льняные кудерьки.

— Откуда же ты, дѣвочка? Гдѣ твоя мама?

Глаша оглядывается съ ей одной свойственной живостью и, замѣтя въ толпѣ выпускныхъ блѣдное спокойное личико Мари Веселовской, бросается къ ней, хватаетъ ее за руку и тащитъ предъ лицо классной дамы.

— Вотъ моя мама! Вотъ!—лепечетъ она съ довольнымъ радостнымъ видомъ и тянется къ смущенной Земфирѣ за поцѣлуемъ.

Эффектъ получается чрезвычайный. Мгновенно наступаетъ мертвая тишина. Все еще багрово-красная фрейлейнъ Брунсъ теперь бросается къ Мари.

— Почему она васъ такъ называетъ, почему? Скажите и, сама того не замѣчая, вцѣпляется въ полную руку дѣвушки костлявыми пальцами.

— Ха, ха, ха!—неожиданно раздается смѣхъ, заразительный и веселый, сразу возвращающій всѣмъ хорошее, свѣтлое настроеніе.—Фрейлейнъ Брунсъ, успокойтесь...—говоритъ «Алеко», неожиданно появляясь, звеня металлическими запястьями и ожерельями—принадлежностью костюма цыганки,—маленькая княжна Таита воспитывалась въ деревнѣ, играла съ деревенскими дѣтьми и неудивительно, что ея манеры и говоръ

немножечко того... хромаютъ... Ее даже Глашей прозвали, вполнѣ по-деревенски, за эти манеры, въ шутку въ родной семьѣ. И рѣшили ее перевоспитать. Съ этой цѣлью она приходитъ къ Никѣ Баянъ каждое воскресенье, во время пріемовъ, и многія изъ насъ сидятъ съ нею и учатъ ее манерамъ. Каждая изъ насъ притомъ взяла на себя роль ея воспитательницы. Мари Веселовская—ея мама (такую игру придумали мы всѣ сообща), я—папа, Тамара Теръ-Дуярова — дѣдушка, Баянъ—бабушка...

— Совершенно вѣрно, я бабушка!—кричитъ подоспѣвшая Ника и смѣется всѣми ямочками своего очаровательнаго подвижнаго лица.

— Бабуська Ника! Бабуська,—радостно смѣется и бросается къ ней на грудь Глаша.

— И притомъ самая очаровательная бабушка, какую кто-либо встрѣчалъ въ мірѣ!—слышится позади нея пріятный мужской баритонъ.

Всѣ оборачиваются и разступаются передъ красивой рослой молодой парой. Это Зоя Львовна Калинина подъ руку съ братомъ-докторомъ вступаетъ въ кругъ воспитанницъ.

Словно нѣчто свыше осѣняетъ въ этотъ моментъ голову Ники. Она бросается къ молодой наставницѣ, заранѣе предупрежденной ею о посѣщеніи «Тайной» институтскаго вечера и, побѣждая охватившее ее волненіе, весело говоритъ:

— Зоя Львовна, дорогая, дуся наша, заступитесь хоть вы за насъ. Фрейлейнъ Брунсъ почему-то намъ не довѣряетъ. Находитъ положеніе княжны нелегальнымъ въ этой залѣ. Скажите же Августѣ Христіановнѣ, что вы тоже знаете эту ни въ чемъ неповинную крошку, и защитите ее.

— А кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться? Знаю ее и очень люблю. Пойди сюда, маленькая.

И Зоя Львовна беретъ на руки и прижимаетъ къ груди довѣрчиво отдавшуюся ея ласкѣ Глашу.

Теперь очередь смущаться за Августой Христіановной. Разъ сама Зоя Львовна знаетъ эту маленькую дѣвочку, подошедшую къ ней, какъ къ старой знакомой—ей нечего волноваться. Все законно, все правильно, все, какъ надо. Ничто не идетъ въ разрѣзъ съ разъ навсегда установленными правилами института. Все еще смущенная, обводитъ она глазами толпившихся вокругъ нея воспитанницъ, лепечетъ какой-то комплиментъ Зоѣ Львовнѣ и скрывается въ толпѣ.

— Слава Богу, спасены!—вырывается однимъ общимъ вздохомъ.

— Надолго ли?

— Пойдемъ-ка лучше отъ грѣха подальше, Таиночка, дамъ я тебѣ конфетъ и фруктовъ, да отведу къ Ефиму.— И Шарадзе, подхвативъ на руки заупрямившуюся было Глашу, исчезаетъ вмѣстѣ съ нею изъ залы.

А въ дальнемъ углу маленькій таперъ ударяетъ ру-

ками по клавишамъ рояля, и мотивъ моднаго вальса уже звучитъ подъ сводами огромной комнаты.

— Mademoiselle Баянъ, разрѣшите васъ просить на туръ.

Темная энергичная голова Дмитрія Львовича Калинина низко склоняется передъ Никой. Дѣвушка непринужденно кладетъ ему на плечо свою маленькую руку, и они несутся по залѣ.

Звуки вальса смѣются и поютъ, радостно волнуя молодыя души. Быстро кружатся, открывая первой парой вечеръ, Ника и Дмитрій Львовичъ. Всѣ невольно любуются ими, и maman, и почетные опекуны, и учителя. О, какъ весело такъ кружиться, чувствуя на себѣ любующіеся взгляды! Ника не тщеславна, нѣтъ, но сейчасъ, когда всѣ глаза устремлены на нее, ея самолюбіе пріятно затронуто всеобщимъ вниманіемъ.

— Ахъ,—неожиданно вспоминаетъ она,—я и забыла поблагодарить васъ какъ слѣдуетъ за спасеніе нашей Таиточки, за ея лѣченіе. Зоя Львовна передала вамъ наше письмо. Теперь я еще разъ благодарю васъ за Таиточку, докторъ.

— За кого?—удивленно, не переставая кружиться, спрашиваетъ молодой врачъ.

— За Таиточку, Глашу... Вы ее спасли тогда. Мы послали вамъ наше коллективное благодарственное письмо. Теперь я благодарю васъ отъ всей души уже лично...— говоритъ она серьезнымъ, прочувствованнымъ голосомъ.

Ника благодарила молодого доктора за спасеніе дѣвочки, а онъ говорилъ улыбаясь:

— Я тутъ не при чемъ. Здоровая натура, здоровый желудокъ сдѣлали тутъ много больше, чѣмъ я. Да и потомъ вы лично меня тоже уже поблагодарили.

— Когда?

Глаза Ники раскрываются широко удивленнымъ взглядомъ.

— Ну да, поблагодарили,—повторилъ онъ,—еще сегодня, когда танцовали вашъ танецъ въ этой коричневатой хламидѣ. О, это была цѣлая поэма! Огромное наслажденіе доставили вы мнѣ вашимъ танцемъ. И не только мнѣ, но и всѣмъ присутствующимъ въ этой залѣ. Мы квиты, такимъ образомъ, m-lle Ника. Вы разрѣшите мнѣ назвать васъ такъ?

Какъ хорошо, какъ тепло звучитъ его голосъ! Какъ ласково смотрятъ на нее его большіе, добрые, сѣрые глаза. И Никѣ кажется, что это не вальсъ звучитъ подъ искусными руками тапера, а пѣсня эльфовъ въ тихую лунную ночь... И душа ея поетъ отвѣтной пѣснью, такъ радостно и легко у нея на сердцѣ сейчасъ.

— Благодарю васъ,—слышитъ она, словно издалека тотъ же бархатный голосъ, и сказка обрывается на полусловѣ.

Она сидитъ въ уголку на стулѣ въ своемъ коричневомъ платьѣ Миньоны, съ распущенными по плечамъ

кудрями, а ея бальный кавалеръ уже далеко. Вотъ онъ подходитъ къ своей сестрѣ Зоѣ Львовнѣ и что-то оживленно говоритъ ей. И оба, обернувшись въ сторону Ники, смотрятъ на нее издали черезъ всю залу.

— Хороша, нечего сказать, сама танцуетъ, а о насъ и забыла,—слышитъ вдругъ, словно во снѣ, Ника сердитые голоса и точно просыпается сразу.

Вокругъ нея тѣснятся Наташа Браунъ, «Хризантема», «Золотая рыбка», «Дорогая моя», Маша Лихачева и вернувшаяся изъ сторожки Шарадзе.

— Ты танцуешь, а о другихъ и думать совсѣмъ забыла!

— Да что такое? Въ чемъ моя вина?

— А въ томъ,—сердито звенитъ своимъ стекляннымъ голоскомъ «Золотая рыбка»,—что ты эгоистка, вотъ и все. У тебя докторъ и два брата, и не думаешь ихъ намъ представлять.

— Ага, такъ вотъ что!—приходитъ въ себя сразу Ника и, быстро вскочивъ со своего мѣста, несется черезъ залу въ тотъ уголъ, гдѣ темнѣютъ мундиры военныхъ и учащейся молодежи.

—Вовка,—ловитъ она за рукавъ по пути маленькаго толстенькаго румянаго кадета.—Вовка, и ни съ моими одноклассницами танцовать. Я тебя представлю.

— Ника! Ника!—говоритъ мальчикъ, восторженно глядя на сестру,—какъ здорово ты плясала нынче. И кто тебя этому научилъ?

— Никто не научилъ. Это случайно, Вовка. А что, хорошо развѣ?

— Помилуй Богъ, хорошо. Здорово хорошо, Никушка. Это, знаешь, по-нашему, по-суворовскому, по-солдатски выходитъ.

— То-есть, какъ же это? По-солдатски? Значитъ, безъ малѣйшей граціи?—смѣется дѣвушка.

— Ну, вотъ и врешь!

Вовка Баянъ, пятнадцатилѣтній упитанный мальчуганъ-кадетикъ, начинаетъ раздражаться.

— Ужъ эти дѣвчонки! Никогда не могутъ понять самую соль дѣла...

Самъ Вова, по натурѣ, настоящій солдатъ, и все солдатское ему по душѣ, по сердцу. И если онъ хочетъ одобрить, похвалить что-нибудь, то лучшей похвалы, какъ сравнить угодившаго ему чѣмъ-либо человѣка съ солдатомъ, Вова не можетъ находить. Идеалъ этого румянаго, всѣмъ и всѣми всегда довольнаго жизнерадостнаго кадетика—Суворовъ. Великій русскій полководецъ всегда былъ чѣмъ-то высшимъ, неземнымъ и прекраснымъ въ мечтахъ Вовы. Геній Суворова болѣе всѣхъ другихъ героевъ отечественной исторіи увлекалъ мальчика. И Вова старался во всемъ подражать своему идеалу. Онъ употреблялъ суворовскія словечки и выраженія, ѣлъ грубую пищу, не выносилъ зеркалъ, на каждой фразѣ прибавлялъ, кстати и некстати, знаменитое суворовское «Помилуй Богъ»—и мечталъ о будущей славѣ,

если не о такой яркой и геніальной, какую стяжалъ себѣ великій русскій полководецъ, то хотя бы о маленькой и ничтожной славѣ, которую онъ надѣялся себѣ снискать на войнѣ.

— Послушай, Никушка, ты меня не веди къ старшимъ воспитанницамъ — онѣ важничаютъ, помилуй Богъ, небось, а я вѣдь солдатъ, ѣмъ щи да кашу и рѣжу правду-матку, какъ Александръ Васильевичъ, — шопотомъ робко говорилъ Вова, нехотя проходя съ сестрою въ противоположный уголъ залы, гдѣ поджидала его уже группа выпускныхъ институтокъ. — Я лучше къ маленькимъ пойду. Я боюсь, помилуй Богъ...—совсѣмъ уже струсилъ кадетикъ по мѣрѣ приближенія къ нимъ.

— Боюсь?! А еще солдатъ! Стыдись! — хохотала Ника.

— Ты поменьше ростомъ хоть выбери. Я самъ невеликъ...—хватался за послѣднюю соломинку, какъ утопающій, Вова.

— Молчи ужъ, хорошо! Вонъ «Золотая рыбка», къ ней и поведу... Лидочка, представляю тебѣ сего мужественнаго воина. Это мой братъ—Суворовъ нумеръ второй. Заранѣе извиняюсь, если онъ съ граціей гиппопотама будетъ наступать тебѣ на пальцы во время вальса,—заразительно смѣясь, говоритъ Ника Лидѣ Тольской, слегка подталкивая къ ней вспыхнувшаго до ушей Вову.

Тотъ неуклюже поклонился и обхватилъ талію дѣвушки.

— Вы какой вальсъ танцуете?—мрачно обратился маленькій Суворовъ къ своей дамѣ.

— Только Вѣнскій, конечно.

— Какъ же быть-то? А я только въ три па, помилуй Богъ.

— Ну, давайте, помилуй Богъ, въ три па...—Засмѣялась Тольская.

— А вы славная. Сразу съ вами легко. Не кисейная барышня, нисколько. Ну, помилуй Богъ, валяйте.

— Что? Ха-ха-ха!

И они весело, бѣшенымъ темпомъ закружились подъ музыку. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Вова окончательно расхрабрился.

— Помилуй Богъ, здорово хорошо!.. Теперь другимъ подругамъ представьте. Не страшно. Ника права: солдатъ долженъ быть храбръ,—доставляя на мѣсто «Золотую рыбку»,—произнесъ онъ, отдуваясь.

— Вотъ, Капочка Малиновская свободна. Я васъ представлю ей.

И Лида Тольская не дожидаясь отвѣта, повела Вову къ сумрачно пріютившейся въ углу Камилавкѣ.

— Позвольте просить, — расшаркался передъ нею Вова.

— Да что вы? За кого вы меня считаете? Что, я бѣса тѣшить стану, грѣхъ и ересь разводить? Танцуйте

съ другими. Меня въ покоѣ оставьте,—со злыми глазами, накинулась на него Малиновская.

Вова смутился. «Золотая рыбка» сконфузилась.

— Что это она? Развѣ я провинился, помилуй Богъ, передъ ней...—смущенно пробормоталъ мальчикъ.—Зачѣмъ она сердится?—зашепталъ онъ Лидѣ, отступая уже совсѣмъ не по-суворовски отъ Малиновской.

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойтесь, Капочка всегда такая. Простить себѣ не могу, что забыла ея «принципы» и подвела васъ къ ней...—лепетала сконфуженная не менѣе «второго Суворова» «Золотая рыбка». — Оставьте ее и протанцуемъ еще туръ со мною.

— Вотъ это я понимаю. Это по-нашему, по-суворовски.

И Вова закружился снова по залѣ со своей прежней дамой. Теперь они болтали безумолку, и мальчикъ узналъ черезъ двѣ минуты, что у его юной дамы есть аквaріумъ въ дортуарѣ, гдѣ живутъ два живые тритона и три золотыя рыбки. Узналъ тоже, что институтская «maman»—прелесть и само «очарованіе», а «Ханжа» порядочное «ничтожество» и что далеко не всѣ синявки—«фуріи и палачихи». Вотъ Зоя Львовна, напримѣръ, ангелъ и сама доброта. «Четырехмѣстная карета»—ничего себѣ, и многія другія...

Вова, въ свою очередь, въ долгу не остался и разсказалъ всѣ корпусныя новости, повѣрилъ кое-какія мечты о будущемъ, больше о войнѣ и походахъ, и въ

заключеніе отвѣсилъ такой комплиментъ «Золотой рыбкѣ», отъ котораго дѣвушка расхохоталась отъ души.

— А вы, помилуй Богъ, совсѣмъ свой братъ солдатъ, и съ вами мы точно пять лѣтъ знакомы.

Въ это время Ника стояла подлѣ своего старшаго брата Сергѣя.

— Пожалуйста, Сережа, протанцуй съ «невѣстой Надсона»,—просила она самымъ убѣдительнымъ образомъ молодого студента.

— Съ кѣмъ, Никушка, съ кѣмъ?—засмѣялся тотъ.

— Съ Наташей Браунъ. Она поклонница Надсона, и мы ее всѣ такъ называемъ.

— Но, голубушка моя, не та ли это мечтательная дѣвица, которая читала съ эстрады?.. Она такъ тонка и эфирна, такъ поэтична и легка, что я боюсь, увлечетъ меня, того и гляди, на самое небо. А оттуда, Никушка, сама знаешь, нѣтъ возврата,—смѣясь, отговаривался Сергѣй.

— Ну, тогда съ Машей Лихачевой.

— Ой, уволь, родная. Твоя Маша такъ всегда шипромъ продушена, что у меня при встрѣчѣ съ нею долго потомъ голова болитъ,—смѣялся, зная всѣ слабости и грѣшки институтокъ, Сережа Баянъ.

— Ну, съ Капой...

— Это съ «грѣхомъ»-то и «ересью»? Спаси меня Господь!

— Ну, такъ съ кѣмъ хочешь, Сережа, только съ

нашими танцуй. Не смѣй приглашать чужестранокъ, вторыхъ и третьихъ, и съ папиньерками тоже не надо танцовать,—уже волнуясь, говорила Ника.

— Но почему, смѣю спросить?

— Это будетъ измѣной моему классу, понимаешь? Ты—мой братъ и долженъ соблюдать наши интересы. Я сама смѣюсь надъ этимъ, но что дѣлать: съ волками жить—по-волчьи выть.

— Ага, понимаю,—совсѣмъ уже расхохотался Сергѣй.

— У тѣхъ есть свои собственные кавалеры,—докончила Ника.

— Несчастные... И на нихъ установлена «монополія». Послушай, а m-lle Чернова и Веселовская здѣсь?

— Онѣ уже танцуютъ. Пригласи другихъ.

— Жаль. Мнѣ онѣ нравятся больше другихъ. «Алеко» и «Земфира», такъ кажется?

— Какая у тебя память! Ты помнишь прозвища всѣхъ нашихъ!

— А кто это? Какая хорошенькая. Что это она, кажется спитъ?—и глаза Сергѣя Баянъ, обѣгавшіе разсѣянно залу, вдругъ останавливаются съ насмѣшливымъ любопытствомъ на сидящей позади нихъ въ уголку скамьи дѣвичьей фигурѣ. Ему сразу бросается въ глаза точеное, съ правильными чертами личико, сомкнутыя вѣки, длинныя рѣсницы.

— Ха-ха-ха!—смѣется Ника.—Да это «Спящая

красавица». Развѣ ты не помнишь? Та самая, которая уснула разъ на пріемѣ. Всѣ смѣялись тогда... А разъ она на французскомъ урокѣ захрапѣла. Нашъ французъ испугался, думалъ съ нею обморокъ. Потащили Неточку въ лазаретъ, а она проснулась и ничуть не сконфузилась, представь, ничуть. Такая апатичная, спокойная и сонная, совсѣмъ спящая царевна.

— Ну постараемся разбудить вашу спящую царевну. Авось, удастся,—произнесъ съ улыбкой Сергѣй и направился рѣшительными шагами къ задремавшей Неточкѣ.

— M-lle, позвольте васъ просить на туръ вальса?

Сѣрые глаза Неты раскрылись широко и съ изумленіемъ остановили свой взглядъ на лицѣ молодого студента.

— Я, кажется, уснула. Вечеръ еще не кончился,— апатично и сонно протянула Нета.

— Боже мой, да вѣдь это вы, кажется, исполняли арію Татьяны сегодня и вы же продавали билеты на концертъ?—въ свою очередь изумленно произнесъ Сережа.

— Я. Ну, такъ что же?

— Ну, какъ же вы можете спать? Послѣ такого прекраснаго безукоризненнаго исполненія?

— А развѣ оно было прекраснымъ?—не то съ удивленіемъ, не то съ недовѣріемъ произнесла Козельская.

— Нѣтъ Неточка, ты прелесть что такое! Такая не-

посредственность въ нашъ вѣкъ!—и Ника Баянъ чмокнула налету подругу.—Сергѣй, займи ее хорошенько. Кстати, пригласи на контрдансъ!—крикнула она брату, исчезая съ быстротой мотылька въ толпѣ приглашенныхъ.

— А мнѣ разрѣшите протанцовать съ вами?—услышала въ тотъ же мигъ молодая дѣвушка уже знакомый ей голосъ за спиною.

— Ахъ, это вы, докторъ! А я было потеряла васъ изъ виду, — обрадовалась Ника, увидя передъ собой красивое, веселое лицо Дмитрія Львовича.

— Увы! Это удѣлъ всѣхъ насъ простыхъ смертныхъ!—съ дѣланнымъ паѳосомъ шутливо воскликнулъ тотъ.—Что же касается меня, то я не упускалъ васъ изъ виду ни на одну минуту. Я видѣлъ, какъ вамъ расточало похвалы начальство, слышалъ, какъ отзывались о васъ опекуны, учителя и порадовался заодно съ вами.

— Правда? Какой вы добрый и милый!—искренно сорвалось съ губокъ Ники.

«Если я добрый и милый, то вы—сама прелесть,—хотѣлось сказать молодому врачу,—и я никогда въ жизни не встрѣчалъ еще такой милой, славной, непосредственной дѣвушки». Но такая фраза могла бы оказаться некорректной и противной правиламъ благовоспитанности, и потому Дмитрій Львовичъ удовольствовался вопросомъ, обращеннымъ къ своей юной дамѣ:

— Вамъ весело сегодня, неправда ли?

— Ужасно весело! Какъ никогда!

Никѣ, дѣйствительно, было весело сегодня. Беззаботная радость наполняла все ея существо. Звуки кадрили, вылетающіе изъ-подъ привычныхъ быстрыхъ пальцевъ тапера, поднимали настроеніе. Докторъ былъ такимъ разговорчивымъ и остроумнымъ. А только что расточаемыя передъ нею похвалы учителей и начальства ея искусству совсѣмъ вскружили ея каштановую головку.

— Смотрите, смотрите, что сей сонъ означаетъ?— провожая ее на мѣсто послѣ первой фигуры, удивленно глядя куда-то въ бокъ, обратился къ Никѣ Дмитрій Львовичъ.

Дѣвушка взглянула по тому же направленію и вспыхнула, какъ говорится, до корней волосъ.

— Что такое? Чѣмъ она васъ смутила?

Но Ника не отвѣчала. Ея глаза приковались къ одной точкѣ. Лицо потеряло сразу веселое, беззаботное выраженіе.

Два сине-сѣрые глаза смотрѣли на нее въ упоръ, злымъ взглядомъ, не мигая, явно негодуя и чѣмъ-то угрожая. Тонкія губы кривились въ презрительную усмѣшку.

— Это еще что за статуя молчанія?—недоумѣвалъ Калининъ.

— Это «Сказка».

— Что-о-о-о?..—вырвалось у него комическимъ басомъ.

— «Сказка». Ее такъ прозвали. Настоящее ея имя княжна Заря Ратмирова.

— Турчанка?

— Нѣтъ, русская...

— Но Заря... Заря... Это пахнетъ Магометомъ.

— Ха-ха-ха! Пахнетъ!

— Ну, вотъ вы и разсѣялись. А я уже думалъ, что это «мрачная повѣсть»...

— «Сказка»! «Сказка»!—хохотала уже Ника, снова пріобрѣтая свое прежнее веселое настроеніе.

— Но почему она «Сказка», а не новелла, не стихотвореніе въ прозѣ, напримѣръ? — допытывался докторъ.

— А развѣ вы сами не находите въ ея внѣшности какого-то своеобразнаго таинственнаго оттѣнка, чего-то не отъ міра сего, особеннаго, исключительнаго и красиваго, какъ сказка?

— Воля ваша, не вижу, не вижу ничего. Въ васъ самой, если уже на то пошло, гораздо больше сказочности, нежели въ ней.

Ника покраснѣла. Въ это время позади нея послышался явственный шопотъ:

— Баянъ... Ника... Когда кончится кадриль, придите ко мнѣ.

— Хорошо, Заря.

— Что сообщила вамъ ваша пьеса?—поинтересовался докторъ Калининъ.

— «Сказка» же, а не пьеса, говорятъ вамъ. Она зоветъ меня къ себѣ послѣ кадрили.

— Она вашего класса, эта беллетристика со злыми глазами?

— Нѣтъ... ха-ха-ха... Второго.

— Но вы дружны съ нею? Подруги?

— О, нѣтъ. Мы просто обожаемъ другъ друга.

— Что это значитъ?

— А, вы не знаете? Я вамъ сейчасъ объясню.— И, продѣлавъ положенное второю фигурою па, Ника самымъ серьезнымъ образомъ стала пояснять Дмитрію Львовичу, что значитъ на институтскомъ языкѣ «обожать»—подносить цвѣты и конфеты своему «предмету», гулять съ нимъ парой въ рекреаціи, писать письма на раздушенныхъ бумажкахъ, выписывать или выцарапывать въ честь ея вензель на рукѣ...

— Боже, какъ трогательно!—вскричалъ патетически докторъ.—Неужели же и вы, такая умница, вотъ съ этими чудесными глазками, съ этой логичной головкой также выцарапываете вензеля и подносите цвѣты вашей «пассіи»?—смѣясь, допытывался онъ у дѣвушки.

— Ну, положимъ, вензеля я не выцарапывала, а розы подношу... иногда,—краснѣя говорила Ника.

Онъ не успѣлъ возразить ей, потому что музыка заиграла въ эту минуту снова, и они поднялись съ мѣста для новой фигуры кадрили.

* * *

— Вижу, Ника, что вы совсѣмъ позабыли меня. Я не спускала глазъ съ вашего лица, пока вы танцовали на эстрадѣ. Я любовалась вами все время. А вы ни одного раза даже не взглянули на меня. Потомъ я послала Мару за вами, а вы не пришли. Еще бы, такой талантъ! Такая знаменитость! До васъ рукой теперь не достать. Вы всѣхъ очаровали вашими танцами.

Голосъ княжны Зари Ратмировой дрожитъ и обрывается отъ волненія каждую минуту. А лицо ея, всегда таинственное, теперь словно сбросило съ себя маску. Она сердится. Глаза ея, такъ плѣнявшіе еще недавно своей загадочностью Нику, сейчасъ странно округлились отъ гнѣва и стали какъ у птицы и губы у нея дрожатъ.

Ника смотритъ въ это лицо, еще недавно такое обаятельное въ своемъ спокойномъ молчаніи, а теперь потерявшее вдругъ всю прелесть.

«Совсѣмъ другая Заря... Завистливая, обыкновенная, какъ всѣ...—мелькаетъ въ головкѣ Баянъ.—И что я находила въ ней раньше особеннаго?.. И эти круглые злые глаза... Да она похожа сейчасъ на сову... Сова, точно сова...»

* * *

Уже давно затихла музыка. Разъѣхались гости. Вечеръ-концертъ закончился. Институтки разошлись по своимъ спальнямъ. Всѣ спятъ. Только Ника и Заря

Ратмирова притаились у коридорнаго окна и шопотомъ ведутъ бесѣду.

— Нехорошо, Ника, нехорошо,—снова подхватываетъ Заря,—забыли вы меня совсѣмъ. То тайны у васъ какія-то выискались, цѣлыми днями шепчетесь со своими одноклассницами, о чемъ-то хлопочете, куда-то носитесь; то теперь любезничаете съ этимъ докторомъ, то возитесь съ какой-то невозможной дѣвчонкой. А для меня у васъ не находится ни одной свободной минуты. А я васъ такъ люблю...

Ника смотритъ большими глазами на Ратмирову и только сейчасъ замѣчаетъ всю дѣланность ея тона, всю разсчитанность и размѣренность жестовъ и эти глаза, такъ нравившіеся ей раньше, а теперь горящіе злымъ огонькомъ, глаза совы. Гдѣ же «Сказка»? Гдѣ таинственная прелесть этой самой Зари? Куда она скрылась сейчасъ? И какъ съ ней скучно въ сущности... Не о чемъ говорить. Или она молчитъ, или говоритъ о пустякахъ, упрекаетъ ее, Нику.

И непосредственная, какъ всегда и всюду со всѣми, Ника говоритъ, «рѣжетъ правду-матку», какъ сказалъ бы про нее ея братъ Вова:

— Знаете что, Заря: не находите ли вы, что все это пресловутое обожаніе—одинъ смѣхъ и пустота. Вся эта бѣготня другъ за другомъ, свиданія на лѣстницахъ, все это—чушь и ерунда. Вотъ недавно вы, напримѣръ, выцарапали мое имя у себя на рукѣ. Но вѣдь это же

смѣшно и ненормально. Можно любить другъ друга, но зачѣмъ причинять себѣ боль. Зоя Львовна смѣялась какъ-то надъ этими вензелями...

— Ну, она надъ всѣми смѣется.

— Неправда, Заря. Она—само великодушіе и честность, ваша Калинина. И такая на рѣдкость здоровая натура! Нельзя не цѣнить ее.

— Ну и обожайте ее, если она вамъ нравится,— сердито и дерзко срывается у княжны.

— Я никого не буду обожать, Заря. Я нахожу, что это дико и смѣшно. Я очень дорожу вами, но прежнее отношеніе наше другъ къ другу должно прекратиться. Это такая глупость, повторяю—вся наша бѣготня младшихъ за старшими.

— Но вы этого не находили раньше — иронизируетъ княжна.

— Потому что я раньше была иная. А сегодня точно прозрѣла.

— Направда! — кричитъ Ратмирова и топаетъ ногой.—Вы просто заважничали—весь институтъ носится съ вами... До насъ ли вамъ теперь?

И, говоря это, она презрительно кривитъ губы, вскидываетъ на Нику злые глаза и кричитъ ей въ упоръ, замѣтно блѣднѣя всѣмъ своимъ измѣнившимся отъ гнѣва лицомъ:

— И потомъ, ваша противная Тайна, какъ вы ее тамъ называете, Таита, что-ли отняла васъ отъ меня совсѣмъ!

Какимъ образомъ вы узнали?—срывается у Ники...

— Что? Откуда вы знаете? Заря! Заря!

Ноги Ники подкашиваются, и она, помимо собственной воли, опускается на подоконникъ.

Какъ? Ихъ Тайна перестала быть тайной?.. Заря узнала о ней все, а заодно съ нею, можетъ быть, и весь ея классъ.

— Откуда? Какимъ образомъ вы узнали? — срывается у Ники Баянъ безнадежнымъ, полнымъ отчаянія, звукомъ.

Княжна Ратмирова смотритъ теперь насмѣшливо на свою собесѣдницу, точно забавляясь ея смущеніемъ. Потомъ она скрещиваетъ руки на груди и злорадно говоритъ:

— Да, я знаю все. Знаю, что вы, первыя, прячете какую-то дѣвочку въ сторожкѣ Ефима. Знаю, что каждую свободную минуту бѣгаете ее навѣщать. Знаю, наконецъ, что носятся ей обѣды ежедневно. И еще больше того знаю: сегодняшній вечеръ вашъ былъ устроенъ въ ея пользу, и она сама на немъ присутствовала подъ видомъ вашей маленькой родственницы, и вы всѣ старались называть ее загадочнымъ именемъ «Та-и и-та», что означаетъ «Тайна института»..

— Боже мой, откуда вы, Заря, это знаете? Откуда?— въ отчаяніи лепечетъ Ника. — Вѣдь никто вамъ этого не говорилъ.

— Конечно, но вы забываете, что я очень люблю васъ, Ника, что я очень привязалась къ вамъ и, увидя,

что вы всячески стали избѣгать моей дружбы, я стала слѣдить за вами, выслѣдила и узнала все.

— Какая низость!.. И это сдѣлали вы, которую я такъ уважала и цѣнила всегда!

— И которую вы промѣняли на эту глупую бѣлобрысую дѣвчонку... О, Ника, я ненавижу ее всей душой за то, что она такъ безсовѣстно отняла васъ отъ меня.

Тутъ Заря не выдерживаетъ и рыдаетъ неудержимо.

Никѣ Баянъ немного жаль сейчасъ эту дѣвушку, всегда такую сдержанную и молчаливую до сихъ поръ. Но ей еще страшнѣе за участь Тайны, Ефима, Стеши. Что, если княжна Заря, разсерженная на нее, Нику, кому-нибудь разскажетъ о существованіи Глаши? Вѣдь тогда всѣ онѣ пропали, пропали совсѣмъ...

— Заря... Послушайте... Да не плачьте же, не плачьте, ради Бога... Вы будете молчать? Не правда ли. Никто не узнаетъ отъ васъ объ этой маленькой дѣвочкѣ? Вѣдь не узнаютъ, Заря?

— За ко-го... вы ме-ня... прини-ма..ете... Въ роду Ратмировыхъ не было никогда предателей,—нашла въ себѣ силы вымолвить сквозь слезы княжна.

— Но вы, вѣдь, не лишите меня вашего общества, Ника,—добавляетъ она робко чрезъ минуту.

— Ахъ, Заря, только не на прежнихъ условіяхъ,— срывается непосредственно у Ники.

— Нѣтъ, именно на прежнихъ! Непремѣнно на

прежнихъ! Я хочу, чтобы всѣ институтки знали, что красавица, умница и талантъ Ника Баянъ отвѣчаетъ мнѣ на мое обожаніе.

— Нѣтъ, этого не будетъ... Я же говорю вамъ, что все это дико и глупо, Заря,—бросаетъ Ника, возмущенная упрямствомъ княжны.

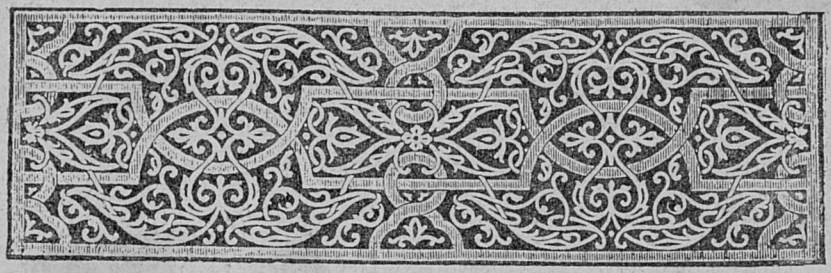
— Такъ!.. Ну, тогда не пеняйте на меня. Я ни за что не ручаюсь, если меня разозлятъ окончательно.

— Какая гнусность!.. — вырывается у Ники, и съ жестомъ негодованія она отходитъ отъ княжны.

— Никочка! Никочка! Я пошутила. Погодите. Постойте, Никочка... — слышится ей отчаянный шопотъ Ратмировой.

Но Ника молчитъ и быстрыми шагами уходитъ въ даль коридора. Ей не о чемъ больше говорить съ княжной. Вся душа ее протестуетъ и дрожитъ негодованіемъ отъ ея угрозы. И образъ молчаливой, красивой и таинственной «Сказки» смѣняется новымъ, злымъ и такъ недостойно угрожавшимъ ей только что новымъ образомъ.

«Нѣтъ, никогда уже послѣ такихъ словъ не вернусь я къ тебѣ, Заря, — мысленно проносится въ головѣ Ники.—Кончена дружба наша, и моя прекрасная таинственная «Сказка» разъ навсегда исчезла для меня».



ГЛАВА XI.

КАКЪ вихрь промчались рождественскія каникулы въ институтѣ. Однимъ сплошнымъ праздникомъ оказались онѣ для выпускныхъ. Цѣлую вереницу самыхъ разнородныхъ впечатлѣній пережили за время ихъ институтки. Ѣздили въ театръ, костюмировались подъ Новый Годъ, устраивали елку, гадали и снова ѣздили всѣмъ классомъ въ циркъ. Къ счастью, Августа Христіановна Брунсъ временно, до десятаго января, сдала дежурство m-lle Оль, и лишенныя, такимъ образомъ, чрезмѣрно бдительнаго надзора, воспитанницы могли вздохнуть свободнѣе. Впрочемъ, до начала занятій времени оставалось уже немного; восьмого должны были съѣхаться институтки, проводившія рождественскія каникулы дома. А теперь уже незамѣтно подкралось 4-е января—канунъ крещенскаго сочельника.

— Mesdames, знаете какой сегодня день? — едва

успѣвъ открыть глаза, крикнула на весь дортуаръ Шарадзе 4-го утромъ.

— Тише, дай спать, Тамара! Что за безобразіе будить народъ до пѣтуховъ! — послышался недовольный голосъ Козельской.

— Ну, милочка, для тебя особенные пѣтухи должны пѣть—послѣобѣденные. Ты никогда не выспишься...— засмѣялся кто-то.

— А день-то сегодня все-таки особенный, mesdames'очки. Придетъ нынче наша «донна Севилья» и принесетъ все, что нужно для нашей Тайночки: и бѣлье, и шубку, и сапожки.

— И книжку сберегательной кассы принесетъ, на которую мы положили вырученныя отъ концерта деньги для нашей общей дочки, для дорогой Таиточки.

Съ тѣхъ поръ, какъ «донна Севилья» въ своей запискѣ о болѣзни Глаши примѣнила таинственныя буквы «Т—а и—та», за нею и всѣ въ своихъ запискахъ, слѣдуя ея примѣру, вмѣсто «Глаша» или «Тайна» стали писать «Т—а и—та», а въ разговорѣ между собою называли «Таитою» же и Глашу, что должно было означать Тайна института. Особенно нравилось это имя «доннѣ Севильѣ».

— Въ немъ есть что-то испанское,—часто повторяла она.

— «Алеко», только ты не потеряй книжку. Береги, какъ зѣницу ока. Не даромъ же мы тебя выбрали въ казначеи,—послышался чей-то звонкій молодой голосъ.

— Что такое? Кто мое имя произноситъ всуе?— И всклокоченная кудрявая голова черненькаго «Алеко» съ сожалѣніемъ отрывается отъ подушки.

— Mesdames, смотрите, солнышко! — произноситъ Наташа Браунъ и, откинувъ тяжелую штору, съ восторгомъ смотритъ на блѣдное сѣверное январское солнце, робко заглядывающее въ окно, и декламируетъ звонкимъ голосомъ:

По лазури неба тучки золотыя
На зарѣ держали къ морю дальній путь,
Плыли, зацѣпили за хребты сѣдые...

— Довольно, Наташа, довольно. Лучше будемъ думать, какъ бы вечеръ провести поинтереснѣе. Остановила дѣвушку «Золотая рыбка». —Давайте вызывать духовъ—неувѣренно прозвучалъ голосъ Браунъ.

— Ну, конечно, ты Надсона вызывать будешь,— засмѣялась Веселовская.

— Mesdames, увольте, — вступилась въ разговоръ Ника,—не вѣрю я что-то въ эти общенія съ духами.

— Какъ не вѣришь? Вѣдь объ этомъ цѣлые томы написаны!—возмутилась блѣдненькая «Невѣста».

— Ну, какъ хотите, а я все-таки не вѣрю.

— Деревня-матушка!

— Не деревня, а Манчжурія дикая. Вотъ что!

— Ха-ха-ха!

— Окультизмъ, вызываніе духовъ—грѣхъ и ересь,— твердо рѣшаетъ Капочка.

— Молчи ужъ ты, святоша.

— Милая моя Камилавочка, — насмѣшливо-ласково говоритъ «Золотая рыбка», обнимая растрепанную голову Малиновской,—и нужно же было госпожѣ Судьбѣ подшутить надъ тобою злую шутку. Тебѣ слѣдовало бы родиться мальчикомъ, чтобы потомъ сдѣлаться священникомъ...

— И мы бы ходили къ тебѣ на исповѣдь... А ты бы варварски терзала насъ за ересь и грѣхи...—подхвативъ, продолжала подъ общій смѣхъ «Алеко».

— Не смѣйтесь, mesdames, не надо. Это такъ прекрасно молиться заодно со всѣми вѣрующими, имѣть возможность утѣшать ихъ, спасать ихъ души. О, какъ это хорошо!

Капочка оживленными глазами обвела лица всѣхъ окружающихъ ее дѣвушекъ. И спустя минуту она съ внезапнымъ воодушевленіемъ подхватила снова:

— Вѣдь есть же женщины-адвокаты, женщины-профессора, врачи... Почему бы и не быть женщинамъ-священникамъ?

— Mesdames, вставайте скорѣе: Ханжа на горизонтѣ! — пулей влетая въ дортуаръ, крикнула Зина Алферова.

— Господи, отъ Скиоки избавились на недѣльку, такъ Ханжа таскается по пятамъ за нами!—вздыхаетъ Шарадзе.

— Fi donc! Какое выраженіе!—пожимаетъ плечами Лулу Савикова.

— Ужъ молчи, пожалуйста. До выраженій ли тутъ!— огрызается Тамара.

— Итакъ, вечеромъ въ клубѣ, когда все утихнетъ. Да? Согласны?

— Согласны. Конечно, согласны...

— Mesdames'очки, а кто изъ насъ понесетъ Таиточкѣ приданое?

— Я!

— Я!

— И я!

— Всѣмъ нельзя. Пусть самые близкіе родственники идутъ, — командуетъ Ника, — мать, отецъ, дѣдушка и бабушка...

— Дорогая моя, а можно и мнѣ, какъ одной изъ тетокъ?—робко освѣдомляется Зина Алферова.

— Тогда и всѣ тетки, если одна, — заявляютъ остальныя.

— Тише, mesdames, тише. «Она» уже здѣсь.

Тихо и неслышно, какъ-то бочкомъ, вползаетъ въ дортуаръ инспектриса.

— Опять шумъ, опять крики! Недурное времяпровожденіе для благовоспитанныхъ барышень.

— Но вѣдь нынче еще рождественскіе праздники,— поднимается чей-то протестующій голосъ.

— Такъ, по-вашему, надо на праздникахъ шумѣть? Вѣдь это только у... у... нетрезвыхъ крестьянъ принято...—кривитъ губы Юлія Павловна.

Гдѣ-то сдержанно фыркаютъ.

— У «нетрезвыхъ крестьянъ». Ха-ха-ха. Она, конечно, хотѣла сказать—у пьяныхъ мужиковъ... Лулушка, слышишь, Ханжа заразилась твоей комильфотностью,— шепчетъ Маша Лихачева по адресу корректной Савиковой.

— Оставьте меня ради Бога въ покоѣ,—шопотомъ же злится Лулу.

Всѣ наскоро одѣваются и подъ конвоемъ инспектрисы, вмѣсто отсутствующей Брунсъ, идутъ на молитву.

* * *

Снова вечеръ. Давно потушенъ свѣтъ въ дортуарѣ. Отдежуривъ чужое дежурство, совсѣмъ разбитая, инспектриса идетъ къ себѣ. Съ подобострастной улыбкой встрѣчаетъ ее сѣдовласая Капитоша:

— Слава Богу, угомонились ваши «сорванцы», барышня. Ужъ и денекъ нынѣ выпалъ!..—говоритъ она, расшнуровывая ботинки своей совсѣмъ размягшей отъ усталости шестидесятилѣтней барышнѣ.

— Ахъ, Капитоша, дня не дождусь, когда вернется фрейлейнъ Брунсъ.

Капитоша съ участіемъ смотритъ въ пожелтѣвшее морщинистое лицо госпожи Гандуровой.

— А знаете ли, барышня, я должна вамъ кое-что сообщить.

— Что такое?—сразу подтянулась инспектриса.

— Да вы не волнуйтесь, ради Господа Бога, барышня. А только примѣтила я кое-что.

— Что примѣтили? Говорите скорѣе, Капитоша.

— Да не ладное у насъ творится что-то.

— Ну?

— Примѣтила я, что кажинный вечеръ барышни выпускныя по очереди въ сторожку навѣдываются.

— Вотъ-вотъ... И я сама разъ это замѣтила... До утренняго звонка еще ходили. Ну, я узнала причину. Онѣ обѣщали, что это не повторится больше. Неужели опять?—тоскливо срывается съ поблекшихъ устъ Юліи Павловны.

— Вчера и третьяго дня своими глазами видала, барышня. Вошли туда, пробыли минутъ десять и бѣгомъ обратно.

— А кто? Кто? Вы не замѣтили, нѣтъ? Навѣрное, Баянъ.

— И барышня Бачнъ, и барышня Тольская, и Лихачева, и Теръ-Дуярова, и Сокольская, и всѣ.

— Ага, отлично...

Полонъ значенія звучитъ этотъ возгласъ въ уютной спальнѣ инспектрисы. Затѣмъ она снимаетъ при помощи Капитоши свое форменное «мундирное» платье и облачается въ пестрый турецкій капотъ и медленно, крадучись, выходитъ изъ комнаты.

Въ «клубѣ» нынче, въ этотъ поздній январскій вечеръ, происходитъ нѣчто совсѣмъ изъ ряду вонъ выходящее. На середину комнаты выдвинутъ небольшой столикъ, находящійся обыкновенно подъ однимъ изъ

оконъ. Вокругъ столика стоятъ принесенные изъ дортуара и умывальной комнаты табуреты. На нихъ сидятъ: Ника Баянъ, Теръ-Дуярова, Тольская, Сокольская, Чернова, Веселовская, Алферова, Лихачева и Наташа Браунъ. Всѣ лица внимательны и сосредоточены. Только Ника и смугленькій Алеко не могутъ постичь всего значенія торжественной минуты. Онѣ то и дѣло хихикаютъ, пересмѣиваются, дѣлаютъ свои замѣчанія Мари Веселовской. Наташа Браунъ пресерьезно увѣрила эту спокойную уравновѣшенную дѣвушку, что въ глазахъ у Мари есть какая-то сила, что-то такое, чего не объяснишь словами, но что, безспорно, имѣетъ какое-то скрытое значеніе, что она—«медіумъ».

Сидятъ дѣвушки за столомъ уже около получаса, положивъ на край его пальцы такимъ образомъ, что конецъ мизинца одной прикасается къ мизинцу сосѣдки. Такимъ образомъ составлена непрерывная цѣпь. Вызываютъ «духовъ». Въ данный моментъ ждутъ появленія духа поэта Надсона, по совѣту его ярой поклонницы Наташи Браунъ.

— Явись! Явись! Явись!—повторяетъ «невѣста Надсона» —Явись—и сообщи намъ, какая жизнь ждетъ насъ тамъ, за гранями бытія!..

— Охота ему тоже являться и тревожить себя ради какихъ-то дѣвчонокъ!—шопотомъ говоритъ Ника.

— Я думаю,—соглашается съ нею Чернова.

— Но онъ не можетъ не видѣть, какъ его здѣсь

любятъ.—пылко возражаетъ Наташа и въ забывчивости начинаетъ декламировать шопотомъ:

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто бы ты ни былъ, не падай душою...

— Брось, милая, брось, лучше послушай, что за загадку я тебѣ скажу. Что такое: «виситъ зеленая и пищитъ?»—кричитъ Шарадзе.

— Лампа!—хохочетъ «Золотая рыбка».

— А зачѣмъ тогда пищитъ?

— Mesdames, тише. Или духовъ вызывать, или шарады разгадывать, что-нибудь одно, — сердится бѣлокурая «невѣста Надсона».

— Все равно, надо свѣтъ погасить. При свѣтѣ онъ не пожелаетъ явиться,—говоритъ «Хризантема».

— Согласны, согласны. Тушите.

— Страшно, mesdames, въ темнотѣ... — шепчетъ Маша Лихачева.

— Тебѣ-то ужъ нечего бояться вовсе, — остритъ Ника; духи къ тебѣ-то не подойдутъ: отъ тебя духами за версту пахнетъ. Чихать будутъ, а духамъ чихать нельзя.

— Mesdames, я гашу свѣтъ. Сидите смирно.

Въ «клубѣ» сразу становится темно. Только луна, плывя въ далекихъ ночныхъ облакахъ, заглядываетъ въ комнату и бросаетъ свои призрачные блики на лица дѣвушекъ, сидящихъ за столомъ. Напряженная тишина водворяется въ комнатѣ. Чего-то сосредоточенно ждутъ.

Наташа Браунъ вперила глаза въ дверь (ей почему-то кажется, что духъ, какъ живой человѣкъ, долженъ войти не иначе какъ черезъ дверь), и губы ея шепчутъ беззвучно:

— Ты войдишь сейчасъ, прекрасный поэтъ, блѣдный и чернокудрый рыцарь искусства, и цѣлый міръ невѣдомыхъ радостей принесешь съ собой. Ты разскажешь намъ, какіе дивные гимны слагаешь теперь въ загробномъ мірѣ... Явись же, скорѣе, дай возможность увидѣть твой кроткій образъ, твой дивный ликъ...

— Селедка! Не лампа, а селедка! — вдругъ неожиданно раздается среди абсолютной тишины торжествующій голосъ Шарадзе.

— Что такое?

— Ну, да селедка. Виситъ, потому что ее повѣсили; зеленая, потому что ее въ зеленую краску выкрасили, а пищитъ,—для того, чтобы труднѣе разгадать было.

— Такъ это она про шараду... Ха ха-ха!..

— Mesdames, это свинство. Тутъ настроеніе нужно, а онѣ хохочутъ'—сердится Наташа Браунъ.

— Ахъ, Господи! Духъ подъ столомъ, кажется, за ногу меня схватилъ!

— Лихачева, стыдись, такая большая и такая...

— Глупая... Очень можетъ быть, — беззаботно говоритъ Маша. — Воля ваша, скучно сидѣть и ждать у моря погоды. Не очень-то любезные господа ваши духи, должна я сказать.

— Mesdames, mesdames! Смотрите, какая красота!— и Ника Баянъ поднимаетъ къ верхнему, незамазанному известью стеклу окна восторженное, восхищенное личико.

Дѣйствительно, красиво.

Луна, блѣдная таинственная красавица, движется медленно среди облаковъ по залитой ея млечнымъ сіяніемъ лазури.

Горы, пропасти, ущелья, башни, замки и дворцы возвышаются тамъ за нею... И кажутся они серебряными въ ея обманчивомъ сіяніи.

— Сейчасъ, я чувствую, должно совершиться нѣчто,— говоритъ Наташа Браунъ, и бѣлокурая головка ея снова поворачивается въ сторону двери.

Всѣ вздрагиваютъ. Нервы невольно напрягаются.

Такъ и есть... Тихіе, едва уловимые шаги слышатся въ коридорѣ. Кто-то словно подкрадывается въ ночной тишинѣ.

«Онъ!»—бурно колотится сердце въ груди Наташи.

Все ближе, все слышнѣе шаги... Дѣвушки притихли и насторожились... Даже Баянъ не шутитъ. Даже смугленькій «Алеко» не смѣется надъ «настроеніемъ», подругъ противъ своего обыкновенія.

Кто-то идетъ... Крадется по направленію къ «клубу»... Невольная жуть охватываетъ сердца дѣвушекъ. Руки, сцѣпленныя пальцами, дрожатъ. А шаги все ближе и ближе... Сердца трепещутъ и бьются.

— Боже мой! — срывается у кого-то подавленнымъ звукомъ.

Все явственнѣе, чудится, какъ кто-то притаился по ту сторону двери и берется за дверную ручку.

Всѣ блѣднѣютъ. Невольно захватываетъ дыханье въ груди... Пересыхаютъ мгновенно губы... Пугливымъ ожиданіемъ горятъ глаза... Вотъ-вотъ, чудится, отворится дверь пресловутаго «клуба»; войдетъ нѣкто безформенный, безтѣлесный, свѣтлый, какъ облако, и жуткій, какъ мракъ... Теперь ожиданіе достигло высшей точки напряженія. Сердца заколотились шибко-шибко у девяти взволнованныхъ дѣвушекъ.

Дверь скрипнула и распахнулась настежь...

И дружное испуганное «ахъ» вырвалось у всѣхъ девятерыхъ.

ГЛАВА XII.

БѢЛАЯ фигура стройной институтки съ маской на лицѣ перешагнула порогъ клуба. И въ тотъ же мигъ жалобно прозвучалъ высокій взволнованный голосокъ:

— Зачѣмъ вы потушили огонь? Зачѣмъ сидите въ темнотѣ? Ахъ, какъ страшно!

— Лиза! Лизанька! Ты?

Черная маска скользитъ внизъ, и встревоженное лицо Лизы Ивановой появляется чуть озаренное луннымъ свѣтомъ. Лиза смотритъ на юныхъ спиритокъ большими испуганными глазами. Спиритки—на Лизу.

— Что за маскарадъ? Почему ты въ маскѣ? Что случилось? Да говори же. Говори скорѣй.

Спиритическій сеансъ прерывается. Тревога росла. Не до вызова тѣни теперь, когда настоящая жизнь предъявляетъ свои права.

— Mesdames, я сейчасъ отъ Таиточки, Стеша приходила и просила зайти къ сестренкѣ. Глаша все время капризничаетъ и блажитъ. Я боялась быть узнанной и надѣла маску. Такъ, думаю, не узнаетъ Ханжа, если встрѣтится невзначай. Слава Богу, никого не встрѣтила. Но Таиточку не успокоила тоже. Дѣвочка плачетъ, капризничаетъ весь вечеръ и все зоветъ «бабушку Нику». Ефимъ съ ногъ сбился, трясется отъ страху. Того и гляди плачъ Таиточки привлечетъ вниманіе начальства.

— Меня она зоветъ, ты говоришь?

Ника быстро срывается со своего мѣста.

— Да, да...

— Въ такомъ случаѣ бѣгу.

— Стой, стой! Надѣнь мою маску на всякій случай.

— Да захвати мой платокъ. Давай я закутаю тебя хорошенько... Такъ. Теперь ты—таинственная фигура въ черномъ, съ маской на лицѣ, ни дать ни взять, героиня какого-нибудь стариннаго французскаго романа,— смѣется черненькій «Алеко».

При свѣтѣ луны Ника, дѣйствительно, имѣетъ фантастическій видъ. Въ разрѣзахъ черной бархатной маски таинственно мерцаютъ ея глаза. Темный платокъ драпируетъ наподобіе плаща всю ея тоненькую гибкую фигурку. Длинная нижняя собственная юбка темносиняго цвѣта, доходя до пятокъ, дѣлаетъ ее выше ростомъ, стройнѣе.

— Прощай, прощай, и помни обо мнѣ!—патетическимъ жестомъ поднимая руку кверху, баситъ она, пародируя слова тѣни отца Гамлета, одного изъ лицъ безсмертной шекспировской трагедіи.

— До свиданія, дѣти мои. Иду. Если Ханжа встрѣтится, клянусь, испугается и ударится въ бѣгство.

— Внѣ сомнѣнія, ибо ты страшна сейчасъ, какъ смертный грѣхъ.

— Тѣмъ лучше для меня. Тѣмъ хуже для нея. Addio. Скрываюсь.

Ника давно исчезла, а восемь оставшихся въ «клубѣ» дѣвушекъ съ присоединившейся къ нимъ девятой, Лизой, долго еще бесѣдовали и дѣлали предположенія по поводу Глашина безпокойства.

— И чего она капризничаетъ, право. Все, кажется, у нея есть: и шубка, и бѣлье, и платье, и конфеты, и въ сберегательной кассѣ двѣ съ половиной сотни на ея имя лежитъ...—резюмируетъ Тамара.

— Боже, Тамара, какъ ты, однако, наивна,—волнуясь, замѣчаетъ «Золотая рыбка»,—во-первыхъ, Таиточка еще слишкомъ мала, чтобы понять такую важную вещь, какъ лежащія на книжкѣ въ сберегательной кассѣ деньги, а во-вторыхъ... Къ чему ей и шубка, и нарядное платье, когда она цѣлыми днями сидитъ взаперти въ своей сторожкѣ.

— Неправда, она гуляетъ.

— Несчастная! Это она называетъ гулять: постоять

четверть часа на порогѣ мертвецкой при открытой двери на крыльцо.

— Ахъ!—и маленькая ладонь Шарадзе изо всей силы шлепаетъ себя по лбу.

— Что такое? Что съ тобой?

— Идея, mesdames, идея!

— Новая задача или шарада, конечно? —иронизируетъ «Золотая рыбка» своимъ стекляннымъ голоскомъ.

— Да, если хотите, это—шарада, но такая шарада, которую не рѣшитъ никто.

— А ты рѣшила?

— Я рѣшила.

— Двѣнадцать тебѣ съ плюсомъ за это,—и Маша Лихачева посылаетъ армянкѣ воздушный поцѣлуй.

— Говори же, говори, Тамара!—звучатъ кругомъ голоса заинтересованныхъ дѣвушекъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, mesdames. Вѣдь Скиоки нѣтъ въ институтѣ.

— Нѣтъ, но это не шарада, а рѣшенный вопросъ.

— И не будетъ еще съ недѣлю по крайней мѣрѣ.

— Да, почти цѣлую недѣлю.

— А комната ея пуста.

— Разумѣется.

— А Тайночкѣ нашей адски надоѣла сторожка.

— Надоѣла, понятно.

— Такъ нѣтъ вѣдь Скиоки въ институтѣ,—повторила Шарадзе.

— Нѣтъ, что-жъ, изъ этого наконецъ?

— Ну, такъ вотъ, нельзя ли временно перевести Тайночку къ Скиѳкѣ, предварительно наказавъ нашей милочкѣ ничего не трогать. Въ комнатѣ Скиѳки—Тайночкѣ будетъ тамъ у нея хорошо: и воздухъ другой и постель мягкая и простору больше. Да и мы больше времени удѣлять ей можемъ, не рискуя попасться на глаза Ханжѣ. Что, mesdam'очки, какова моя шарада?— и Тамара сіяющими глазами обвела подругъ.

— Она геніальна!

— Молодчина, Шарадзе!

— Умница, Тамарочка!

— Ша-ра-дзе, браво! Бисъ!

— Теръ-Дуярова, придите въ мои объятія, я васъ расцѣлую! — комически присѣдаетъ передъ армянкой «Золотая рыбка».

— Качать Шарадзе! Качать!

— Mesdam'очки, тише! Тише! — звучитъ грудной низкій голосъ Земфиры.—Вы такъ кричите, что на другомъ концѣ города слышно. Вѣдь сборище наше не разрѣшено начальствомъ, прошу не забывать.

Но ее никто не слушаетъ. Тамару подхватываютъ на руки и качаютъ. Ночныя туфли валятся съ ногъ армянки, она хочетъ ихъ схватить, но «Золотая рыбка» предупреждаетъ ея желаніе, подхватываетъ ихъ со смѣхомъ высоко держа ихъ надъ головой потрясаетъ ими какъ трофеемъ побѣды и мчится съ ними изъ «клуба» въ

дортуаръ. За нею летятъ, едва сдерживая готовый вырваться изъ груди хохотъ, остальныя. Вся нестройная маленькая толпа несется, шаркая туфлями и шелестя нижними юбками, въ дортуаръ.

Едва достигнувъ порога умывальной, всѣ сразу останавливаются у дверей. Зловѣщій, отчаянный, полный нечеловѣческаго ужаса крикъ несется откуда-то издали, со стороны нижняго коридора.

— Что это, mesdames? Что это?

— А!-а!-а!..—и со слабенькой «Хризантемой» дѣлается истерическій припадокъ.

— Убиваютъ кого-то...—шепчетъ Шарадзе, и въ черныхъ глазахъ армянки разливается ужасъ.

— Въ дортуаръ скорѣе, въ дортуаръ!

Вся маленькая толпа испуганныхъ дѣвушекъ ринулась, дрожа, въ спальню. Тамъ царитъ тотъ же ужасъ. Всѣ проснулись. Волнуясь, смущенныя и испуганныя, допытываются другъ у друга:

— Кто это кричалъ такъ страшно?

— О, Господи, что случилось внизу?!

И съ замираніемъ сердца прислушиваются къ звукамъ, раздающимся вдалекѣ. Но ничего особеннаго не слышно.

Капаетъ по каплѣ въ бассейнѣ вода изъ крана. Институтъ спитъ. И выпускныя, нѣсколько успокоившись, мало-по-малу ложатся по своимъ постелямъ. Вечеръ подходитъ къ концу. Начинается ночь.

Между тѣмъ вотъ что произошло въ то же самое время въ нижнемъ коридорѣ.

Уже за чаемъ Заря Ратмирова обратила всеобщее вниманіе своимъ разсѣяннымъ видомъ, задумчивостью и тревожнымъ выраженіемъ глазъ. Когда четыре ея одноклассницы, оставшіяся на рождественскія каникулы въ институтѣ, поднялись въ дортуаръ, Заря проскользнула мимо заговорившейся съ кѣмъ-то Зои Львовны, дежурившей въ этотъ день у второклассницъ, и спустилась въ нижній лазаретный коридоръ.

Сердце дѣвочки билось тревожно. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ юная княжна Заря не видитъ своего кумира—Нику Баянъ. Холодно встрѣчаютъ ее обычно ласковые глаза Ники, когда она, Заря, впивается взглядами въ Нику на общей молитвѣ или въ залѣ, или въ коридорѣ при встрѣчахъ.

«Конечно, Ника Баянъ—талантъ и красавица, конечно, она «само очарованіе»,—придерживаясь институтскаго лексикона, говоритъ сама себѣ Заря,—но... но... вѣдь ласкова же она со всѣми другими и больше всѣхъ съ этой глупой бѣлобрысой дѣвчонкой, которая отняла у нея, Зари, Никину любовь. Недаромъ же слѣдитъ за ними изо дня въ день Заря и видитъ, какъ почти ежедневно Ника прокрадывается въ сторожку, гдѣ живетъ эта «бѣлобрысая дрянь». Заря съ ненавистью вспоминаетъ о Глашѣ. Не будь ея, Ника Баянъ не отдавала бы этой дѣвчонкѣ всѣхъ своихъ досуговъ и продол-

жала бы въ свободное время бывать съ нею, Зарей, или княжною Зиновіей Ратмировой («Зарей» она почему-то называла себя въ раннемъ дѣтствѣ, и съ тѣхъ поръ это имя такъ и осталось за ней).

Сегодня Заря рѣшила подкараулить Нику на пути ея слѣдованія въ сторожку и серьезно переговорить съ нею обо всемъ. О! она не можетъ молчать больше. Ника измучила ее своимъ невниманіемъ и презрѣніемъ. И за что? За что? Сѣро-синіе глаза Зари сверкаютъ въ полумракѣ лѣстницы, куда она спѣшитъ для встрѣчи съ Никой. Цѣлый день она издали слѣдила за Баянъ, карауля каждый шагъ ея, каждое движеніе. Но Ника, какъ нарочно, не выходила изъ классной. Значитъ, она рѣшила послѣ чая идти навѣстить эту противную Глашку, о существованіи которой, благодаря своему тонкому выслѣживанію, узнала Заря.

Княжна Ратмирова спустилась съ лѣстницы и повернула въ сторону лазарета. Черезъ дверь послѣдней хорошо видно освѣщенное окно Ефима, и самъ онъ у стола съ газетой въ рукахъ. Слышенъ тихій, «блажной» плачъ Глаши и уговариванія добряка-сторожа.

«Противная... Капризная .. Скверная... Есть въ ней что любить, нечего сказать!»—со злостью думаетъ Заря, прислушиваясь къ капризнымъ всхлипываніямъ разбушевавшейся Глаши.

У дверей лазарета—выступъ. Заря садится на него. Изъ оконъ круглой комнаты, сквозь стеклянную дверь

ея свѣтитъ мѣсяцъ. Причудливые блики бѣгаютъ и скользятъ по каменному полу и бѣлымъ оштукатуреннымъ стѣнамъ. И кажется разстроенному воображенію, что чья-то бѣлая тѣнь бродитъ по круглой комнатѣ... Совсѣмъ некстати припоминается покойная Катя Софронова, стоявшая здѣсь до минуты отпѣванія, два года назадъ, среди кадокъ съ тропическими растеніями... Какъ мертвенно блѣдно было юное личико усопшей. И какъ отчаянно рыдала тогда здѣсь въ этой комнатѣ осиротѣвшая мать...

Вотъ ея, Зарина, мама будетъ такъ же горячо и изступленно плакать, если, не дай Богъ, умретъ она, Заря. Вѣдь онѣ только двое на свѣтѣ, два оставшихся отпрыска угасающаго рода князей Ратмировыхъ. Онѣ очень бѣдны, несмотря на княжескій титулъ: живутъ на маленькую пенсію, доставшуюся имъ послѣ смерти отца. И обѣ онѣ такія тихія, молчаливыя, «таинственныя какія-то», и мама и сама она, пятнадцатилѣтняя Зиновія. И вотъ эти-то «тихость» и «молчаливость» и плѣнили, должно быть, капризную и требовательную натуру талантливой и избалованной всѣми Ники Баянъ. Плѣнили, но не надолго. Теперь Ника Баянъ чуждается ея, не хочетъ дружиться съ Зарей, не хочетъ даже знать ея. При одной этой мысли слезы закипаютъ въ груди княжны и обжигаютъ глаза.

— Отчего я такая несчастная, одинокая?—лепечетъ про себя Заря.—Нѣтъ, лучше ужъ умереть, какъ умерла

Катя Софронова...—Вѣдь если умретъ она, Заря, поставятъ ее здѣсь, въ этой самой круглой комнатѣ, среди зеленыхъ латаніи и миртъ.

Теперь, когда Заря смотритъ сквозь стеклянную дверь, ей кажется, что она видитъ облитый луннымъ свѣтомъ гробъ среди бѣлой круглой комнаты, а на высоко поднятыхъ подушкахъ—восковое мертвое личико, свое или Катино,—она разобрать не можетъ.

Видѣніе это настолько явственно, что она начинаетъ дрожать. Холодный потъ выступаетъ у ней на лбу. Сердце замираетъ въ груди... Дрожитъ хрупкое тѣльце...

— Не надо смотрѣть, не надо, а то, Богъ знаетъ, что еще почудится потомъ,—зажмуривая глаза, говоритъ сама себѣ Заря и быстро поворачивается спиной къ окну. Съ облегченнымъ вздохомъ раскрываетъ она глаза снова и...—о ужасъ!—видитъ: тонкая темная фигура съ черной маской на лицѣ стоитъ передъ ней въ зловѣщемъ и жуткомъ молчаніи, какъ черный призракъ смерти.

— А-а-а!..—страшнымъ душу раздирающимъ крикомъ ужаса, испуга и отчаянія вырывается изъ груди Зари, и она, вся холодная и трепещущая, отступаетъ къ двери.

Этотъ-то самый крикъ и былъ услышанъ группою выпускныхъ институтокъ въ верхнемъ дортуарномъ коридорѣ.

Онъ же потрясъ и все существо черной замаскированной фигуры.

— Заря, вы? Успокойтесь, это я. Заря! Смотрите же это я, Баянъ, Ника Баянъ... Я снимаю маску.

Дѣйствительно, черная маска поднимается на лобъ, и изъ-подъ нея выглядываетъ знакомое, дорогое Зарѣ, личико Ники. Забывъ весь міръ, бросается Ратмирова на грудь Баянъ и шепчетъ почти задохнувшись отъ волненія:

— Ника, дорогая, милая, любимая... О, какъ вы меня испугали. Я давно васъ жду здѣсь. Я часто стерегу васъ около сторожки... Я знаю, вы каждый вечеръ ходите сюда... Наконецъ-то, наконецъ-то дождалась я васъ, милая Ника!—и Заря горячо обнимаетъ первоклассницу.

Но руки Баянъ осторожно освобождаются отъ этихъ объятій, и прелестное личико Ники дышитъ холодомъ и презрѣніемъ, когда она, отчеканивая каждое слово, говоритъ:

— Вы подсматривали за мной. Вы караулили меня. Вы, какъ сыщикъ, выслѣживали меня, не давали мнѣ ступить ни шагу... Вы не подумали о томъ, что могли подвести меня. И подведете, навѣрное, потому что надо быть глухимъ, чтобы не услышать вашего крика. И за это... За это... Я ненавижу васъ,—добавляетъ безжалостно Баянъ, глядя въ глаза, княжны злыми негодующими глазами.

— Ника! Ника!—лепечетъ въ ужасѣ Заря.

— Да, да, ненавижу!—съ тою же безжалостностью подхватываетъ Ника,—потому что вы этимъ подводите не только меня, но и всѣхъ насъ, а больше всего Ефима и Таиточку, ни въ чемъ неповинныхъ... Вы такъ закричали, что... Что...

Ника не договариваетъ и быстро опускаетъ маску на лицо.

— Такъ и есть, идетъ кто-то... Бѣгу... Это Ханжа...

Увы! Отступленіе уже отрѣзано. Изъ-за колонны показывается пестрый турецкій капотъ, а за нимъ и сама его обладательница, Юлія Павловна Гандурова.

— Кто вы такая? Это вы кричали?—повысивъ свой и безъ того высокій голосъ, спрашиваетъ инспектриса.

Ника, не отвѣчая ни слова, быстрымъ прыжкомъ вскакиваетъ на первыя ступени лѣстницы, минуя протянутую было къ ея рукѣ костлявую руку, и мчится стрѣлою наверхъ. Заря стоитъ одна, какъ убитая.

— Ага!.. Ратмирова здѣсь!.. Что вы дѣлаете тутъ одна въ темнотѣ и кто это былъ сейчасъ съ вами?—шипитъ г-жа Гандурова, мелкими шажками приближаясь къ растерявшейся воспитанницѣ.

Заря блѣдна, какъ полотно. Синіе глаза сверкаютъ отчаяніемъ. Ахъ, ей все равно что бы ни случилось, сейчасъ. Пусть наказываютъ ее, пусть хоть исключаютъ изъ института. Теперь все потеряно, все пропало для

нея. Ника ее презираетъ... Ника не любитъ ее, называетъ сыщикомъ... Какъ тяжело! Какъ безумно тяжело!.. Она точно не видитъ искаженнаго гнѣвомъ лица инспектрисы. Она не чувствуетъ прикосновенія этихъ костлявыхъ пальцевъ, клещами впившихся въ ея нѣжную руку. Она не слышитъ того, что говоритъ Гандурова ей:

— Кто это былъ сейчасъ съ вами? Отвѣчайте, отвѣчайте тотчасъ же или будетъ поздно,—въ десятый разъ гнѣвно повторяетъ одно и то же инспектриса.

Но Заря молчитъ. И лицо ея блѣдно попрежнему.

— Ну же. Отвѣтите вы мнѣ? Я жду.

Изо всей силы костлявыя руки трясутъ худенькія плечи воспитанницы. И отъ этой тряски словно просыпается Заря.

— Вы желаете мнѣ отвѣчать?

— Что?—чуть слышно срывается съ губъ Зари и блѣдное лицо княжны поводитъ судорогой. Какая-то мысль проносится подъ ея рыже-красными кудрями, и дрожащія губы произносятъ помимо воли:

— Покойная Катя Софронова являлась сейчасъ ко мнѣ.

— Что-о-о?

Руки Гандуровой безсильно скользятъ вдоль плечъ Зари и повисаютъ, какъ плети. Съ минуту она молчитъ, соображая, дерзость или наивность заключались во фразѣ, оброненной княжной. Но блѣдное, измученное личико

и полные испуга и отчаянія глаза послѣдней доказываютъ, насколько княжна Ратмирова въ эти минуты далека отъ шутокъ и дерзостей. И сердце инспектрисы неожиданно смягчается.

— Вы не должны были приходить сюда ночью, Ратмирова,—говоритъ она уже много мягче. — Я знаю, что вы были очень дружны съ покойной Катей, и вамъ пріятно взглянуть хотя бы на то мѣсто, гдѣ находилась дорогая усопшая. Но, дитя мое, на все есть свое время. Ступайте сейчасъ къ себѣ въ дортуаръ и ложитесь въ постель. Хотя теперь и рождественскіе каникулы, но бродить по ночамъ строго запрещается... Вотъ видите, васъ напугали, а кто напугалъ, — не знаю. Я должна буду завтра же навести слѣдствіе, кто была эта фигура въ маскѣ. Во всякомъ случаѣ— не Катя. Грѣшно, мой другъ, вѣрить въ привидѣнія. Господь Богъ милосердый такъ мудро создалъ міръ, что мертвые не общаются съ живыми. Пойдите же и хорошенько помолитесь и покайтесь въ своихъ грѣхахъ и въ нарушенномъ вами правилѣ нашего прекраснаго института. Помолитесь и покайтесь прежде, нежели заснуть.

И долго еще скрипѣлъ нудный голосъ Юліи Павловны надъ ухомъ Зари, пока дѣвушка не миновала безчисленныя ступени лѣстницы и не вошла къ себѣ въ дортуаръ.

Здѣсь она проворно раздѣлась и, юркнувъ въ хо-

лодную, остывшую постель, зарылась въ подушки и тутъ только дала волю тѣснившимся въ ея груди рыданіямъ.

ГЛАВА XIII.

КАКЪ хороша и просторна эта свѣтлая большая комната съ большимъ пушистымъ ковромъ, съ картинами, развѣшанными по стѣнамъ, со всевозможными бездѣлушками, разставленными на этажеркахъ. А темно-красная отоманка, покрытая ковромъ, какъ удобна она, чтобы чуточку покувыркаться на ней и сдѣлать «кирбитку», то есть, перекувыркнуться нѣсколько разъ внизъ головой подъ общій хохотъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ «тетей»...

Когда Глашу подъ вечеръ ея «мама» Земфира и «папа» Алеко привели изъ сторожки въ эту комнату, дѣвочкѣ показалось, что она попала въ райскія владѣнія. А когда «бабушка» Ника, съ помощью «тети» Маши Лихачевой и «дѣдушки» Шарадзе («Салаце», на языкѣ Глаши) уложили дѣвочку въ мягкую чистенькую постель, Глаша даже засмѣялась отъ восторга.

Фрейлейнъ Брунсъ должна была пріѣхать только черезъ два дня. И уже четвертыя сутки Глаша проводитъ здѣсь, въ этой комнатѣ, подъ ключомъ, правда (ключъ воспитанницы вытащили изъ кармана дортуарной Нюши, которая не считала нужнымъ убирать комнату своей «дамы» во время отсутствія той). Такимъ образомъ, Глаша находилась здѣсь въ полной безопасности, и старикъ Ефимъ могъ вздохнуть свободнѣе за это время ея отсутствія и самымъ серьезнымъ образомъ, безъ малѣйшей помѣхи, отдаться своей политикѣ. Онъ умышленно оставлялъ дверь своей сторожки открытой настежь, чтобы стать, наконецъ, выше всякихъ подозрѣній со стороны начальства.

Обѣдъ и лакомства въ эти дни носились въ «Скиѳкину» комнату, а не въ сторожку, и Глаша блаженствовала здѣсь подъ призоромъ очередной «тети» изъ выпускныхъ.

Послѣднія не оставляли ее одну ни на минуту. Благодаря каникулярному времени, онѣ могли отдавать поочередно время ихъ общей «дочкѣ». И «дочка» чувствовала себя здѣсь какъ рыба въ водѣ. Ее занимали, развлекали, баловали, пичкали конфетами по очереди цѣлый день то одна воспитанница, то другая. И если бы не лишеніе прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ (которыя никакъ нельзя было устроить, держа Глашу въ «Скиѳкиной» комнатѣ, такъ какъ, чтобы проникнуть отсюда въ садъ, надо было бы вести дѣвочку черезъ

весь институтъ), то малюткѣ лучшаго и желать было нечего.

А время все катилось да катилось своей чередой. Кончались праздники, съѣзжались институтки. И обычныя занятія и уроки должны были начаться снова по установленной программѣ.

* * *

Пасмурнымъ, туманнымъ январскимъ утромъ къ зданію N-скаго института подъѣхали извозчичьи сани. Швейцаръ, еще одѣтый по-утреннему, безъ обычной своей красной ливреи, дѣловито вышелъ на подъѣздъ и высадилъ закутанную въ платки фигуру.

— Все ли у насъ благополучно, Павелъ?—обратилась къ нему съ вопросомъ маленькая женщина.

— Все благополучно. Добро пожаловать, Августа Христіановна.

— А я раньше срока, знаете ли, вернулась изъ отпуска, Павелъ; сердце болѣло все время, думала, не нашалили бы какъ-нибудь мои проказницы. Просто покоя не могла себѣ найти,—говорила фрейлейнъ Брунсъ, освобождаясь при помощи швейцара отъ всѣхъ своихъ теплыхъ платковъ и шубы.

Затѣмъ она прошла на лѣстницу, поднялась въ третій этажъ и остановилась передъ дверью своей комнаты, находящейся по сосѣдству съ выпускнымъ дортуаромъ, передъ дверью, которую къ несчастью выпускныя забыли запереть въ эту ночь.

— O, mein Gott! Was ist denn das? *)—вырвалось съ ужасомъ изъ груди нѣмки, лишь только она перешагнула порогъ своего жилища.

Въ комнатѣ царила полутемнота, благодаря спущеннымъ шторамъ и промозглому туманному утру, но было не настолько темно, чтобы зоркіе глаза фрейлейнъ не могли разсмотрѣть того хаотическаго безпорядка, который царилъ въ аккуратной, обычно, комнатѣ нѣмки. На полу, на креслахъ и диванѣ, всюду валялись игрушки: разноцвѣтные кубики, кукла съ отбитымъ носомъ, плюшевый медвѣдь, тройка лошадей, мячикъ, кое-что изъ игрушечнаго сервиза. Тутъ же были небрежно кинуты и принадлежности дѣтскаго туалета: какія-то юбочки, миніатюрные сапожки и чулочки. А на столѣ стоялъ небольшой акваріумъ съ плавающими въ немъ золотыми рыбками, съ юрко скользящими среди травъ тритонами.

Но все это было бы еще съ полбѣды, если бы игрушками, сапожками и акваріумомъ закончилось дѣло.

На свое несчастье, Августа Христіановна подошла къ постели, находившейся за занавѣсью, отдернула ее и отступила назадъ съ крикомъ неподдѣльнаго испуга. Въ ея кровати, тщательно прикрытая тигровымъ одѣяломъ, спала маленькая бѣлобрысая дѣвочка.

---

*) О Боже! Что это такое?

Если бы громъ небесный прогремѣлъ среди январскаго студенаго утра надъ почтенной головой фрейлейнъ Брунсъ, она удивилась бы не больше, нежели присутствію этого безмятежно спавшаго въ ея собственной постели ребенка.

Крикъ «Скиѳки» разбудилъ Глашу. Она раскрыла заспанные глаза, протерла ихъ кулачками и неожиданно сѣла на постели.

— Кто ти тякая?—обратилась она самымъ спокойнымъ тономъ къ очутившейся около нея незнакомой женщинѣ съ пуговицеобразнымъ носомъ и черезчуръ румяными щеками.

Ахъ, дѣвчонка еще осмѣливается обращаться къ ней этимъ тономъ хозяйки!

Августа Христіановна буквально онѣмѣла отъ гнѣва. Она схватила за руку Глашу, вытащила ее изъ постели, поставила на коврикъ передъ собой и, захлебываясь отъ негодованія и злости, не могла произнести ни слова.

Такъ она стояла нѣсколько минутъ среди своей комнаты.

Между тѣмъ, быстро раскрылась смежная съ дортуаромъ дверь, и три десятка черненькихъ, бѣлокурыхъ и русыхъ головокъ просунулись въ нее.

— «Скиѳка» вернулась, mesdames! Все пропало!—полнымъ отчаянія шопотомъ вырвалось у Тамары Теръ-Дуяровой.

— Finita la comedia! *) Сорвалось съ губъ смугленькаго «Алеко».

— Дорогая моя, это ужасъ, ужасъ!—готовая разразиться истерическимъ плачемъ, крикнула Зина Алферова.

— Мнѣ дурно. Дайте капель, — простонала «Валерьянка».

Расталкивая самымъ безцеремоннымъ образомъ подругъ, Ника Баянъ бросилась къ Глашѣ. И прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ произнести слово, подхватила ее на руки и кинулась съ нею вмѣстѣ въ коридоръ.

Августа Христіановна, красная какъ піонъ, негодующая и злая, бросилась вслѣдъ за ними. Но «Золотая рыбка», осѣненная быстрою какъ молнія мыслью, не теряя ни на секунду самообладанія, въ два прыжка метнулась къ столу, на которомъ красовался ея собственный, принесенный сюда наканунѣ для развлеченія Глаши акваріумъ, и приподнявъ его надъ головою, изо всѣхъ силъ брякнула имъ объ полъ. Осколки стекла съ дрожащимъ звономъ разлетѣлись по паркету. Золотыя рыбки затрепетали. Два тритона кинулись по направленію къ раскрытой настежь въ коридоръ двери.

— Лида! Лида! Что ты сдѣлала, безумная! —бросились къ ней подруги.

— Она съ ума сошла! Она сошла съ ума!—кричала Шарадзе, вытаращивъ глаза отъ ужаса.

*) Игра окончена.

Ника Баянъ подхватила Глашу на руки и кинулась съ нею въ коридоръ ..

— Они умерли! Я ихъ убила!—вопила съ рыданіемъ Тольская, опускаясь на колѣни подлѣ погибающихъ рыбокъ.

— Ай! Ай! Тритонъ мнѣ въ сапогъ забрался!—кричала въ страхѣ Маша Лихачева, вскакивая съ ногами на диванъ.

— Ай!—пронзительно визжала Неточка Козельская, а за ней и остальныя.

— Успокойтесь, mesdames, тритонъ не змѣя, не ужалитъ васъ...—надрывался черненькій «Алеко».

— Was ist denn das?! O, Gott! *)—въ тоскѣ и ужасѣ простонала Августа Христіановна, въ позѣ безпомощнаго отчаянія застывая на порогѣ при видѣ такого Содома.

Этого только и надо было «Золотой рыбкѣ». Необходимо было во что бы то ни стало помѣшать преслѣдованію и обратить на что-нибудь другое вниманіе «Скиѳки». И ради этого дѣвушка, не задумываясь, пожертвовала своимъ сокровищемъ.

— Лида! Тольская! Что ты надѣлала!

— Спасайте скорѣе хотя бы рыбокъ, mesdames, несите стаканъ съ водой!—командовала съ высоты кресла, на ручку котораго она забралась, опасаясь тритоновъ, Маша Лихачева.

— Но кто же, наконецъ, мнѣ отвѣтитъ, что это за

*) Что это такое! О, Боже!

ребенокъ спалъ здѣсь?—теряя послѣднее терпѣніе, взывала Августа Христіановна.—Мари Веселовская, не пожелаешь ли ты мнѣ объяснить все это. Какъ самую благонадежную и корректную воспитанницу спрашиваю я тебя... Слышишь?—и грозное лицо обратилось къ тихой Земфирѣ.

Мари, обычно блѣдная, теперь съ двумя яркими пятнами пылающаго румянца на щекахъ, выступила впередъ.

— Не смѣй говорить ни слова!—вдругъ вынырнувъ изъ толпы подругъ, съ угрозой бросилъ ей черненькій «Алеко».

— Что такое? Бунтъ? Заговоръ? Единица за поведеніе! Чернова, да какъ ты смѣешь!—вся дрожа отъ гнѣва, накинулась на нее Августа Христіановна.

Мари съ негодованіемъ взглянула на подругу.

— Что ты! Что ты! Какъ ты могла подумать, что я могу обмолвиться хотя бы единымъ словомъ,—гордо отвѣчала она.

— Ага! И ты заодно съ ними! Лучшая ученица и тоже бунтовать!—зловѣще продолжала нѣмка.

— Дорогая моя, успокойтесь, дорогая моя...—и въ полномъ забвеніи Зина Алферова кинулась въ объятія «Скиѳки».

— Прочь! Какая я тебѣ «дорогая»? Ты забылась! Молчать!

— Не кричите на насъ. Мы не маленькія, мы не

седьмушки,—раздался за спиной фрейлейнъ Брунсъ спокойный голосъ.

Августа Христіановна быстро поворачивается назадъ. Передъ ней Ника Баянъ, улыбающаяся, уравновѣшенная, какъ будто ничего не случилось. Нѣмка до того растерялась, что осталась стоять съ минуту съ широко раскрытымъ ртомъ и вытаращенными отъ глубокаго изумленія глазами. Вѣдь не прошло пяти минутъ, какъ эта самая Баянъ уносила отсюда бѣлобрысую дѣвчонку, а сейчасъ она, какъ ни въ чемъ не бывало, снова здѣсь. Положительно дьявольское навожденіе какое-то, да и только. Прошло добрыя двѣ минуты, по крайней мѣрѣ, пока Брунсъ обрѣла снова утерянную было способность говорить. Едва не задохнувшись, она выдавливаетъ наконецъ изъ себя слова, то краснѣя, то блѣднѣя.

— От-ку-да этотъ ребенокъ? И по-че-му она лежала въ моей постели, ты должна мнѣ отвѣтить, Баянъ.

Ника Баянъ дѣлаетъ самое невинное лицо, услышавъ послѣднюю фразу.

— Ахъ, Боже мой, простите ради Бога, фрейлейнъ...—говоритъ она съ ангельской улыбкой: — мы очень виноваты передъ вами. Вы не узнали этой дѣвочки? Какъ странно. А между тѣмъ вы ужъ видѣли ее разъ. Это—княжна Таита Ульская, моя кузина. Вчера былъ послѣдній вечеръ рождественскихъ каникулъ, и ее привели въ гости ко мнѣ. Привела нянюшка. Ей сдѣлалось дурно, то есть нянюшкѣ, а не Таитѣ, ко-

нечно. Мы отправили ее въ больницу, а дѣвочку оставили до утра у насъ. Мы не смѣли этого дѣлать безъ вашего разрѣшенія, конечно, но Таита буквально засыпала у насъ на рукахъ, и мы уложили ее у васъ. Кто же зналъ, что вы вернетесь сегодня. Мы извиняемся, фрейлейнъ, передъ вами, а послѣ уроковъ пойдемъ извиниться и передъ самой «maman» за то, что не попросили у нея разрѣшенія оставить на ночь дѣвочку.

Голосъ Ники звучитъ такъ убѣдительно, такъ кротко, что не повѣрить ей нельзя. И прелестные глазки съ такой нѣжностью и покорностью смотрятъ въ взволнованное лицо Августы Христіановны, что мало-по-малу та невольно успокоивается, приходитъ въ себя. Особенно поражаетъ «Скиоку» то обстоятельство, что эта «отчаянная» дѣвчонка не хотѣла дѣлать изъ ихъ поступка секрета и даже намѣревалась довести его до свѣдѣнія самой генеральши. И это послѣднее обстоятельство сразу примиряетъ фрейлейнъ Брунсъ съ ея проказницами.

— Куда же ты дѣвала твою... Твою... кузину?—все еще не сдаваясь, сурово спрашиваетъ она Нику.

— Она у Зои Львовны Калининой. Я принесла ее туда и попросила пріютить ее на время, пока за нею не пришлютъ изъ дома.

— Ахъ, ахъ... Но зачѣмъ же туда, когда моя комната...—совсѣмъ уже растерянно и смущенно лепечетъ Брунсъ.

— Но, фрейлейнъ... Вы же такъ приняли дѣвочку, что мы не рѣшились...—совсѣмъ уже покорно, тономъ оскорбленной невинности произноситъ Ника.—Разрѣшите только собрать ея вещи и игрушки. Можно?

— И поймать тритоновъ...—Слышится другой робкій голосъ.

— И убрать осколки разбитаго въ замѣшательствѣ акваріума...—звенитъ третій.

Фрейлейнъ Брунсъ такъ подавлена всѣмъ происшедшимъ, что не вдается въ подробности Никиной исповѣди, которая грѣшитъ на каждомъ шагу противъ истины и здраваго смысла. Почему, напримѣръ, нѣтъ теплаго верхняго платья между вещами дѣвочки? Отчего здѣсь разбросана такая масса игрушекъ, какъ будто маленькая гостья не случайно попала сюда, а гоститъ уже давно? И почему, наконецъ, родители или родственники этой маленькой таинственной княжны, у которой, кстати сказать, видъ и внѣшность далеко не княжескія,—не прислали за нею съ вечера, а оставили ночевать въ чужомъ мѣстѣ, среди чужихъ людей? Вѣдь должны же были сообщить туда институтки, что нянька заболѣла, и ребенокъ остался здѣсь.

Но всѣ эти случайныя мысли приходятъ много позднѣе въ голову Августы Христіановны, уже тогда, когда порядокъ въ ея комнатѣ водворенъ, слѣды гибели акваріума затерты и два тритона и золотыя рыбки торжественно водворены въ банку съ водой.

Но воспитанницы не могутъ уже быть свидѣтельницами снова возникшихъ мукъ фрейлейнъ и ея сомнѣній. Онѣ спѣшно одѣваются въ дортуарѣ въ ожиданіи утренняго звонка.

ГЛАВА XIV.

ПРОШЛИ Рождество, Новый Годъ, Крещеніе. Прошло веселое каникулярное время, и однотонная институтская жизнь снова вступила въ свои права, какъ рѣка, вкатившаяся послѣ половодья въ свое обычное русло.

Стоялъ одинъ изъ будничныхъ учебныхъ дней. Только что закончилась большая послѣобѣденная перемѣна. Воспитанницы вернулись съ прогулки. У выпускныхъ по расписанію значился урокъ физики. Симпатичный, немолодой, съ замѣтно сѣдѣющими висками инспекторъ классовъ, онъ же и преподаватель физики и естествознанія въ N-скомъ институтѣ, Александръ Александровичъ Гродецкій, пользовался общею любовью и уваженіемъ всего учебнаго заведенія. Справедливый, гуманный, отечески заботящійся о ввѣренныхъ ему воспитанницахъ, онъ, вмѣстѣ съ генеральшей Вайновской,

тратилъ всѣ свои силы, все свое здоровье и энергію на высокое дѣло воспитанія многихъ поколѣній институтокъ. Его прямые, честные, открытые глаза, его въ душу вливающійся голосъ, его умѣніе заинтересовывать на лекціяхъ самымъ методомъ преподаванія—невольно привлекали къ нему всѣ молодыя сердца. Сегодня Гродецкій долженъ былъ объяснить воспитанницамъ устройство электрической машины. Его давно уже ожидали выпускныя. Въ физическомъ кабинетѣ, небольшой круглой комнатѣ, находившейся противъ церковной лѣстницы, было тщательно надушено каждое кресло, каждый уголокъ. Объ этомъ позаботилась Зина Алферова, вымѣнявшая у Мани Лихачевой цѣлую банку духовъ за семь порцій сладкаго, отъ котораго стоически отказывалась цѣлую недѣлю. На каѳедру она положила кусокъ мѣла, завернутый въ надушенную же папиросную бумажку розоваго цвѣта и перевязанный розовой лентой съ бантомъ.

Когда Александръ Александровичъ вошелъ въ физическій кабинетъ, выпускныя поднялись со своихъ мѣстъ и присѣли, какъ одинъ человѣкъ, низко и стройно.

— Сегодня у насъ поясненіе электрической машины, не правда ли?..—со своей обворожительной доброй улыбкой произнесъ инспекторъ.

И хоръ воспитанницъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Да.

«Какой чудный человѣкъ этотъ Гродецкій!»—мы-

сленно шептала Зина Алферова, находясь подлѣ инспектора и не сводя съ него глазъ. Она, какъ завѣдующая физическими аппаратами, имѣла возможность чаще и больше остальныхъ встрѣчаться съ Гродецкимъ. Сегодня же дѣвушка рѣшила привести въ исполненіе то, что было задумано ею уже больше мѣсяца. Зина горѣла желаніемъ имѣть что-либо на память отъ любимаго учителя. Ей было мало того, что Гродецкій поставилъ ее хозяйкой надъ всѣми этими колбочками, банками, машинными частями, надъ всей физической комнатой, куда она, не въ примѣръ прочимъ, имѣла доступъ во всякое время. Она рѣшила, вооружившись ножницами, отрѣзать пуговицу отъ инспекторскаго вицъ-мундира, чтобы имѣть хотя какой-нибудь предметъ отъ него на память. Для этой пуговицы уже наготовѣ была прехорошенькая коробочка, которую она вымѣняла на двѣ порціи сладкаго у «тряпичницы» Лизы Ивановой. Въ коробочкѣ лежала розовая, сильно надушенная ватка, точно приготовленная для какой-нибудь драгоцѣнной вещи. Оставалось только добыть самую пуговицу. И съ этой цѣлью Зина приблизилась къ Александру Александровичу въ то время, когда онъ, стоя у машины, пытался привести ее въ движеніе и протянула впередъ дрожащую руку вооруженную ножницами.

Классъ, оповѣщенный заранѣе насчетъ плана ея дѣйствій, замеръ въ ожиданіи.

— Итакъ, mesdames, вы видите всю несложность устройства механизма подобной машины, гдѣ главной двигательной силою является... Ахъ, что это такое?

Красивый, сочный голосъ Гродецкаго оборвался на полуфразѣ. Онъ почувствовалъ, какъ кто-то дергаетъ его за фалду вицъ-мундира. Гродецкій обернулся.

— Госпожа Алферова, что съ вами? Что съ вами, госпожа Алферова?

Бѣдная Зина! Едва ли когда-либо чье-нибудь лицо имѣло способность такъ краснѣть, какъ покраснѣло лицо Алферовой въ эту минуту. Слезы смущенія были готовы брызнуть у нея изъ глазъ, въ то время, какъ ротъ улыбался жалкой улыбкой, похожей болѣе на гримасу, нежели на улыбку. Въ протянутой къ учителю рукѣ она, совершенно растерянная, держала пуговицу.

— Вотъ... только... это... Я взяла на память... Только это... Простите меня...—пролепетала она съ лицомъ, напоминавшимъ въ эту минуту спѣлый помидоръ.

— Воля ваша, ничего не понимаю... Ради Бога, объясните mesdames?—обводя растерянным взглядомъ свою аудиторію, спросилъ Гродецкій.

Легкій шопотъ пронесся по физическому кабинету.

— Она, Александръ Александровичъ, хотѣла имѣть отъ васъ на память что-нибудь,—послышался голосъ Теръ-Дуяровой.

— А!!!

Обычно блѣдное лицо Гродецкаго покрылось легкимъ румянцемъ.

— Такъ вотъ оно что! Я очень польщенъ вашимъ вниманіемъ, госпожа Алферова, но... но... Зачѣмъ же такое странное, своеобразное выраженіе симпатіи?— произнесъ онъ, обращаясь къ на-смерть переконфуженной Зинѣ.—Я человѣкъ небогатый, живу исключительно на жалованье и заказывать себѣ новые фраки часто не могу. А вы, отрѣзая пуговицу, могли испортить и самый фракъ, неумышленно, второпяхъ, конечно. Во всякомъ случаѣ, вы напрасно поторопились,—поспѣшилъ онъ добавить, при видѣ несчастнаго лица Зины,—я уже давно имѣлъ въ виду поднести вамъ маленькій сюрпризъ на память въ видѣ электрическаго фонарика въ брелокѣ — въ благодарность за образцовое содержаніе физическаго кабинета и за ваши заботы о немъ. Фонарикъ, къ сожалѣнію, еще не готовъ, и я буду имѣть честь принести его вамъ, какъ только онъ будетъ мнѣ доставленъ. А что касается отрѣзанной пуговицы, то я просилъ бы васъ вернуть ее мнѣ обратно, чтобы я могъ пришить ее на мѣсто.

Малиновая отъ стыда, Зина поневолѣ должна была исполнить желаніе Гродецкаго. Ей хотѣлось самымъ искреннимъ образомъ провалиться сквозь землю въ эту минуту. А среди воспитанницъ уже проносился легкій чуть слышный шопотъ:

— Счастливица! Счастливица! Отъ самого Алексан-

дра Александровича получишь «память»! И везетъ же этой Зинкѣ!

Но сама Зина, смущенная всѣмъ происшедшимъ, менѣе всего ощущала удовольствіе отъ будущаго подарка. Все еще малиновая отъ стыда, она низко-низко присѣла передъ инспекторомъ и, пролепетавъ въ забывчивости: — «Дорогая моя... мерси... Большое вамъ спасибо...»—нырнула подъ взрывъ неудержимаго смѣха въ задніе ряды аудиторіи.

Покачивая головою и улыбаясь, Александръ Александровичъ Гродецкій возобновилъ урокъ. Ни онъ, ни его слушательницы не подозрѣвали о новомъ сюрпризѣ, который готовила имъ всѣмъ въ концѣ этого же урока неумолимая проказница судьба.

* * *

— Итакъ, mesdames, мы видимъ изъ всего вышеизложеннаго и подтвержденнаго наглядными опытомъ, произведеннымъ на глазахъ вашихъ съ электрической машиной, что силы природы, казалось бы такія непонятныя на первый взглядъ, имѣютъ свое точное объясненіе. Если какое-либо изъ явленій приро...

Гродецкій не договорилъ фразы, умолкъ на полусловѣ и устремилъ удивленные глаза на дверь. Взоры всѣхъ присутствовавшихъ на урокѣ физики воспитанницъ тоже обратились въ томъ же направленіи и тихое «ахъ»! пронеслось по физическому кабинету. Даже Не-

А мнѣ пляникъ дѣдуська Ефимъ далъ...—произнесла Таиточка...

точка Козельская, мирно дремавшая въ своемъ уголку, широко раскрыла свои мало выразительные глаза и проронила тихій возгласъ удивленія.

— Таита! Тайночка! Тайна!..—пронесся испуганный шопотъ.

Дѣйствительно, это была она. Маленькая бѣлобрысая дѣвочка, какъ ни въ чемъ не бывало, своей слабой ручонкой распахнула дверь физическаго кабинета и, остановившись на порогѣ его, запихавъ одну руку въ ротъ и протягивая впередъ другую, вооруженную какимъ-то темнымъ замусленнымъ кусочкомъ съѣдобнаго, произнесла:

— А мнѣ пляникъ дѣдуська Ефимъ далъ нынче. А у васъ нѣтъ пляничка?

— Откуда ты, прелестное дитя?—продекламировалъ Александръ Александровичъ Гродецкій стихъ изъ пушкинской «Русалки», обращая на странную посѣтительницу изумленный взглядъ.

Но «прелестное дитя» и не думало удостоить его отвѣтомъ. Быстро обѣжали ряды воспитанницъ проворные лукавые глазенки Глаши, и она весело вскрикнула, остановивъ ихъ на хорошо знакомомъ лицѣ:

— Бабуська Ника, я хочу къ тебѣ! — и бросилась черезъ всю комнату по направленію къ своей любимицѣ.

Со смущенными и сконфуженными лицами сидѣли воспитанницы, виновато глядя въ лицо любимаго наставника. Если бы это случилось въ присутствіи класс-

ной дамы, онѣ, не задумываясь, наплели бы цѣлую исторію по поводу злополучной и вездѣсущей «княжны Таиты», случайно снова волею судебъ попавшей подъ институтскую кровлю. Но лгать Гродецкому никто не имѣлъ охоты. Его слишкомъ любили и уважали, чтобы желать провести. И вотъ, словно по общему уговору, съ самымъ рѣшительнымъ видомъ поднялась съ мѣста смуглая, стройная дѣвушка.

— Александръ Александровичъ, — прозвучалъ бархатный голосъ черненькаго «Алеко», и цыганскіе глаза Шуры Черновой серьезно и торжественно взглянули въ самую глубину глазъ инспектора, — вѣрите-ли вы намъ, что мы, ваши воспитанницы, не сдѣлали и не сдѣлаемъ ничего безчестнаго, подлаго и дурного?

И сказавъ это, она замолкла въ ожиданіи отвѣта.

Взглядъ Гродецкаго въ одно мгновеніе обѣжалъ лица присутствующихъ. Вотъ они, всѣ эти милыя, довѣрчиво обращенныя къ нему личики. Всѣ эти черные, сѣрые, голубые, безусловно честные и открытые глаза. Развѣ можно усомниться въ ихъ правдѣ? Развѣ можно усомниться хоть разъ въ честности этихъ открытыхъ, ясныхъ, еще совсѣмъ дѣтскихъ взоровъ? И не колеблясь ни минуты, онъ отвѣтилъ:

— Разумѣется, я вамъ вѣрю.

— Тогда... Тогда доведите ваше довѣріе до конца и не спрашивайте насъ ничего объ этой дѣвочкѣ, ни объ ея неожиданномъ появленіи. Мы не можемъ пока сказать

правду, а солгать вамъ у насъ не повернется языкъ. Придетъ время, и мы вамъ все разскажемъ... А пока мы просимъ васъ умолчать обо всемъ томъ, что здѣсь сейчасъ произошло.

Что-то искреннее и убѣдительное прозвучало въ голосѣ и тонѣ смугленькаго «Алеко», и честнымъ, прямымъ открытымъ взглядомъ еще разъ выглянули на Гродецкаго ея большіе цыганскіе глаза.

Послѣдній помолчалъ съ минуту и еще разъ обведя всю свою аудиторію пронизывающимъ взоромъ, произнесъ громко:

— Я вѣрю вамъ на слово, вѣрю тому, что нѣтъ ничего предосудительнаго, неблагороднаго въ вашемъ секретѣ, и обѣщаю молчать. Вѣрю вамъ, что когда придетъ время, вы самымъ чистосердечнымъ образомъ разскажете мнѣ обо всемъ. Вы даете мнѣ это слово за всѣхъ г-жа Чернова? Да?

— Даю за всѣхъ...—не колеблясь ни минуты, произнесла Шура.

Вздохъ облегченія вырвался у всѣхъ тридцати пяти дѣвушекъ одновременно.

Предварительно испросивъ разрѣшеніе у Гродецкаго увести Глашу, Ника Баянъ провела ее внизъ. Тамъ, въ сторожкѣ, она долго и подробно давала инструкціи испуганному Ефиму по поводу болѣе тщательнаго ухода за Глашей.

— Нельзя оставлять дверь открытой... Она опять

убѣжитъ... Попадется еще на глаза начальству. Ахъ, Ефимъ, слѣдите вы за ней хорошенько. Вѣдь такъ недалеко и до грѣха.

Ефимъ, который весь ушелъ съ головою въ послѣднія политическія событія, описываемыя газетами, сердито накинулся на Глашу.

— Ахъ, баловница! Ахъ, безстыдница! Въ могилу ты меня свести хочешь! Воля ваша, барышня, придумайте, куда ее убрать. Съ каждымъ днемъ все съ ней труднѣе и труднѣе дѣлается. Больше силъ моихъ съ ней нѣтъ.

— Хорошо, я подумаю,—кивнула головкой Ника и, строго наказавъ Глашѣ не покидать больше сторожки, снова вернулась въ физическій кабинетъ.

ГЛАВА XV.

ПРОМЧАЛАСЬ, какъ вихрь, веселая масленица, хотя и безъ особыхъ новыхъ впечатлѣній на этотъ разъ. Съѣздили всѣмъ классомъ въ оперу на «Жизнь за Царя». Бредили долгіе дни Сусанинымъ. Восторгались Ваней. Эля Федорова затягивала нѣсколько сотенъ разъ, немилосердно фальшивя при этомъ, пѣсню Вани «Лучинушка».

Но каждый разъ на нее махали руками и шикали, заставляя молчать. Еще слишкомъ сильно было впечатлѣніе, слишкомъ ярки образы первоклассныхъ исполнителей, чтобы подражаніе, будь оно даже безукоризненное, не казалось кощунствомъ, а тѣмъ болѣе фальшивое пѣніе Эли.

Какъ-то разъ выпускныхъ повели на прогулку. Одѣтыя въ темносинія ватныя пальтишки казеннаго типа, съ безобразными шапочками на головахъ, инсти-

тутки въ этомъ уборѣ подурнѣли и постарѣли лѣтъ на пять каждая. Даже хорошенькая Баянъ и красавица Неточка выглядѣли ужасно. Но, несмотря на это, прохожая публика очень охотно заглядывалась на разрумянившіяся на морозѣ личики, на ярко поблескивающіе юные глазки. Сбоку, съ видомъ всевидящаго Аргуса, путешествовала «Скиѳка», поглядывая зорко по сторонамъ, хотя старалась казаться непричастной къ шествію.

На перекресткѣ столкнулись съ толпой кадетиковъ. Румяный толстощекій мальчуганъ уставился на Нику.

— Помилуй Богъ, да вѣдь это Никушка!

— Вовка!

И Ника Баянъ кинулась навстрѣчу младшему брату.

— Приходи въ воскресенье на пріемъ,—оживленно шептала она, пользуясь минутнымъ невниманіемъ Августы Христіановны.

— Всенепремѣннѣйше. Даю мое суворовское слово честнаго солдата, и ты поклонись за это отъ меня кому-нибудь.

— Знаю, знаю, «Золотой Рыбкѣ»,—хохотала Ника.

— Ну, понятно, ей. Помилуй Богъ, угадала. Она славная этакая.

— Баянъ, какъ ты смѣешь разговаривать съ проходящими мужчинами? — словно изъ-подъ земли выросла передъ нею «Скиѳка».

— Это совсѣмъ не мужчины, фрейлейнъ, а мой братъ Володя, оправдывалась дѣвушка, въ то время,

какъ карiе глазки все еще горѣли радостью встрѣчи съ любимымъ братомъ.

— Это неприлично. А это кто? Зачѣмъ онъ такъ смотритъ на тебя, Чернова?—накинулась Августа Христiановна на черненькаго «Алеко», имѣвшаго несчастье привлечь на себя взоры высокаго статнаго кадета, съ насмѣшливо задорными глазами и подвижнымъ лицомъ.

— Я-то чѣмъ виновата, скажите пожалуйста. У него надо спросить,—сердито отвѣтила Шура.

— Зачѣмъ вы смотрите такъ... такъ нагло на воспитанницъ?—накинулась, не медля ни минуты, на юношу «Скиѳка».

— А развѣ нельзя?—насмѣшливо прищурившись, освѣдомился онъ.

— Нельзя. Это дерзость. Вы не имѣете права такъ смотрѣть.

— А вы бы имъ на головы шляпныя картонки надѣли, тогда ужъ, навѣрное, никто бы не смотрѣлъ...—отвѣтилъ кадетъ.

— Пффыркъ! — не выдержали и разразились смѣхомъ воспитанницы.

— Ха-ха-ха!—вторили имъ кадеты, быстро удаляясь по тротуару.

— Я такъ не оставлю. Я буду жаловаться. Я знаю, какого вы корпуса, и съ вашимъ директоромъ лично знакома,—волновалась Августа Христiановна.

— На доброе здоровье,—донесся уже издали насмѣшливый голосъ.

— Вы будете наказаны, и Баянъ, и Чернова, и всѣ.

— Вотъ тебѣ разъ! Мы-то чѣмъ же виноваты?—послышались протестующіе голоса.

— Still! (Тихо!)—сердито воскликнула нѣмка.

— Ну, ужъ это не штиль, а цѣлая буря.

— Теръ-Дуярова, что ты тамъ ворчишь?

— Погода говорю, хорошая; солнце грѣетъ...

— Будетъ вамъ погода и солнце, когда вернемся домой.

— Сегодня Прощенное воскресенье. Сегодня нельзя сердиться...—грустнымъ тономъ говоритъ Капочка, не глядя на фрейлейнъ Брунсъ.

— Капа, Капа!—шепчетъ ей ея сосѣдка по прогулкѣ, Баянъ, когда все понемногу успокаивается и входитъ въ норму.—Какъ же мы будемъ съ исповѣдью-то? Вѣдь про «Тайну» батюшкѣ непремѣнно сказать надо...

— Разумѣется. Грѣхъ и ересь скрывать что бы то ни было отъ отца духовнаго.

— Такъ что мы, должны сказать?

— Конечно, конечно. Вѣдь мы лгали, укрывали отъ начальства.

— Гм...

— Знаешь, Капочка, собственно говоря, вѣдь ..

— Тише, тише, фрейлейнъ Брунсъ тутъ.

«Скиѳка», дѣйствительно, уже подлѣ. И какъ она подкралась незамѣтно къ юнымъ собесѣдницамъ? Идетъ рядомъ и смотритъ подозрительными глазами на обѣихъ дѣвушекъ. Она давно уже прислушивается и приглядывается ко всему, что происходитъ въ классѣ. Многое даетъ обильную пищу ея подозрительности. Она подозрѣваетъ, догадывается, что ввѣренныя ея попеченіямъ воспитанницы скрываютъ отъ нея нѣчто «весьма важное» и «преступное». Часто ухо ея улавливаетъ странное шушуканье, повторяемое слово «Тайна», «Таита»... Какія-то записочки то и дѣло циркулируютъ по классу и исчезаютъ мгновенно при одномъ ея приближеніи. Одну изъ такихъ записочекъ у нея на глазахъ безслѣдно уничтожила Тольская, эта отвратительная «отпѣтая» дѣвчонка, когда она, Августа Христіановна, потребовала ей показать. Кромѣ того, что-нибудь да значатъ всѣ эти исчезновенія изъ класса то одной, то другой воспитанницы. Ничего еще, если это—какая-нибудь простая дѣтская шалость, шутка... Ну, а если что-либо болѣе серьезное, если это—Боже упаси!—какой-нибудь заговоръ? А кто же поручится, что это не такъ? Отъ этихъ дѣвушекъ всего можно ожидать... Нѣтъ, нѣтъ, надо удвоить старанія, раскрыть всѣ эти шашни и довести обо всемъ до свѣдѣнія начальства. Такъ оставить нельзя.

И, рѣшивъ такимъ образомъ дѣло, «Скиѳка» воз-

вращается въ институтъ. На душѣ у нея буря. А воспитанницы, какъ нарочно, находятся нынче въ какомъ-то приподнятомъ настроеніи.

— Mesdames, мнѣ необходимо поговорить съ классомъ,—шепчетъ Баянъ, оборачиваясь спиной къ «Скиѳкѣ» и дѣлая значительные глаза въ ту минуту, когда вернувшіяся съ прогулки институтки занимаютъ свои обычныя мѣста.

И вотъ дѣвушка придумываетъ способъ «выкурить» изъ класса Августу Христіановну. Она подходитъ къ каѳедрѣ и съ самымъ невиннымъ выраженіемъ на ангельскомъ личикѣ начинаетъ, обращаясь къ той:

— Фрейлейнъ Брунсъ, вы давно въ институтѣ служите?

— О давно, очень давно,—ничего не подозрѣвая, отвѣчаетъ наставница.

— Но вѣдь вы были совсѣмъ молодая, когда поступили сюда?

— О, да, молодая, конечно.

— И очень хорошенькая? Очень, очень хорошенькая, должно быть, фрейлейнъ...—не то вопросительно, не то утвердительно продолжаетъ плутовка.

— То есть?..

Лицо нѣмки вспыхиваетъ и дѣлается багровымъ. Кто хорошо знаетъ Августу Христіановну, тотъ могъ понять, что лучшаго «плана дѣйствій» Ника Баянъ вы-

брать не могла. Никогда не существовавшая красота—одинъ изъ «пунктиковъ» фрейлейнъ. Она часто любитъ распространяться о томъ, какой у нея былъ ослѣпительный цвѣтъ лица, какіе волосы и зубы, когда она была молодою. И послѣ такихъ разговоровъ обыкновенно фрейлейнъ Брунсъ впадала въ меланхолическую задумчивость и шла въ свою комнату, гдѣ долго сидѣла разбирая пачки писемъ, какіе-то выцвѣтшіе лоскутки бумаги, какіе-то засохшіе, перевязанные тоненькими ленточками, цвѣты. Или просиживала чуть ли не цѣлый часъ передъ зеркаломъ, разглядывая свое отраженное въ стеклѣ багровое лицо съ пуговицеобразнымъ малиновымъ носомъ.

И сейчасъ, лишь только разговоръ коснулся милаго ея сердцу далекаго прошлаго, «Скиѳка» стремительно поднялась съ мѣста и «испарилась, какъ дымъ», какъ говорится на своеобразномъ языкѣ институтокъ.

— Ура!—закричала Ника, подбрасывая къ самому потолку толстый томъ учебника педагогики.—Ура! Теперь ко мнѣ, mesdames, и какъ можно скорѣе!

Ключъ, впопыхахъ оставленный нѣмкой, стучитъ по каѳедрѣ. Воспитанницы на этотъ призывной звукъ слетаются со всѣхъ угловъ класса, какъ птицы, и окружаютъ Нику.

Торопясь, волнуясь и захлебываясь, дѣвушка спѣшитъ вылить то, чѣмъ болѣла ея душа за всѣ послѣдніе дни.

— Дѣти мои, дальше такъ продолжаться не можетъ...—взволнованно говоритъ она.—«Скиѳка» далеко не такъ глупа, какъ это кажется. Она догадывается о «Тайнѣ», если уже не догадалась вполнѣ. И неминуемая бѣда грозитъ намъ всѣмъ, а Ефиму особенно. Поэтому, пока еще не поздно, надо предотвратить ее. Я думала такъ много надъ этимъ вопросомъ, что, кажется, мои мозги лопнутъ и сердце порвется на мелкіе куски. Положеніе ужасное, но, во всякомъ случаѣ, не безвыходное. И вотъ что я придумала наконецъ. Написать обо всемъ и сердечно покаяться во всей этой исторіи барону Гольдеру. Вѣдь нашъ попечитель и почетный опекунъ—человѣкъ удивительный. Это—рыцарь безъ страха и упрека. Это—положительно ангелъ во фракѣ...

— Баянъ, какъ ты можешь кощунствовать такимъ образомъ!—возмущается Капа Малиновская, прерывая рѣчь дѣвушки.

— Ахъ, Боже мой, отстань. До подбора ли выраженій мнѣ сейчасъ, сама понимаешь!—волнуясь, говоритъ Ника и подхватываетъ съ новымъ подъемомъ и жаромъ:

— Мы должны ему написать письмо, чистосердечное, хорошее письмо и покаяться во всемъ. Такъ и такъ: спасите дѣвочку, увезите отсюда, помѣстите въ какую-нибудь хорошую, надежную семью. А мы будемъ платить за нее... содержать нашу «дочку». Каждая по

выходѣ изъ института, будетъ, по сколько можетъ, посылать Таиточкѣ. Потомъ ее помѣстимъ въ учебное заведеніе. Двѣсти рублей у нея уже лежатъ на книжкѣ въ сберегательной кассѣ, наберемъ еще...

— Да. да...—подхватываютъ горячіе голоса:—наберемъ еще. Будемъ платить... Заботиться о ней.

— А потомъ, по выходѣ ея изъ пансіона, сдѣлаемъ ей приданое и выдадимъ замужъ,—неожиданно заключаетъ Тамара.

— И дѣтей ея будемъ крестить, mesdames.

— И замужъ ихъ выдавать.

— Ха, ха, ха! Да насъ тогда и на свѣтѣ не будетъ!—хохочетъ «Алеко»:—третье поколѣніе вѣдь это, развѣ одна Валерьянка будетъ жить еще: она такъ пропитана своими лѣкарствами, что ее и смерть не возьметъ.

— Остроумно, нечего сказать,—обижается Валя.

— Mesdames, мы уклоняемся отъ цѣли, надо составить письмо.

— Да, да, скорѣе, какъ можно скорѣе.

Три десятка юныхъ головокъ, движимыхъ самыми благородными намѣреніями, склоняются надъ партой Ники, за которой сама она, прикусивъ нижнюю губу, выводитъ тщательно своимъ ровнымъ, мелкимъ, словно бисеръ, почеркомъ:

„Ваше Высокопревосходительство, баронъ Павелъ Павловичъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ текстъ письма.

Проходитъ цѣлый часъ времени, пока, наконецъ, оно готово, написано и положено въ конвертъ. Рѣшено въ слѣдующій же пріемъ передать его Сережѣ Баяну, который повезетъ его лично попечителю.

И, нѣсколько успокоенныя, институтки расходятся по своимъ мѣстамъ.

«Биб-бомъ! Бимъ-бомъ»!—стонетъ по-великопостному церковный колоколъ изъ ближайшаго городского собора, и крикливо отвѣчаютъ ему далекіе колокола.

По коридорамъ, особенно нижнему, носится запахъ жареной картошки, постнаго масла и кислой капусты. Весь постъ ѣдятъ постное. Говѣютъ выпускныя только на послѣдней недѣлѣ, но учатся въ посту меньше обыкновеннаго, повторяютъ пройденное раньше, составляютъ конспекты и программы для предстоящихъ экзаменовъ. Сами учителя относятся какъ будто менѣе строго къ отвѣтамъ воспитанницъ за послѣднее время. На шестой, Вербной недѣлѣ, у выпускныхъ заканчиваются лекціи. Пасха нынче поздняя, и сейчасъ же послѣ праздниковъ начнутся выпускныя испытанія, тѣ самые жуткіе выпускные экзамены, которые оставятъ неизгладимый слѣдъ въ институтскомъ аттестатѣ. Въ Вербную пятницу учителя даже и не спрашиваютъ уроковъ. Кое-кто изъ нихъ произнесетъ на прощанье рѣчь. Всѣ они совѣтуютъ готовиться какъ можно лучше къ предстоящимъ экзаменамъ.

Веселый, полный жизни и юмора французъ былъ очень изумленъ, когда передъ нимъ на послѣднемъ его урокѣ неожиданно предстала взволнованная «Золотая Рыбка».

— Pardon, monsieur, черезъ недѣлю я иду на исповѣдь и до тѣхъ поръ васъ больше не увижу, а я такъ виновата передъ вами, — звенитъ стеклянный голосъ Тольской, и нѣжныя щеки дѣвушки рдѣютъ румянцемъ.

— Виноваты? Въ чемъ же дитя мое?—несказанно удивленъ французъ, и лицо его съ рыжими бачками и карiе, тоже какъ будто рыжiе, глаза смѣются.

— Да, да, виновата. Вы мнѣ поставили единицу, а я... я...—задыхаясь, пролепетала «Золотая рыбка»— взяла и выбранила васъ вслѣдъ.

— О!—восклицаетъ французъ съ патетическимъ жестомъ и тѣми же смѣющимися глазами.—О, что за ужасъ! Но какъ же, скажите, какъ же вы выбранили меня?

Въ неописуемомъ волненiи молчитъ «Золотая рыбка».

— Не могу я сказать, какъ назвала васъ, ни за что.

Дѣйствительно, языкъ не поворачивается у Лиды Тольской произнести то слово, которымъ она наградила заочно веселаго француза.

— Лукавый попуталъ... — произноситъ она по-русски.

— Qui? Qui? Люкавъ? Mais qu'est ce que c'est *)— хохочетъ уже въ голосъ французъ.

Учителя словесности послѣ урока ловятъ въ коридорѣ.

— Простите насъ. Мы часто васъ изводили, не готовили уроковъ,—говоритъ за всѣхъ Мари Веселовская, выступая впередъ.

— Благодарю васъ,—смущенно, вмѣсто обычнаго «Богъ проститъ», роняетъ Осколкинъ.

Давясь отъ смѣха, воспитанницы несутся обратно въ классъ.

А въ среду вечеромъ идутъ просить прощенія у высшаго начальства. Генеральша цѣлуетъ всѣ эти милыя немного сконфуженныя личики своихъ «большихъ дѣвочекъ.» Она растрогана. Она любитъ ихъ всѣхъ, знаетъ всѣ ихъ недостатки и достоинства каждой изъ этихъ дѣвушекъ, безконечно близкихъ ея сердцу. Не даромъ же на протяженіи семи слишкомъ лѣтъ слѣдила она за ростомъ этихъ живыхъ цвѣтовъ, такихъ юныхъ и нѣжныхъ.

Отъ «maman» идутъ къ инспектрисѣ.

— Богъ проститъ, дѣти,—вмѣсто всякихъ ожидаемыхъ воспитанницами нравоученій, совсѣмъ просто говоритъ она.

Поднимаются въ комнату «Скиѳки».

— Фрейлейнъ Брунсъ, простите насъ. Мы такъ ви-

*) Какъ? Какъ? Но что это такое?

новаты передъ вами,—искренне срывается съ устъ «представительницы» Мари Веселовской.

Нѣмка растрогана не менѣе начальницы. Малиновое лицо принимаетъ багровый оттѣнокъ. Въ глазахъ закипаютъ слезы. Рѣдко когда такъ ласково говорятъ съ нею.

Она киваетъ головой, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

Вдругъ струя знакомаго, нестерпимо сладкаго аромата доносится до ея ноздрей, и Маша Лихачева, вмѣстѣ съ ея неизбѣжнымъ шипромъ, протискивается впередъ. Ея тщательно завитые кудерки теперь развились и безпорядочными космами падаютъ на лицо. Всегда кокетливо причесанная къ лицу дѣвушка, сейчасъ менѣе всего думаетъ о своей внѣшности. Она замѣтно взволнована, потрясена.

— Фрейлейнъ Брунсъ, голубушка, ангелъ...—говоритъ она, захлебываясь въ своемъ волненіи,—я прошу васъ отдѣльно меня простить. Я такъ виновата передъ вами, безконечно виновата. Вы помните, я какъ-то спросила васъ, чѣмъ кончается знаменитая Гоголевская повѣсть «Тарасъ Бульба»?

— Да... да... Помню...—ничего не понимая, роняетъ нѣмка.

— А вы мнѣ еще отвѣтили тогда: «тѣмъ, что Тарасъ женился на Бульбѣ».

— Ну, такъ что же? — продолжаетъ теряться «Скиѳка».

— А я еще поправила васъ и сказала, что Бульба женился на Тарасѣ... А это все ложь: никто не женился, ни Бульба на Тарасѣ, ни Тарасъ на Бульбѣ. Тарасъ Бульба это одно лицо. Понимаете? Вы русской литературы не можете знать. Вы не здѣшняя, вы—саксонка. А я смѣялась надъ вами. Простите же вы меня. Я иду нынче на исповѣдь и прошу вашего прощенія.

— Я прощаю... Прощаю... И Богъ проститъ, только не дѣлай завивки,—говоритъ Августа Христіановна, ласково проводя рукой по всклокоченной головкѣ Маши.

Въ другой разъ выпускныя расхохотались бы надъ этимъ несвоевременнымъ и несоотвѣтствующимъ отвѣтомъ, но сейчасъ, примиренныя и успокоенныя, выходятъ онѣ изъ комнаты нѣмки и подъ предводительствомъ m-lle Оль направляются въ церковь.

Церковь вся тонетъ въ полумракѣ. Освѣщены лампадами лишь нѣкоторые образа.

Институтки съ молитвенниками въ рукахъ опускаются на колѣни, и покорныя, ждутъ очереди исповѣди. На нихъ смотрятъ строгія и суровыя очи угодниковъ, кроткія—Спасителя, благія—Его Божественной Матери. И мнится имъ, что Невѣдомый, Таинственный и Прекрасный Богъ незримо проходитъ по рядамъ дѣвушекъ и осѣняетъ Рукой Своей каждую склоненную надъ молитвенникомъ головку...

— Каяться надо... Каяться плакать и земные поклоны до холоднаго пота отбивать и молиться... Все

надо священнику повѣдать, все безъ утайки о Тайночкѣ нашей. А то за грѣхъ и ересь покараетъ Господь. Не даромъ же Онъ, Благій и Грозный, наказуетъ насъ нынѣ.

Это говоритъ Капочка Малиновская. Въ полутьмѣ церкви ярко сверкаютъ ея глаза. На блѣдномъ лицѣ вспыхиваютъ яркія пятна румянца. Капочка не зря напоминаетъ подругамъ о наказаніи свыше. Какъ наказаніе Божіе приняли дѣвушки случившееся съ ними непріятное событіе.

Письмо къ почетному опекуну барону Гольдеру было послано съ Сергѣемъ Баяномъ.

Но барона не оказалось дома, онъ уѣхалъ за границу и не обѣщалъ вернуться до весны. Сергѣй Баянъ оставилъ письмо институтокъ у лакея и поспѣшилъ съ этой вѣстью къ сестрѣ.

Выпускныя взволновались. Отсутствіемъ почетнаго опекуна уничтожалась послѣдняя возможность предотвратить назрѣвавшую катастрофу. Присутствіе Глаши въ институтскихъ стѣнахъ дѣлалось съ каждымъ днемъ все опаснѣе.

Объ этомъ и думаетъ сейчасъ Ника. Тревожны ея глаза. Неспокойно лицо. Вдругъ чьи-то тонкія руки обвиваютъ ея шею, чьи-то изступленные поцѣлуи сыплются на щеки, глаза и лобъ.

— Ника, Ника, простите меня, помиримся, дорогая! Неужели вы думаете, что я умышленно тогда, на Рождествѣ, подвела васъ?—и блѣдное взволнованное личико

княжны Ратмировой, все залитое слезами, предстаетъ передъ Никой.

Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ какъ Ника Баянъ не встрѣчается съ княжной, не замѣчаетъ ея. А между тѣмъ княжна ни въ чемъ не виновата. Развѣ только въ томъ, что «обожаетъ» Нику.

Послѣдней жаль дѣвочку. Ника слишкомъ развита и умна, для того чтобы не понять всей глупости этого пресловутаго институтскаго обожанія; оно нелѣпо и смѣшно. И объ этомъ она еще разъ шепчетъ тихонько Зарѣ, пожатіемъ руки смягчая свои суровыя слова.

— Будемъ друзьями. Перейдемъ на «ты». Станемъ дружить, какъ «Земфира» и «Алеко»? — предлагаетъ она.—Хочешь?

— Хочу! Хочу!—шепчетъ радостно Заря и, наскоро чмокнувъ розовую щечку подруги, пробирается къ своему отдѣленію сквозь ряды колѣнопреклоненныхъ институтокъ.

Въ этотъ вечеръ, поисповѣдавъ выпускныхъ, отецъ Николай, представительный священникъ, былъ несказанно удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ровно тридцать пять дѣвушекъ покаялись ему въ одномъ и томъ же грѣхѣ: въ укрывательствѣ нѣкоей Тайны отъ начальства. Но кто и что была это за Тайна,—добрый отецъ Николай такъ и не могъ понять.

ГЛАВА XVI.

ХРИСТОСЪ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!

Какъ свѣтло и радостно звучатъ нынче пасхальные напѣвы! Какъ праздничны и веселы эти, словно обновленныя, юныя личики! Какъ звонко и чисто звенятъ молодые голоса! Нета Козельская, забывъ свою обычную сонливость, плавнымъ движеніемъ руки, вооруженной металлическимъ камертономъ, руководитъ хоромъ.

Тамъ, въ толпѣ молящихся, свѣтлыми пятнами выдѣляются нарядныя платья гостей, родственницъ, начальства. Сама «maman», въ новомъ ярко-синемъ шелковомъ платьѣ, кажется королевой среди толпы подданныхъ: такъ величаво ея лицо, ея сѣдая голова, такъ стройна и представительна ея прекрасная фигура. Около нея почтительно тѣснятся учителя, инспекторъ,

почетные опекуны. Только нѣтъ главнаго, барона Гольдера, — и при мысли объ его отсутствіи тревожно замираютъ сердечки выпускныхъ.

Послѣ заутрени идутъ разговляться. Посреди столовой накрытъ длинный большой столъ. Испоконъ вѣковъ въ эту ночь въ институтской столовой разговляются начальство, учителя и классныя дамы. Эта столовая нынче наполовину пуста. Почти весь институтъ разъѣхался на пасхальныя каникулы. Остались только старшія выпускныя, да кое-кто изъ младшихъ иногородныхъ.

За столами выпускныхъ царитъ необычайное оживленіе. Ѣдятъ кислую ин титуткую казенную пасху, переваренныя, какъ камни тяжелыя, крутыя не въ мѣру яйца, пересоленную ветчину и мечтаютъ вслухъ о той минутѣ, когда можно будетъ подняться наверхъ въ дортуаръ и разговѣться «собственными», присланными изъ дому, яствами.

— Христосъ Воскресе, mademoiselles! Съ праздникомъ! — и къ столу подходитъ всеобщій любимецъ инспекторъ.—Устали, вѣрно? Еще-бы! А поете вы прекрасно. M-elle Алферова, вотъ обѣщанный подарокъ для васъ.

И тутъ Александръ Александровичъ протягиваетъ вспыхнувшей до ушей дѣвушкѣ крохотный брелокъ, до послѣдней мелочи изображающій электрическую машину.

— Mercі! Mercі! — шепчетъ, присѣдая, въ конецъ растерявшаяся Зина.

Инспекторъ отходитъ съ довольнымъ лицомъ. Такъ пріятно осчастливить кого-нибудь изъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, а тѣмъ болѣе Алферову, которая своими неусыпными заботами о физическомъ кабинетѣ вполнѣ заслужила его маленькій подарокъ.

— Счастливица! Счастливица! Отъ самого Александра Александровича получила «память»'—шепчутъ съ завистью подруги.

— Mesdam'очки, смотрите, какое оживленіе царитъ за учительскимъ столомъ. Даже Церберъ развеселился.

Дѣйствительно, даже мрачный, всегда угрюмый учитель исторіи разошелся во всю и былъ противъ своего обыкновенія веселъ, остроуменъ и оживленъ. Зоя Львовна привлекала всеобщее вниманіе. Она казалась прелестной въ своемъ новомъ форменномъ синемъ платьѣ съ кружевной бертой, граціозно облегавшей ея плечи.

— Дуся! Ангелъ! Прелесть! Ѣмъ за ваше здоровье пятое яйцо!—звонкимъ шопотомъ посылаетъ ей «Золотая рыбка», отличающаяся завиднымъ аппетитомъ.

Зоя Львовна быстро встаетъ и направляется къ крайнему столу выпускныхъ.

— Ну, вотъ и отлично, всѣ мои любимицы сгруппировались вмѣстѣ,—говоритъ она, сіяя глубокими ямками на щекахъ.—Вы, Ника Баянъ, да вы, парочка цыганъ, вы inseparables [1]) Тольская съ Сокольской, вы, очаровательная представительница Арменіи, Тамара, вы, Лиха-

[1]) Неразлучныя

чева и вы, Козельская, — очень прошу васъ всѣхъ въ четвергъ къ себѣ на вечеръ. «Maman» позволила мнѣ устроить этотъ вечеръ и даже предложила свою квартиру для этой цѣли. А вы, Ника, можете позвать вашихъ братьевъ, у меня будетъ недостатокъ въ кавалерахъ. Придете, mesdames?

— Придемъ, мерси, придемъ, непремѣнно!

— Ну, смотрите же...—Веселая, сіяющая, такъ мало похожая на другихъ классныхъ дамъ, Зоя Львовна снова отходитъ къ своему «почетному» столу.

Въ эту ночь институтки долго не ложатся. Строятъ планы на предстоящій четвергъ, спорятъ, волнуются. Первые лучи солнца застаютъ еще бодрствующими выпускныхъ.

Черненькій «Алеко», вскакивая на подоконникъ и простирая руки къ восходящему утреннему свѣтилу, декламируетъ:

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Разсказать, что солнце встало.

— Mesdam'очки, тише! У меня голова болитъ; я уже мигреневымъ карандашомъ голову намазала и компрессъ положила, а вы кричите...—стонетъ «Валерьянка».

Понемногу все утихаетъ въ выпускномъ дортуарѣ. Тридцать пять юныхъ головокъ приковываются къ жидкимъ казеннымъ подушкамъ. Утреннее весеннее солнце, проникая сквозь бѣлую штору, золотитъ всѣ эти черненькія, русыя и бѣлокурыя головки...

Спите спокойно, милыя дѣвушки! Кто знаетъ, не послѣдніе ли это безоблачные сны вашей юности. Пробьетъ часъ, и раскроются широко передъ вами двери въ «настоящую» жизнь. И Богъ вѣдаетъ, много ли такихъ беззаботныхъ ночей выпадетъ въ ней на вашу долю...

* * *

Пасхальный четвергъ. Восемь часовъ вечера.

Въ квартирѣ maman непривычное оживленіе. Самой Маріи Александровны нѣтъ. Ее неожиданно вызвали къ почетной высокопоставленной попечительницѣ института. Но четыре большія нарядно обставленныя комнаты maman полны сегодня смѣха, шума и веселья. Кромѣ выпускныхъ воспитанницъ и двухъ братьевъ Баянъ, Зоя Львовна пригласила на чашку чая и кой-кого изъ своихъ знакомыхъ. Пришелъ къ сестрѣ и докторъ Дмитрій Львовичъ Калининъ.

— Ну, какъ поживаетъ наша Тайночка?—шепотомъ обратился онъ къ Никѣ.

Та только рукой махнула.

— Ахъ, милый докторъ, мы живемъ на вулканѣ, «Скиѳка» начинаетъ догадываться и слѣдитъ за нами въ оба глаза.

— Кто?—удивленно поднялъ онъ брови.

— «Скиѳка»... Ну, Брунша, синявка наша. Неужели не знаете?

— Ха, ха, ха... Сирѣчь, классная дама?

— Ну, конечно. Наконецъ-то догадались.

— Вы и Зою синявкою называете?

— О, нѣтъ! Зоя Львовна—прелесть, само очарованіе! Развѣ есть у нея какая-нибудь черта, присущая синявкамъ? Смотрите, какая она дуся, ласковая, хорошенькая. И съ нами какъ съ подругами обращается.

— Зоя, ты слышишь?.. Ты — само «очарованіе» и «дуся»,—поймавъ за руку сестру, лукаво шепнулъ ей докторъ.

— Вотъ противный-то, все передаетъ! — расхохоталась сконфуженная Ника, въ то время, какъ Зоя Львовна улыбалась ей своей обаятельной улыбкой.

— Но мы уклоняемся, однако,—принимая серьезный видъ, произнесъ докторъ.—Ну, что-же ваша Зулуска?

— Не Зулуска, а «Скиѳка», милый докторъ, «Скиѳка». Представьте, ей всюду мерещатся заговоры, бунты, измѣны. Она на яву бредитъ ими, и, какъ сыщикъ, слѣдитъ теперь за нами. Кое-что провѣдала про Тайночку, и часа покоя буквально не видимъ отъ нея.

— Ха, ха, ха! Это вы-то бунтовщицы, заговорщицы!—расхохотался самымъ искреннимъ образомъ Дмитрій Львовичъ.

— Плохо еще то, что Бисмаркъ куксится, боится Тайночку у себя держать. Мы барону нашему написали, просили принять участіе въ Тайнѣ, да онъ уѣхалъ за границу. Неизвѣстно когда вернется. Положеніе бамбуковое. Представьте: бѣдная, бѣдная дѣвочка-

сиротка, ни отца, ни матери, никого кромѣ тетки—и не имѣть права на жизнь, на кровъ и пищу! И такая прелесть еще, какъ эта Тайночка!

Дмитрій Львовичъ слушалъ внимательно Нику и восхищался ея разгорѣвшимися глазками и озабоченнымъ личикомъ. «Какая славная, добрая, красивая, дѣвушка, какая нѣжная у нея душа!»—подумалъ докторъ, не сводя глазъ со своей собесѣдницы.

И движимый невольнымъ чувствомъ, онъ взялъ за руку Нику и произнесъ ласково:

— Довѣрите ли вы мнѣ вашу Тайночку, если я придумаю способъ устроить ее хорошо?

Карiе глаза Ники вспыхнули радостью.

— Что вы хотите сдѣлать? Что?—такъ и всколыхнулась всѣмъ своимъ существомъ молодая дѣвушка.

— Подождите, дайте мнѣ подумать. Разрѣшаете?

— Разрѣшаю!—тономъ, преисполненнымъ дѣланной важности, проронила Ника, но сердце ея забилось сильно, и новая надежда окрылила юную головку.

«Неужели, этотъ милый, симпатичный докторъ найдетъ способъ помочь нашему горю?»

Въ это самое время на противоположномъ концѣ стола Вова Баянъ уничтожалъ торты и конфеты вперегонку съ «Золотой рыбкой» и оживленно болталъ.

— Нѣтъ, вообразите только, — разсказывала своему кавалеру Лида: «Скиѳка» мечется, оретъ, бѣжитъ за Никой. А Ника несетъ на рукахъ «кузину»

Таиту, которую «Скиѳка» нашла у себя въ постели. Вы знаете, ту «кузину», про которую на Рождествѣ вамъ Ника разсказывала? Ну, думаю, дѣло плохо. Схватила акваріумъ, да какъ о полъ хлопъ. Понятно, рыбки затрепетали, а тритоны тягу дали, но въ общемъ маневръ достигъ цѣли. «Скиѳка» глаза выпучила, ротъ до ушей, и назадъ...

— Помилуй Богъ! Молодецъ! Хвалю! Вотъ это по-нашему, по-суворовски!—восторгался Вова, отправляя въ ротъ чуть ли не десятую порцію торта.

— Нѣтъ, а теперь-то я сама отличилась, вы знаете? Записку съѣла. Вы слышали?

— Что-о-о?

— Вотъ и то... Пишу секретъ Никѣ про то, чего и вы даже, Вовочка, знать не должны и не знаете, а «Скиѳка» тутъ какъ тутъ. «Aber» и такъ далѣе... Покажи записку и никакихъ... Ну я и не будь дурочкой, хамъ ее въ ротъ, пожевала и проглотила.

— Ну?..

— Ну и ничего. Тошнило потомъ немножечко. «Валерьянка» выручила, мятныхъ капель дала.

— Нѣтъ, помилуй Богъ, это, шутъ знаетъ, какъ все прекрасно!—восторгался Вова:—какъ жаль, что вы не нашъ братъ кадетъ... А то бы мы оба вмѣстѣ въ Суворовскій Фанагорійскій полкъ поступили. И какой бы славный солдатенокъ изъ васъ вышелъ, помилуй Богъ!

— Нета! Неточка! Спойте намъ что-нибудь,—попросила Зоя Львовна Козельскую.

Та сидѣла рядомъ со старшимъ Баянъ. Сергѣй сумѣлъ заинтересовать эту всегда сонную, апатичную дѣвушку. Онъ разсказывалъ ей объ электрической выставкѣ, которую посѣтилъ на-дняхъ, и попутно коснулся и самого электричества. Это былъ конекъ юноши. Онъ любилъ избранную имъ профессію. И говорилъ онъ съ захватывающимъ интересомъ, увлекаясь самъ и увлекая свою собесѣдницу. Красавица Неточка съ чудно оживившимся лицомъ и загорѣвшимися глазами ловила каждое слово молодого электротехника. Словно проснулась она, когда Зоя Львовна подошла къ ней, прося ее спѣть. Неохотно поднялась со своего мѣста молодая дѣвушка и подошла къ роялю. И черезъ минуту нѣжные, бархатные звуки молодого сочнаго сопрано задрожали и понеслись по комнатѣ.

Хорошо пѣла Неточка, и всѣ присутствующіе невольно замерли, поддаваясь обаянію этихъ сочныхъ, мелодичныхъ звуковъ. Точно поднялась мягкая лазоревая волна и покатила въ безбрежное море... Точно засвисталъ соловушка въ дубовой чащѣ, и пѣснь его нѣжной свирѣлью зазвенѣла подъ мохнатыми кущами деревьевъ... И, какъ бы звонкій лѣсной ручеекъ откликнулся ему въ чащѣ. Сапфировой волной, серебристой соловьиной трелью и звономъ лѣсного ручья разливалась несложная пѣсенка Неты. И подъ звуки пѣсни

красивое одухотворенное лицо Дмитрія Львовича приблизилось къ Никѣ.

— Я придумалъ... Я нашелъ способъ устроить вашу Тайну и выручить всѣхъ васъ изъ бѣды.—услышала его голосъ Ника.

— Какъ? Что? Но какъ же? Какъ же?

— Да очень просто,—улыбаясь, произнесъ докторъ,—пока не вернется изъ-за границы вашъ баронъ, я продержу дѣвочку у себя. Правда, квартирка у меня малюсенькая при госпиталѣ, но, авось, мѣста хватитъ. А денщикъ мой, Иванъ, славный парень и будетъ не худшей нянькой для вашей Тайночки, нежели вашъ, какъ его... Бисмаркъ.

— О, какой вы милый, докторъ, и какъ я васъ за это люблю!—вырвалось безсознательно изъ устъ Ники,—и какъ вамъ отплатить за все это, ужъ и не знаю сама.

— А я научу...

— Научите, пожалуйста.

— Стало быть, вы находите, что я достоинъ награды?—тонко улыбнулся Дмитрій Львовичъ.

— Конечно! Конечно!

— Въ такомъ случаѣ, разрѣшите мнѣ пріѣхать къ вамъ въ вашу далекую Манчжурію и сказать вашимъ родителямъ: «вотъ дѣвушка, сердце которой—сокровище, и оберегать его отъ ударовъ судьбы почелъ бы за счастье каждый, а я больше, нежели кто-либо другой».

Но для этого надо, чтобы и это чуткое милое сердечко забилось сильнѣе для меня. Я буду терпѣливъ. Я буду ждать. И дайте мнѣ слово, Ника Николаевна, если вамъ понадобится вѣрный другъ и защитникъ, любящее, преданное сердце, вы позовете Дмитрія Калинина.

Голосъ Дмитрія Львовича упалъ до шопота. Полны любви и ласки были сейчасъ его открытые честные глаза. Въ уголку у рояля ихъ никто не слышалъ. Нета пѣла. Всѣ присутствующіе были поглощены ея пѣніемъ. Даже Вовка и «Золотая рыбка» оставили на время свои торты и обратились въ слухъ.

Сердце Ники билось сильно и неровно. Ей, считавшейся еще ребенкомъ, дѣвочкой, въ ея юные шестнадцать лѣтъ, открылъ свою душу этотъ сильный, честный, благородный человѣкъ, братъ любимой Зои Львовны, принесшій всѣ свои силы на алтарь человѣчества. Подъ звуки пѣнія Неты, онъ шепталъ ей о томъ, какъ онъ узналъ отъ сестры о ихъ бѣдной сироткѣ Таиточкѣ, какъ тронуло его ея, Никина, доброта и какъ онъ самъ себѣ сказалъ:

«Вотъ та, которую ждетъ мое сердце, та, которую я съ первыхъ лѣтъ юности безсознательно предчувствовалъ и любилъ».

— Я не требую,—говорилъ онъ,—чтобы вы теперь же, по выходѣ изъ стѣнъ учебнаго заведенія, дали слово соединить вашу жизнь съ моею, но когда-нибудь... Когда я докажу свою преданность на дѣлѣ, когда вы больше узнаете меня...

О, какъ забилось сердце Ники, какъ, бурно заколотилось оно въ груди при этихъ словахъ. Умное честное лицо Калинина дышало глубокимъ чувствомъ. Открытые, смѣлые глаза впивались ей въ душу.

— Вы мнѣ очень нравитесь,—смущенно пролепетала Ника,—и я увѣрена, что сильно и крѣпко могу привязаться къ вамъ. Вы такой честный, благородный, нравственно красивый... Зоя Львовна разсказывала мнѣ столько хорошаго о васъ... Каждая дѣвушка только гордилась бы стать вашей женой. Но... но я еще такъ мало знаю жизнь... Я такая глупая... Вѣдь у меня однѣ шалости въ головѣ, дѣтскія проказы... Какая же изъ меня выйдетъ жена?!

— Я не тороплю васъ, Ника, но когда-нибудь потомъ... Вы позовете меня?

— О, да, да! Вѣдь вы же лучшій изъ людей, которыхъ я встрѣчала!—вырвалось изъ груди Ники такъ искренно и непроизвольно, что Дмитрій Львовичъ не могъ не наклониться и не поцѣловать маленькую ручку, протянувшуюся къ его сильной энергичной рукѣ.

— Ну, а теперь я бѣгу успокоить Ефима. Вечеромъ въ дортуарѣ сообщу нашимъ о томъ, что до поры до времени вы берете Таиточку къ себѣ,—произнесла веселымъ шопотомъ Ника.

— Жалѣю, что не могу сдѣлать этого на болѣе продолжительное время и тѣмъ заручиться вашимъ расположеніемъ,—замѣтилъ молодой докторъ.

— О, оно и такъ есть!—и съ лукавымъ смѣхомъ дѣвушка подбѣжала къ столу, схватила изъ вазы съ фруктами большую сочную грушу и, шепнувъ по дорогѣ Зоѣ Львовнѣ, что она отнесетъ грушу Таитѣ, незамѣтно проскользнула въ коридоръ.

ГЛАВА XVII.

КАКЪ пустыненъ и скученъ кажется этотъ безконечный коридоръ послѣ веселаго оживленія, господствовавшаго въ квартирѣ начальницы! Какъ мертво молчитъ послѣ дивнаго, чарующаго пѣнія Неточки эта гробовая тишина!

На лѣстницѣ, къ которой медленно подходитъ Ника, царитъ полутьма. Вотъ и площадка, на которой ее поджидала на Рождествѣ «Сказка» и гдѣ она испугалась чуть ли не до обморока тогда. Бѣдная Заря! Какой пустенькой и ничтожной кажется она теперь Никѣ. Это глупое, смѣшное взаимное «обожаніе» такъ надоѣдаетъ въ концѣ концовъ. А дружба ихъ не клеится какъ-то; очевидно, трудно дружить съ дѣвочкой другого класса. Но все равно. Теперь скоро выпускъ. Недолго уже осталось. Сразу послѣ Пасхи начнутся экзамены, а по-

томъ тридцать пять юныхъ дѣвушекъ, какъ птицы, вылетятъ на свободу. И она, Ника, въ числѣ этихъ счастливицъ. И улетитъ она на свою милую манчжурскую границу, въ страну сопокъ и гаоляна, въ страну загадочнаго востока, гдѣ Нику ждетъ не дождется родная семья. Улетитъ туда Ника, а докторъ Дмитрій Львовичъ останется здѣсь. Они будутъ переписываться, сноситься на разстояніи многихъ тысячъ верстъ другъ съ другомъ... А потомъ?.. Сердце замираетъ въ груди Ники, лицо ея вспыхиваетъ румянцемъ. А потомъ онъ пріѣдетъ. Они обвѣнчаются, и она, Ника, будетъ счастлива, какъ могутъ быть счастливы люди только въ сказкахъ...

Ника такъ погружена въ свои мысли, что не замѣчаетъ, какъ какая-то темная тѣнь скользитъ все время за нею, придерживаясь неосвѣщенныхъ угловъ коридора. Быстро приближается дѣвушка къ знакомой двери и стучитъ въ нее условными звуками три раза подъ рядъ.

— Отворите, Ефимъ, это я!—звонкимъ шопотомъ шепчетъ у порога сторожки Ника.

Темная маленькая фигура замерла на минуту, спрятавшись за широкую колонну лѣстницы.

Веселой птичкой впорхнула въ сторожку Ника.

— Тайна! Тайночка! Таиточка! Смотри-ка, что я тебѣ принесла,—и дѣвушка съ лукавымъ смѣхомъ прячетъ за спиною грушу.

— Бабуська Ника плисля!—радостно вскрикиваетъ Глаша и, забывъ мгновенно о пестрыхъ кубикахъ, изъ которыхъ только что приготовилась выстроить какое-то удивительное зданіе, спѣшитъ съ широко разставленными для объятій ручонками навстрѣчу своей любимицѣ.

Но прежде, нежели заняться дѣвочкой, Ника передаетъ Ефиму, отложившему въ минуту ея появленія въ сторону газету, о новости, которая, она знаетъ твердо, успокоитъ старика.

— Завтра же, завтра, Ефимъ, кончатся наши муки, и наша маленькая Глаша будетъ, какъ у Христа за пазухой, въ квартирѣ брата Зои Львовны, пока не пристроитъ ее въ пріютъ нашъ баронъ.

Къ полному изумленію Ники, Ефимъ далеко не радуется ея сообщенію. Вѣки его предательски краснѣютъ, и онъ что-то подозрительно долго сморкается въ клѣтчатый платокъ.

— Ахъ ты, Господи Боже мой, какъ же такъ неожиданно, сразу? Предупредили бы заранѣе, барышня. Привыкъ вѣдь я, ровно къ родной внучкѣ, къ проказницѣ этой,—уныло говоритъ старикъ.

— Да кто вамъ мѣшаетъ навѣщать ее? Хоть каждую недѣлю ходите къ Глашѣ, — успокаиваетъ его Ника.

— Каждую недѣлю—не каждый день,—волнуется Ефимъ.

Бѣдный старикъ! Онъ, дѣйствительно, привыкъ, какъ къ родной внучкѣ, къ этой бѣлобрысой дѣвочкѣ, то проказливой и шаловливой, то безконечно ласковой, способной цѣлыми часами просиживать съ куклой подлѣ него, пока онъ, Ефимъ, рѣшаетъ «политическія дѣла» за своей газетой. И съ этой самой черноглазенькой Глашуткой ему приходится разставаться теперь!

— Вотъ тебѣ, на, получай!—и одной рукой Ника подхватываетъ на руки Глашу, другой протягиваетъ дѣвочкѣ грушу.

— Глуса! Глуса!—радуется малютка и острыми, какъ у бѣлки, зубенками, откусываетъ кусокъ сочнаго и вкуснаго плода.

— А ты французскія фразы выучила, Тайночка?

Глаша смотритъ на свою юную «бабушку» и смущенно моргаетъ.

— Ну, такъ давай вмѣстѣ учить.

И, пристроивъ дѣвочку у себя на колѣняхъ, Ника начинаетъ ее поучать французскому языку оригинальнѣйшимъ на свѣтѣ способомъ.

— Ну, запоминай хорошенько: Je vous prie—ты мнѣ не ври. Je vous aime—я тебя съѣмъ... Mercі beaucoup—у меня колетъ въ боку... Видишь, какъ легко запомнить. Повтори.

— Я тебя съѣмъ,—повторяетъ Глаша и заливчато смѣется. Смѣется за ней и Ника.

Вдругъ блѣдное, перепуганное, искаженное ужасомъ

лицо Ефима появляется передъ ними—передъ необыкновенными учительницей и ученицей.

— Барышня, миленькая, стучатъ...

«Стучатъ»—вотъ оно страшное слово! Это «стучатъ» полно рокового значенія. Если стучатъ, значитъ, выслѣдили, значитъ, узнали, въ чемъ дѣло, значитъ, пропало все. И какъ бы въ подтвержденіе этихъ мыслей, вихремъ пронесшихся въ кудрявой каштановой головкѣ, у порога сторожки, по ту сторону двери, слышится знакомый, хорошо знакомый Никѣ голосъ:

— Отворите сейчасъ же, или я позову швейцара и прикажу выломать дверь.

— «Скиѳка»! Все погибло!..—прошептали поблѣднѣвшія губы Ники.

Она безпомощно обвела глазами комнату. Вотъ... постель... Не годится... Шкапъ, въ немъ полки,—тоже, значитъ, не годится совсѣмъ, А сундукъ? Это хорошо...

— Тайночка, милая,—бросается къ перепуганной дѣвочкѣ Ника,—не плачь, и не кричи. Сиди и молчи, что бы ни случилось, а то будетъ очень худо твоей бабушкѣ Никѣ, если сердитая чужая тетя узнаетъ, что ты здѣсь.

И, судорожно обнявъ Глашу и изступленно цѣлуя ее, она бѣжитъ съ нею къ сундуку и дрожащими руками приподнимаетъ его крышку.

Слава Богу, онъ пустъ! На днѣ его лежатъ только нѣсколько пачекъ газетъ.

Сиди и молчи, что бы ни случилось...

Проворно опускается туда миніатюрная пятилѣтняя дѣвочка. Бѣлобрысая головка мгновенно исчезаетъ въ глубокомъ отверстіи сундука, и крышка захлопнута, ключъ повернутъ въ замкѣ и исчезаетъ въ карманѣ Ники.

— Вы отворите мнѣ или нѣтъ?—слышится уже окончательно разсвирѣпѣвшій голосъ за дверью.

Какъ ни въ чемъ не бывало, спокойная, но безъ кровинки въ лицѣ, медленно идетъ къ порогу сторожки Ника и отодвигаетъ задвижку двери.

Точно пуля, врывается въ каморку Августа Христіановна. Ея лицо пышетъ жаромъ, глаза прыгаютъ, губы дрожатъ.

— Ага! Такъ я и знала! Опять вы здѣсь? Ага! Что вы дѣлали? Впрочемъ, я знаю, что вы дѣлали. Можете не отвѣчать. Я все видѣла. Я все знаю. Бунтъ? Заговоръ? Я давно слѣжу... Пишете записочки... Шепчетесь. О какой-то тайнѣ говорите... И сюда ходите съ тѣмъ, чтобы читать запрещенныя книжки... Знаю я васъ... Книжки здѣсь прячете у Ефима... Не даромъ онъ все газеты читаетъ... Сторожъ не долженъ читать газетъ. Онъ—бывшій солдатъ, а онъ газеты, изволите ли видѣть, читаетъ, политикой занимается... Заодно съ вами со всѣми. Что? Нѣтъ? Какъ ты смѣешь говорить нѣтъ, когда я говорю да?

«Скиѳка» буквально задохнулась отъ захватившаго ее волненія. Схвативъ за руку Баянъ, она дергаетъ ее изо всей силы и кричитъ въ самое ухо дѣвушки:

— Куда ты спрятала книги, брошюры, запрещенную литературу? Куда, говори сейчасъ. Говори сейчасъ.

И такъ какъ Ника стоитъ блѣдная и молчитъ, какъ мертвая, Августа Христіановна внѣ себя мечется по сторожкѣ, заглядывая въ каждый уголокъ, за ситцевую занавѣску, даже подъ кровать. Вдругъ она видитъ большой сундукъ запертый на замокъ. На мгновенье глаза ея останавливаются на взволнованномъ личикѣ Ники, и улыбка злораднаго торжества проползаетъ по тонкимъ губамъ.

— Ага! Вотъ оно что! Вотъ ты куда прячешь принесенныя сюда книги и брошюры. Понимаю... Сейчасъ же подавай сюда ключъ, или я прикажу выломать замокъ.

— Барышня, Августа Христіановна, пожалѣйте себя, не волнуйтесь...—лепечетъ не менѣе самой «Скиѳки» взволнованный Ефимъ, выступая впередъ.—Никакого бунта нѣтъ, никакого заговора, никакихъ книжекъ. Вѣрьте моему слову, барышня. Неужто-жъ я бы покрывать заговоръ сталъ. Я моему царю и отечеству вѣрный слуга.

— Открой сейчасъ же сундукъ!—не слушая его, попрежнему наступаетъ на Нику «Скиѳка».—Я знаю, что ключъ у тебя.

Та молчитъ, блѣдная, подавленная съ упрямо сжатыми губами, съ рѣшительной складкой на лбу. И тя-

желымъ взглядомъ затравленнаго звѣрька смотритъ въ лицо «Скиѳкѣ».

«Что хотите, дѣлайте со мною, но ключа я не отдамъ»,—какъ будто безъ словъ говоритъ этотъ упорный, вымученный взглядъ.

— Не отдашь!—неожиданно громко взвизгиваетъ фрейлейнъ Брунсъ,—въ такомъ случаѣ, если не мнѣ, то ты передашь этотъ злосчастный ключъ непосредственно въ руки инспектрисы.—И схвативъ за руку Нику, Августа Христіановна, насильно тащитъ ее изъ сторожки.

Не помнитъ Ника, какъ минуетъ длинную лѣстницу и вмѣстѣ со своей мучительницей поднимается во второй этажъ. Видитъ, какъ во снѣ, длинный классный коридоръ, комнату инспектрисы, лицемѣрно сочувственное лицо Капитоши и самую Юлію Павловну въ пестромъ турецкомъ капотѣ, сидящую за чайнымъ столомъ съ большой чашкой въ рукахъ.

— Что такое? Августа Христіановна, почему вы такъ взволнованы? Баянъ, вы опять напроказничали, должно быть,—скрипитъ голосъ «Ханжи», прервавшей чаепитіе.

«Скиѳка» не даетъ ей опомниться хорошенько и мигомъ обрушивается на виновницу происшествія и ея отсутствующихъ подругъ. Слышатся снова отчаянные выкрики ея о бунтѣ, о заговорѣ, о запрещенныхъ книжкахъ, спрятанныхъ въ сундукѣ, о ненадежности Ефима, о политической тайнѣ, о ключѣ, котораго ей не

желаютъ отдать... Она захлебывается, задыхается, не находитъ словъ... Глаза ея прыгаютъ и мечутся еще сильнѣе. Губы трясутся, побѣлѣвъ отъ гнѣва... Руки дрожатъ...

Инспектрисѣ передается ея волненіе. Она встаетъ блѣдная, взволнованная и произноситъ, трепеща всѣмъ тѣломъ:

— Это ужасно! Ужасно! Бунтъ, заговоръ въ институтѣ! Политическія тайны!.. О, Боже мой, до чего дошли мы. И вы, Баянъ, вы, дочь своего отца, вѣрнаго честнаго офицера? Вы, которая... На колѣни сейчасъ же... Каяться и молиться. Господь нашъ Небесный милостивъ и долготерпѣливъ. Онъ проститъ васъ, если вы назовете вашихъ сообщницъ, если покажете спрятанныя вами книги, если...

На минуту инспектриса замолкаетъ, захваченная волненіемъ, потомъ подхватываетъ снова и говоритъ, говоритъ, говоритъ...

А въ это время Ника съ тоскою думаетъ, что уже больше получаса прошло съ тої минуты, какъ она спрятала въ сундукъ Глашу, и что, навѣрное, бѣдная дѣвочка чувствуетъ себя тамъ далеко не по себѣ.

«Нотація» госпожи Гандуровой между тѣмъ все длится, длится.

Наконецъ она рѣшительно поднимается со своего мѣста и, приказавъ Никѣ слѣдовать за ней и пригласивъ за собою движеніемъ руки Августу Христіановну, идетъ,

торжествующая и гордая, въ злополучную сторожку.

На порогѣ съ низкимъ поклономъ ее встрѣчаетъ Ефимъ. Но Юлія Павловна какъ будто и не замѣчаетъ его даже.

— Вы дадите мнѣ тотчасъ же ключъ,—оборачиваясь къ Никѣ говоритъ инспектриса.

Послѣдняя стоитъ сейчасъ бѣлѣе своего бѣлаго передника на порогѣ сторожки, вся обратившаяся въ слухъ. Что это, послышалось ей что ли? Какъ будто легкій стонъ доносится до ея ушей. Безспорно, онъ выходитъ изъ сундука, этотъ стонъ, изъ груди спрятанной тамъ Глаши.

— Неужели же? Неужели?

Мертвенная блѣдность покрываетъ и безъ того безкровное сейчасъ личико Ники. Не помня себя, кидается она, забывъ весь міръ, къ сундуку... Проворно вынимаетъ ключъ изъ кармана и трясущимися руками вставляетъ его въ отверстіе замка. Долго не повинуются ей дрожащіе пальцы. Ужасъ сковываетъ душу. Сейчасъ только она начинаетъ понимать, какая страшная опасность грозитъ маленькой дѣвочкѣ, пробывшей болѣе часа въ душномъ, какъ гробъ, сундукѣ.

Наконецъ-то! Повернувъ ключъ въ замкѣ и пріоткрывъ крышку, Ника оборачивается назадъ и говоритъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ обѣимъ наставницамъ:

— Сейчасъ вы убѣдитесь, mesdemoiselles, что никакого бунта или заговора здѣсь не было, что мы ни въ чемъ не виноваты, если не считать за вину наше общее желаніе пріютить и пригрѣть бѣдную сиротку.

Съ этими словами она поднимаетъ крышку. Въ тотъ же мигъ отчаянный, душу потрясающій крикъ срывается съ губъ Ники и несется по нижнимъ и верхнимъ коридорамъ, заполняя собою всѣ углы огромнаго мрачнаго зданія, и Ника безъ чувствъ валится на руки подоспѣвшей «Скиѳки».

* * *

Много дней подъ рядъ и фрейлейнъ Брунсъ и госпожа Гандурова слышали потомъ этотъ крикъ безнадежнаго отчаянія, долго звучавшій въ ушахъ у обѣихъ, и видѣли передъ собою искаженное ужасомъ лицо дѣвушки.

Не помня себя, кинулись онѣ къ сундуку и заглянули внутрь его. Заглянули и тотчасъ же отпрянули отъ него какъ ужаленныя. Маленькое помертвѣвшее, исковерканное судорогой невѣроятныхъ страданій личико глянуло на нихъ оттуда закатившимися подъ лобъ неживыми глазами.

— Маленькій трупъ! Мертвая дѣвочка!—вырвалось съ удивленіемъ и ужасомъ у женщинъ.

Между тѣмъ крикъ Ники былъ услышанъ Зоей Львовной и ея гостями на квартирѣ начальницы. Услышали его и еще двое лицъ, пріобщившихся къ собра-

нію. То были вернувшаяся домой начальница и пріѣхавшій съ нею высокій статный старикъ съ сѣдой гривой курчавыхъ волосъ, съ благороднымъ лицомъ и совершенно бѣлыми усами. Всѣ они кинулись изъ квартиры генеральши по нижнему коридору на церковную лѣстницу, оттуда, какъ показалось имъ, слышался крикъ. Суматоха и голоса въ сторожкѣ подлѣ мертвецкой привлекли ихъ вниманіе. Маman первая заглянула туда.

Взволнованная инспектриса, потерявшаяся классная дама, смущенный, испуганный Ефимъ, державшій на рукахъ бѣдный маленькій трупикъ, и безъ чувствъ лежащая посреди комнаты Ника—вотъ какое зрѣлище представилось глазамъ нечаянныхъ посѣтителей сторожки.

— Что же это такое? Да что же это?—полными отчаянія звуками сорвалось съ устъ Маріи Александровны.

Баронъ Гольдеръ (сѣдой старикъ съ львиной головой) окинулъ глазами комнату и сразу понялъ все. Открытый сундукъ, встревоженныя лица и это посинѣвшее маленькое тѣльце на рукахъ сторожа сразу пояснили ему все. Только вчера вернулся онъ поздней ночью изъ-за границы, прочелъ письмо институтокъ, былъ очень польщенъ ихъ довѣріемъ и тогда же рѣшилъ помочь имъ во что бы то ни стало и выручить ихъ... Послѣднее онъ долженъ былъ сдѣлать тотчасъ же.

— Я вамъ все объясню сейчасъ, ваше превосходительство,—сказалъ онъ взволнованной и встревоженной начальницѣ;—я знаю всю исторію и виноватъ въ ней больше, нежели кто другой. Но прежде чѣмъ каяться въ моей винѣ, я попрошу доктора—обратился онъ къ вошедшему въ эту минуту Дмитрію Львовичу—заняться малюткой и этой барышней. Можетъ быть...

Онъ не успѣлъ еще договорить своей мысли, какъ молодой врачъ былъ уже подлѣ Глаши. Положивъ помертвѣвшую дѣвочку на постель, онъ долго выслушивалъ ее, ловя хотя бы слабые признаки жизни въ этомъ, казалось, уже погибшемъ маленькомъ существѣ.

Съ затаеннымъ волненіемъ, испуганная на смерть, слѣдила за нимъ группа институтокъ, въ нерѣшительности толпившаяся на порогѣ.

Наконецъ, Дмитрій Львовичъ оторвался отъ посинѣвшаго безжизненнаго, распластаннаго передъ нимъ тѣльца и глухо произнесъ:

— Подушку съ кислородомъ сюда.. Жизнь еще теплится, хотя слабо... Надо, во что бы то ни стало, вызвать дыханіе.

Кто-то изъ гостей кинулся исполнять его порученіе въ лазаретъ... Кто-то бросился приводить въ чувство Нику.

Послѣдняя долго не могла притти въ себя. Наконецъ, каріе огромные глаза дѣвушки раскрылись, и она закричала, вся сотрясаясь отъ слезъ:

— Я убила ее!.. Я ея убійца!.. Она задохлась благодаря мнѣ!..

— Она жива, успокойтесь, ради Бога. Она жива.

Кто сказалъ это? Чье энергичное мужественное лицо склонилось надъ Никой? Чей голосъ прозвучалъ съ такой увѣренностью и силой?

— О, милый, добрый, великодушный другъ! Какой тяжелый камень сняли вы съ моей души!—глядя въ глаза Дмитрію Львовичу, безъ словъ, однимъ своимъ долгимъ признательнымъ взоромъ отвѣчала Ника.

Братъ Зои Львовны былъ правъ. Кислородъ и искусственное дыханіе вернули къ жизни едва не задохшуюся на смерть Глашу. Постепенно возвращалась краска жизни въ помертвѣвшее личика. Сильнѣе забилось сердце, забили пульсы. И маленькая «Тайна» открыла глаза...

— Бабуська Ника,—произнесла съ первой вернувшейся къ ней возможностью говорить малютка,—бабуська Ника, не сельдись. Я биля тихенькая, сидѣля, какъ миська, и не пакаля совсѣмъ въ болсомъ сундукѣ...

— О, милая крошка. Она точно извиняется за то, что ее же чуть не убили,—смѣясь и плача, прошептала Ника, бросаясь обнимать свою «внучку».

Когда все успокоилось немного, баронъ снова заговорилъ, обращаясь къ начальницѣ, инспектрисѣ и Августѣ Христіановнѣ:

— Да, я очень виноватъ передъ вами, mesdames.

Я помѣстилъ безъ вашего разрѣшенія здѣсь, въ сторожкѣ, эту маленькую дѣвочку-сиротку и просилъ моихъ юныхъ друзей, институтокъ старшаго класса, позаботиться при помощи сторожа Ефима о ней, пока обстоятельства не позволятъ мнѣ устроить ее иначе. Теперь же я похлопочу о пріемѣ дѣвочки въ одинъ изъ образцовыхъ пріютовъ, съ начальницей котораго я знакомъ лично. Еще разъ прошу извиненія за самовольный поступокъ и прошу винить въ немъ меня одного.

И баронъ почтительно склонился къ рукѣ начальницы.

«О, милый, безконечно милый баронъ! Какъ досадно, что мы не обратились къ нему съ нашей просьбой много раньше!»—мелькнула одна и та же мысль у Ники и ея подругъ.

Что оставалось дѣлать Маріѣ Александровнѣ, какъ не любезно улыбнуться на всѣ эти рѣчи? Вызвала на свои тонкія губы улыбку и инспектриса, вѣрнѣе, подобіе улыбки. И только одна «Скиѳка» сохранила кислое выраженіе лица.

По настоянію Дмитрія Львовича, Глашу перенесли въ лазаретъ, въ отдѣльную комнату, и выпускнымъ было разрѣшено дежурить до ночи у ея постели. Къ счастью, печальное происшествіе не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій для здоровья дѣвочки. Черезъ нѣсколько недѣль щедро надѣляемая поцѣлуями, слезами и по-

дарками и напутствуемая безчисленными пожеланіями своихъ «тетокъ», «мамъ», «папъ» и «бабушекъ», а также дяди Ефима, маленькая институтская «Тайна» покидала пріютившія ее стѣны для поступленія въ пріютъ. Ея родная тетка Стеша не находила словъ благодарить благодѣтелей малютки Глаши—добрыхъ барышень и великодушнаго барона.

Судьба Глаши, выяснившаяся теперь, не заставляла желать ничего лучшаго.

«Тайна» перестала быть таіной, и превратилась въ обыкновенную маленькую дѣвочку Глашу, но родившуюся, очевидно, подъ счастливой звѣздой.

ГЛАВА XVIII.

НАСТУПАЛЪ тихій ласковый апрѣль. Легкими быстрыми шагами подошла красавица весна съ ея зелеными почками, съ алыми зарями и поздними закатами. Пробудился, проснулся отъ долгой зимней спячки институтскій садъ. Еще не покрытыми пышною сѣткою зелени стояли деревья, еще не распускались цвѣты, но ихъ ароматное дыханіе чувствовалось уже въ воздухѣ.

Цѣлыми днями проводили, готовясь къ выпускнымъ экзаменамъ, въ саду институтки. Разстилали казенные пледы на молодой блѣдной травкѣ подъ деревьями, уже опушенными рѣдкою зеленью, уже предчувствовавшими скорую радость весенняго расцвѣта.

Кое-гдѣ вскрывались уже набухшія почки и носились надъ ними первые мотыльки. Звонко заливалась иволга, и ея звонкое пѣніе, доносившееся изъ послѣд-

ней аллеи, тревожило молодыя, чуткія, столь воспріимчивыя ко всему прекрасному, сердца.

Чудный апрѣльскій вечеръ. Въ воздухѣ носится чарующій нѣжный ароматъ весны.

Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ въ послѣдней аллеѣ, гдѣ постоянно царитъ такой славный зеленоватый полумракъ, идетъ усиленная подготовка къ экзамену исторіи. Мрачный историкъ не знаетъ пощады, и на его экзаменѣ слѣдуетъ знать предметъ «на зубокъ». Это не то, что батюшка, которому «Золотая рыбка» умудрилась сказать на выпускномъ экзаменѣ Закона Божія, что Іоаннъ Златоустъ жилъ за два вѣка до Рождества Христова. Въ просторной бесѣдкѣ собралось съ книгами въ рукахъ нѣсколько человѣкъ. Стоятъ, сбившись въ кучку и затаивъ дыханіе, слѣдятъ, какъ какая-то сѣренькая пичужка домовито хлопочетъ, таская въ клювѣ былинки, травки и соломенки для своего будущаго гнѣзда.

— Mesdam'очки, смотрите, смотрите!—и умиленная Шарадзе съ оживленнымъ лицомъ указываетъ куда-то вдаль.

Тамъ носится съ легкимъ пискомъ вторая пичужка.

— Это — мужъ и жена, — рѣшаетъ армянка, — и черезъ мѣсяцъ въ ихъ гнѣздышкѣ будутъ прелестные маленькіе птенчики.

— Трогательная идиллія,—смѣется Баянъ.

— Ну, ужъ ты молчи лучше!—вспыхиваетъ Ша-

радзе.—Ужасно заважничала съ тѣхъ поръ, какъ мѣтишь въ belle-soeur'ки къ классной дамѣ.

Теперь наступаетъ очередь вспыхнуть Никѣ. Ахъ, зачѣмъ она разсказала всѣмъ объ этой свѣтлой страницѣ ея жизни, о первой любви ея къ брату Зои Львовны, къ этому милому энергичному Дмитрію, которому дала обѣщаніе стать его женой. Но дѣлать нечего. Слово не воробей—вылетитъ, не поймаешь. И она звонко, беззаботно хохочетъ.

— Смотри, выйду замужъ за брата классной дамы, и сама синявкой сдѣлаюсь,—хохочетъ Ника.

— Вотъ, вотъ! Это тебѣ какъ разъ къ лицу!

— Mesdames, слышите, кажется соловей щелкнулъ.

— Тсс... Слушайте, слушайте его.

— Нѣтъ, для соловья рано еще. А хочется пѣсенъ. Пусть Неточка споетъ.

— Спой, спой, Нета, напослѣдки,—пристаютъ дѣвушки къ «Спящей красавицѣ».

— А кто за меня войну Алой и Бѣлой Розы выучитъ? Не вамъ, а мнѣ отвѣчать,—говоритъ своимъ пѣвучимъ голосомъ Нета, и тутъ же, не совладавъ съ собою, начинаетъ:

Ты не пой, соловей, подъ моимъ окномъ,
Ты лети, соловей, къ душѣ-дѣвицѣ...

Словно всколыхнулся и замеръ старый садъ, и притихъ весенній вѣтеръ, не шелестя травой... Все росли и крѣпли бархатные звуки и улетали, какъ окрыленные,

туда, въ голубую заоблачную высь. Сладко мечтается подъ такое пѣніе. Разгораются юныя души, жаждущія подвиговъ, любви и самоотреченія...

— Mesdam'очки,—первая приходя въ себя, прошептала Капочка, когда послѣдняя нота романса замерла въ воздухѣ,—какъ хорошо нынче! Цѣлый бы міръ обняла сейчасъ!

— А провалимся, дорогая моя, завтра на экзаменѣ, такъ будетъ совсѣмъ скверно,—неожиданно вставляетъ Зина Алферова.

— Mesdames, а я какъ объ исторіи завтрашней подумаю, такъ у меня подъ ложечкой начинаетъ сосать,—проглатывая мятную лепешку, съ унылымъ видомъ говоритъ Валя Балкашина.

— Ложку брома, 20 капель валерьянки, горчичникъ, и все будетъ прекрасно,—смѣется «Золотая рыбка».

— Да, mesdames, сейчасъ мы сидимъ здѣсь въ бесѣдкѣ, такія близкія, такія родныя,—говоритъ, любуясь приколотымъ на груди у нея цвѣткомъ хризантемы, Муся Сокольская,—а черезъ годъ забудемъ мы другъ друга, какъ будто и не были мы вмѣстѣ, не веселились, не волновались никогда.

— Ну, это ты сочиняешь положимъ, дитя мое. Мы съ Мари, напримѣръ, никогда не разстанемся,—горячо произноситъ черненькій «Алеко».—И жить будемъ вмѣстѣ, и горе и радость дѣлить пополамъ.

—Вы счастливицы,—съ завистью глядя на подругъ, говоритъ кто-то.

— Я, mesdames, уѣду въ Австралію. Переодѣнусь въ мужское платье, буду обращать въ христіанскую вѣру дикарей,—съ блестящими глазами говоритъ Капочка.

— Не завидую я дикарямъ, — смѣется «Золотая рыбка»,—ты, Капочка, костлява, какъ лещъ и вся постнымъ масломъ пропиталась. Зажарятъ они тебя на кострѣ, а ѣсть-то и нечего...

— Я въ Тифлисъ поѣду. Верхомъ скакать стану... Далеко въ горы поскачу,—съ разгорѣвшимися щеками роняетъ Тамара.

— А загадки загадывать будешь?—прищуриваетъ лукаво «Алеко» свои цыганскіе глаза.

— Понятно, буду.

— Лошади?

— Кому?

— Ну, лошади, на которой поскачешь.

— Вотъ еще. Зачѣмъ лошади, когда люди есть.

— А ты, Неточка, на сцену поступишь? Съ такимъ голосомъ грѣшно хоронить талантъ.

Прекрасное лицо Козельской вспыхиваетъ.

— Куда ей на сцену!—хохочетъ Маша Лихачева.—Она выйдетъ пѣть на сцену, откроетъ ротъ и заснетъ.

— Неправда,—улыбается Нета,—это раньше было бы, можетъ быть, а теперь нѣтъ...—и глаза недавней

«Спящей красавицы» устремляются куда-то съ мечтательнымъ выраженіемъ. Тамъ, въ заоблачной дали мерещится ей легкій и стройный силуэтъ юноши съ лицомъ Сережи Баяна, сумѣвшаго расшевелить ее, тихую, сонную до тѣхъ поръ Неточку, своими пылкими рѣчами, въ которыхъ сулилъ въ будущемъ себѣ интересную, захватывающую профессію электротехника, а ей—все то, что можетъ дать ея безспорный талантъ пѣвицы.

Медленно садилось солнце... Алая вечерняя заря вспыхнула на горизонтѣ и яркимъ поясомъ опоясала полнеба...

Заревомъ заката даль небесъ объята,
Рѣчка голубая блещетъ, какъ въ огнѣ,
Нѣжными цвѣтами убраны богато,
Тучки утопаютъ въ ясной вышинѣ,

—декламируетъ стихотвореніе своего любимаго поэта Надсона Наташа Браунъ.

Когда она кончаетъ, всѣ долго молчатъ. И снова тихо звенитъ нѣжный, печальный голосъ «невѣсты Надсона».

— А я, mesdames, уѣду къ себѣ на родину, въ Саратовъ... Продолжать буду копить деньги на памятникъ «ему». Вотъ поставлю памятникъ, украшу вѣнками и буду каждый день ходить туда, свѣжіе цвѣты мѣнять, а зимой вѣнки изъ хвои.

— А я въ Севилью поѣду,—неожиданно вырывается у Галкиной.

— Вотъ-вотъ, тебя только тамъ и не хватало!—смѣется Шарадзе.

— И не хватало, понятно... Жить буду тамъ, на бой быковъ ходить, серенады слушать.

— Смотри, прекрасная испанка, за торреодора замужъ не выскочи,—смѣется «Золотая рыбка».

— Тебя не спрошу.

— А Хризантема, mesdames, не права, говоря, что мы разлетимся въ разныя стороны и забудемъ другъ друга... Вѣдь есть же связывающее всѣхъ насъ навѣки звено, — неожиданно поднимаетъ голосъ Ника, притихшая было до сихъ поръ въ глубокой задумчивости, такъ мало свойственной этому жизнерадостному, подвижному, какъ ртуть, и неумолчному юному существу.

Всѣ смотрѣли на нее вопросительно.

— Наша Тайна развѣ уже не связываетъ насъ? Неужели вы о ней забыли?

— Но она будетъ въ пріютѣ и перестанетъ нуждаться въ нашемъ попеченіи,—слышатся нѣсколько грустныхъ голосовъ.

— Напротивъ, напротивъ. Именно теперь и будетъ нуждаться, и всю жизнь. И мы должны, mesdames, довести доброе дѣло до конца.

Звонкій голосокъ Ники звучитъ глубоко, проникновенно.

— Мы не выпустимъ ее изъ вида ни на одинъ день. Пусть тѣ, кто живетъ въ этомъ большомъ городѣ, навѣщаютъ ее и сообщаютъ о ней тѣмъ, которыя

будутъ заброшены отсюда на край свѣта. Да, да, такъ будетъ. Такъ должно быть.

— Да будетъ такъ,—шутливо-торжественно поднимаетъ руку Шура Чернова.

Но на нее шикаютъ со всѣхъ сторонъ. Плоской и ненужной кажется въ этотъ торжественный моментъ шутка.

— Да, да, mesdames, мы не можемъ оставлять Глашу *), нашу Тайну, мы должны всячески заботиться о ней. Дадимъ же слово другъ другу дѣлать это.

— Даемъ слово!

— Честное слово!

— Клянемся!

— Да! Да!

Еще ниже спускаются голубыя сумерки. Догорѣлъ алый закатъ на далекомъ небѣ. Гдѣ-то далеко отъ садовой бесѣдки дребезжитъ звонокъ. Это зовутъ къ ужину и вечерней молитвѣ.

— Ника,—неожиданно проситъ «Золотая рыбка»,—спляши намъ сейчасъ.

— Душа такъ проситъ красоты,—тутъ же поддерживаетъ «невѣста Надсона».

— Да, да, спляши, Ника, уже раздается общій настойчивый голосъ.

---

*) Дальнѣйшая судьба Глаши, ея жизнь на новомъ мѣстѣ, въ «питомникѣ» княжны Нины Бекъ-Израилъ на Кавказѣ и т. д. составляетъ содержаніе повѣсти подъ названіемъ «Дели-Акызъ».

Безъ словъ и возраженій поднимается со скамьи хрупкая изящная фигурка темнокудрой дѣвушки. Быстрымъ движеніемъ сбрасываетъ она съ ногъ неуклюжіе прюнелевые ботинки и, оставшись въ однихъ чулкахъ, феей юности, легкой и воздушной, кружится по просторной бесѣдкѣ. Каштановые кудри распадаются изъ тяжелаго узла и струятся вдоль стройныхъ плечъ и тоненькой шейки. Вдохновенно поднятые къ вечернему небу глаза словно кого-то ищутъ въ лазурныхъ даляхъ... Она даетъ одинъ кругъ, другой, третій, четвертый... Несравненны ея движенія, прелестно одухотворено лицо, о чемъ то словно говоритъ ея порывистое дыханіе.

Восторженно смотрятъ на нее подруги. Точно поютъ ихъ молодыя души... Расцвѣтаютъ въ нихъ розовыя крылатыя надежды. И чудится каждой изъ этихъ притихшихъ въ молчаливомъ восторгѣ дѣвушекъ, что сама Радость Жизни, Свѣтлая Волшебница Счастья, носится передъ ними, олицетворенная, неуловимая и нѣжная, какъ полуночный сонъ.

Но вдругъ порвалось настроеніе... Внезапно остановилась Ника. Въ полуоткрытую дверь бесѣдки просовывается испуганное лицо:

— Mesdam'очки, ради Бога... До того заучилась, что въ головѣ все перепуталось—одна каша... Помогите, ради Бога. У кого, у грековъ или римлянъ, была третья Пуническая война?—и Эля Ѳедорова съ не-

«Тайна» покидала стѣны института.

поддѣльнымъ выраженіемъ отчаянія оглядываетъ собравшихся въ бесѣдкѣ подругъ.

— У персовъ... У египтянъ... У франковъ... — хохочетъ, какъ безумная, Шарадзе и опускается, точно валится на скамью.

А сумерки все сгущаются, все ползутъ незамѣтно... Алая заря давно поблѣднѣла... Гдѣ-то въ послѣдней аллеѣ защелкалъ ранній соловей, защелкалъ тонко, таинственно и грустно.

Еще одинъ день канулъ въ вѣчность. Еще однимъ днемъ ближе къ тому неизбѣжному часу, когда тридцать дѣвушекъ, какъ стая легкихъ птицъ, разлетятся по бѣлу свѣту въ погонѣ за своей долей,—счастливой и радостной, или мрачной и печальной—кто знаетъ, кто вѣдаетъ сейчасъ!..

КОНЕЦЪ.

Цена 10 — 1453
Н.Л-2

37.64.5.54.